

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

КОНАН СИЛАЦИATOR

Леонард
Карпентер

Annotation

Пройдет много лет, и он будет вспоминать эти времена с благодарностью. Именно на забрызганном кровью песке арены Империум-Цирка он научился владеть трезубцем и секирой, побеждать диких зверей, сражаться против пятерых противников одновременно.

Но это потом, а тогда жизнь его висела на волоске, и каждый вечер, выходя на ристалище, он не знал, доживет ли до утра.

В те времена его звали Конан — гладиатор.

- [Конан – гладиатор](#)

- [Глава первая](#)
  - [Глава вторая](#)
  - [Глава третья](#)
  - [Глава четвертая](#)
  - [Глава пятая](#)
  - [Глава шестая](#)
  - [Глава седьмая](#)
  - [Глава восьмая](#)
  - [Глава девятая](#)
  - [Глава десятая](#)
  - [Глава одиннадцатая](#)
  - [Глава двенадцатая](#)
  - [Глава тринадцатая](#)
  - [Глава четырнадцатая](#)
  - [Глава пятнадцатая](#)
-

Конан – гладиатор

Глава первая

НОЧНЫЕ КОШКИ

Пивнушка в Таджаре была, не бог весть, каким роскошным заведением. Строили ее без большой выдумки, зато надежно и прочно. Глинобитные стены, прокаленные солнцем, успешно противостояли резким ветрам равнин Шема, когтям леопардов и даже копьям и стрелам разбойных налетчиков. Плотная черепичная крыша не пропускала вовнутрь ни зимней слякоти, ни пыли песчаных бурь лета. Двери и ставни на окнах служили надежной преградой воришкам — по крайней мере, тем из них, что старались пробраться снаружи.

Кухня гостиницы также могла похвастаться не многим: тушеной бараниной, хлебом из крупной муки, а также самодельными горячительными напитками, которые, правду сказать, ничуть не уступали кислому пойлу, что подавали в других таких же сельских забегаловках. Короче говоря, заведение весьма мало отличалось от сотен других, где Конану доводилось сиживать в его странствиях. Во всяком случае, здесь было уютно, и киммериец возблагодарил Крома за то, что в кошельке у него было достаточно медяков еще на несколько суток постоя.

Расположившись за длинным дощатым столом, служившим по совместительству и прилавком, Конан оценивающим взглядом созерцал местных красавиц. Семитские женщины, по его мнению, были не столько изящными, сколько крепкими и закаленными. Бедра и грудь у них были плотные, взгляды — острые, языки — еще острее. Не слишком ухоженные волосы свисали угольно-черными либо рыжеватыми завитками.

Эллилия, кухарка, воистину так и просилась в объятия... равно как и Судит, капризная дочка хозяина, — дикий крокус, расцветший под стеной хлева.

Увы!.. Большинство здешних красоток были благополучно замужем и вполне довольны жизнью. И живым воображением отнюдь не отличались. Ну что за манера встречать невинный вопрос разящим взмахом поварской вилки, а то и половником кипящего супа?..

Две дамы, составлявшие немногочисленное исключение, восседали на скамье по обе стороны Конана. И вовсю заигрывали с (чего уж там!) привлекательным киммерийцем. Одна из них, Тарла, ничем еще не напоминала матерую воительницу любви. Хрупкая девчушка, чьей женственности только предстояло расцвести. Она играла в греховность, еще плохо соображая, что это слово означало на самом деле. Для нее обнаженная мускулистая грудь чужака, его густая вороная грива и необычные синие глаза означали только положение и престиж, замечательный трофей в любовной игре. Конан скорее терпел ее, считая про себя нагловатой девчонкой, и пикировался с ней то, как с женщиной, то, как с ребенком, не строя при том никаких завоевательских планов.

Другой его соседкой была Грутельда, прислужница на конюшне. Вот уж кто в полной мере постиг все тайны взаимоотношений между полами! Вполне возможно, что на миросозерцание Грутельды немало повлияли наблюдения за проказами жеребцов и кобылиц, вверенных ее попечению. Она набралась их повадок и даже в некотором роде переняла внешность: у нее были крепкие зубы и раскатистый хохот, вызывавший мысль о веселом ржании хорошо откормленного мула. К сожалению, она странновато поводила глазами, и время от времени заикалась, так что, быть может, дело и вправду не обошлось без мула, слегка лягнувшего ее по головке. Сидя рядом с Грутельдой, трудно было соскучиться. Веселая подружка, прекрасно подходившая для какого-нибудь работника с фермы.

Конан и девушки уплетали овсянку со специями из одной миски, когда снаружи донесся какой-то шум: целый хор голосов и пронзительное верещание музыкального инструмента.

Сумерки еще не наступили, поэтому входная дверь стояла незапертой. Вот она распахнулась настежь, и ввалилась вереница удивительных незнакомцев: судя по внешнему виду — продувные бестии, трое числом. Двое мужчин и красивая женщина. Зайдя внутрь, они с ужимками и прыжками обошли всю таверну, размахивая большущим листом с надписями и по очереди распевая.

— Все для вашего удовольствия и наслаждения! — провозгласил один.

— Милости просим каждого, от простолюдинов до вельмож, — добавил другой.

Музыкальный инструмент продолжал душераздирающе пищать.

Цирк к вам приехал! Спешите! Спешите!
Пышного представления не пропустите!
Подвиги силы и волшебства,
О коих повсюду трубит молва!
Дикие звери! Прекрасные девы!
Зрелищ таких не найдете нигде вы!
Завтра на ярмарке! Только для вас!
Кто не придет — пожалеет сто раз!

Один из троих был мускулистый здоровяк, ростом почти с Конана, только полнее. Он был облачен в усыпанную яркими блестками юбочку-килт, веревочные сандалии и широкий кожаный пояс с начищенной бляхой, полученной за первенство в неведомо каких состязаниях. Черты лица, обрамленного черными завитками, были крупными, чувственными. Рот кривился в самонадеянной, вызывающей усмешке. Обходя таверну, этот человек прошел мимо среднего стола и оказался как раз против Конана. Опытным взглядом циркач оценил и огонек в глазах киммерийца, и мощь его тела. У обоих, если можно так выражаться, начала подниматься дыбом щетина. Но потом крепыш в блестках двинулся дальше, так что безмолвный вызов повис в пустоте. Конан, успевший присмотреться к силачу и ощутить законное раздражение (мог бы и поменьше выпендриваться, проходимец!), тем не менее, сразу позабыл про него, зачарованно глядя на следующего участника шествия.

Это была женщина в облегающем одеянии, которое одновременно скрывало и всячески подчеркивало крепкую мускулистую плоть. Снизу доверху; от аккуратных тапочек до оголенных плеч, тело женщины было обтянуто тончайшим зеленым шелком, сидевшим чуть не плотнее собственной кожи: казалось, его так и сшили прямо на ней. На бедрах висело нечто вроде коротенькой юбочки — этакая пародия на стыдливость. Особенно туго шелк натягивался на груди, прижимая нежные выпуклости (видимо, затем, чтобы удерживались на месте во время головоломных акробатических трюков).

Определить длину каштановых волос Конану не удалось: они были заплетены в косу и аккуратно уложены на затылке. Ступни и точеные кисти рук были закалены упражнениями и не украшены ни перстеньком, ни браслетом: побрякушки только помешали бы гимнастке в ее ремесле.

Вид циркачки, столь разительно отличавшейся от деревенских девушек Шема, вызвал в душе Конана целую волну необыкновенных устремлений и пожеланий. В свое время ему приходилось иметь дело с воительницами. Равно как и с лихими морячками, пиратствовавшими не хуже мужчин. С танцовщицами, жившими в больших городах... Но только тут до него впервые

дошло, что именно такие девушки ему и нравились всего больше. По крайней мере, они составляли наиболее приятное разнообразие в его похождениях.

Внезапно забыв о двух местных обольстительницах, уивавшихся подле него, Конан наполовину приподнялся со скамьи и протянул руку. Он хотел всего лишь привлечь внимание акробатки, предложить ей освежиться напитками и развлечься беседой, но его намерения истолковали превратно.

— А ну-ка убери лапищи, переросток! Вздумал мешать шествию, дубина стоеросовая?

Хлесткий шлепок по тыльной стороне кисти заставил Конана отдернуть руку. Он обернулся и тут только впервые, как следует разглядел третьего члена команды — коренастого широколицего карлика в сером одеянии с просторными рукавами и остроконечной черной шапочке. Он двигался с присущей карликам быстротой и смазал Конана по руке концом серебряной флейты — той самой, на которой перед этим искусно играл, аккомпанируя стишкам зазывалы. Музыкант шмыгнул мимо Конана, блеснув быстрыми ясными глазами, и киммериец отметил про себя, что черты лица у него были правильные и не лишенные обаяния.

— Слушай, парень, ты не слишком учтив,— сказал Конан, поднимаясь на ноги и выпутываясь из объятий девиц. — Я всего лишь собирался пригласить даму задержаться для небольшой беседы, ну, может, разделить кружечку хорошего сидра. Мне, кстати, весьма по душевеши несомненные таланты и праздничные костюмы. Особенно что касается красавицы, которая...

— Хватит болтовни, деревенщина! — перебил, оборачиваясь, силач-предводитель. — У нас дело есть, в отличие от тебя!

— Вот это верно,— сказала прекрасная акробатка.

Впрочем, в ее насурмленных глазах читался некоторый интерес, и она не думала смеяться над Конаном.

— Мы должны пройти по целой деревне, а потом все подготовить для завтрашнего выступления на ярмарке, и...

— В общем, дел выше крыши, — вновь перебил силач. — Так что никогда нам рассиживаться в какой-то дыре и наслаждаться лошадиной мочой в обществе невоспитанного олуха. Отвали, тебе говорят!

Посмотрев на кубок в руке Конана, он сморщил нос, словно от неприятного запаха, а потом встал против киммерийца и что было силы напряг одетый мышцами торс.

Конан, в общем, видел, что здоровяк больше разыгрывал из себя этакого самоуверенного задира. Но не только разыгрывал. Было в его напускном презрении и нечто прочувствованное, глубоко личное.

— А что, если я тебя просто возьму и выкину отсюда, бычий загривок? — поинтересовался киммериец. — Может, тогда у красавицы найдется время и место немного поболтать с ее поклонниками?..

И он, глядя через намасленное плечо великана, подмигнул акробатке, с сомнением взиравшей на воинственные выходки мужчин.

— Ну, а если вы все же решите вести себя как приличные люди, я с удовольствием прогуляюсь вместе с вами, да и помогу, чем могу...

— Хватит трепотни! — раздраженно рявкнул силач.

Расталкивая людей, он шагнул вперед и толкнул Конана в грудь ладонью. Толчок заставил киммерийца покачнуться назад, часть пива выплеснулась из бокала прямо за корсаж Грутельде.

— Сядь, чужеземец, и не высовывайся, пока я тебе руки-ноги узлами не завязал!

— Значит, подраться желаешь, — констатировал Конан.

Он вручил Грутельде свой бокал и, не спуская глаз с великана, несколько раз глубоко

вдохнул, а потом встал в борцовскую стойку: развел руки и стал перекатываться на носках.

— Что? Схватка в таверне? — захотел его противник. — Ну, как хочешь! Я, Рогант Сильный, принимаю твой вызов! — И циркач начал было принимать стойку вроде Конановой, но вдруг поднял ладонь: — Эй, только избавься сперва от своей живорезки! Не ровен час, будешь падать, напорешься...

Его палец указывал на небольшой кинжал на поясе у Конана. Если по совести, этот нож с лезвием не больше ладони длиной и оружием-то назвать было трудно — так, мясо да хлеб за столом резать, и все. Тем не менее, Конан сказал:

— Сниму, если хочешь.

Отвязав ножны от пояса, киммериец повернулся вручить его хихикающим подвыпившим девицам, волею судьбы оказавшимся его секундантками. Пускай Тарла его поддержит: она, в отличие от Грутельды, навряд ли пустит ножичек в ход... скажем так, от излишнего девического волнения...

Он уже разворачивался навстречу противнику, когда на его шею безо всякого предупреждения легла железная лапа — и рванула вниз! Он неловко шагнул, силясь удержать равновесие, и взмахнул рукой, но рука тотчас попала в искусный борцовский захват. Рогант швырнул Конана в сторону, киммериец налетел на стол, перекатился через него и обрушился на пол.

— Бросок! Бросок! Почтеннейшая публика, прошу милостивого внимания, — бросок должен быть засчитан! — сквозь звон в ушах рассыпал Конан голос коротышки. — Одно падение уже есть, а всего их может быть три, если, конечно, ни один не сумеет прижать другого к полу. Делайте ставки, почтенные! Я, Бардольф, отвечаю за их сохранность! — Проворный карлик уже обходил посетителей таверны, принимая деньги и что-то записывая на вощенной дощечке. — И помните, друзья мои, что Роганту до сих пор сопутствовала слава непобедимого!

Конан поднялся с пола и, свирепея, направился к циркачу. Тот красовался, поворачиваясь то туда, то сюда и хвастаясь мышцами.

— По-твоему, негодяй, это была честная схватка? — рявкнул киммериец во всю мощь голоса.— На сей раз ты меня не застанешь врасплох!

Посетители вскакивали со своих мест, образуя вокруг борцов живое кольцо. Гневная отповедь Конана была встречена громкими криками, как сочувственными, так и насмешливыми, причем последних было существенно больше. Народ лез снаружи сквозь дверь, привлеченный ярким цирковым шествием и, паче того, шумом, доносившимся изнутри. Драки, как и вообще какие-либо развлечения, помогающие развеять скуку однообразных будней, в Таджаре приключались нечасто. Конан же вообще был чужаком, которого не многие успели узнать, и за которого еще меньше склонны было заступиться. Так что собравшаяся толпа в основном жаждала его крови.

— Ну, давай, давай, северянин! — подзадоривал Рогант. — Давно на полу не лежал? Еще два падения, малыши, и я тебя отпущу. Да не бойся, я же обещал не особенно тебя мордовать...

Рогант еще паясничал и насмехался, когда Конан устремился в атаку. Его руки мелькнули со смертоубийственной быстротой и сомкнулись в захвате, сковавшем плечи и шею Роганта. Беда только, пальцы Конана начали соскальзывать по намасленной коже. Поэтому циркачу удалось вывернуться и с силой ткнуть киммерийца плечом в живот. Тот, впрочем, не упал, лишь отскочил на несколько шагов назад... Но тут что-то врезалось ему сзади под колени, и Конан вновь оказался плашмя на полу!

Перед глазами от удара вспыхнули звезды, и Конан с мгновенным запозданием сообразил, что «уронил» его не кто иной, как Бардольф. Карлик уже спешил прочь — собирать новые ставки у заинтересованных зрителей. Вскакивая, киммериец нисколько не сомневался в том, что

Бардольф попался ему под ноги отнюдь не случайно.

— Еще одно падение, северянин! Что-то ты у нас совсем на ногах не стоишь! — под дружное улюлюканье толпы насмехался Рогант. — Тебе, бедняжка, придется научиться не налетать на ни в чем не повинных людей, стоящих вокруг! Еще кого зашибешь!..

И он по-крабы двинулся навстречу киммерийцу, но на сей раз Конан не стал тратить время на то, чтобы выпрямиться во весь рост. Поднявшись только на четвереньки, он вдруг прыгнул, как пантера, стелясь над самым полом, сгреб толстое колено циркача и с вывертом рванул его вверх.

Великан пошатнулся. Конан, воспользовавшись этим, принял на плечи всю его тушу и взметнул над собой, оторвав от пола таверны. А потом уронил. Рогант приземлился с таким смачным хряском, что толпа почтительно замолчала.

Только верная Грутельда вскричала:

— Молодец, Конан! Давай дави его! На шею, на шею ему наступи!..

Киммериец склонился к поверженному, но тот, выгнув хребет, внезапно сгреб его за шею, сдавливая горло и пытаясь бросить соперника через себя. Однако варвар был настороже. Он подбил одну ногу Роганта, после чего «внес» циркового борца в одну из скамей, опрокинув ее.

Рогант ответил броском, достойным раненого питона. Сграбастав один другого, соперники покатились по полу, сшибая зрителей и раскидывая мебель. Летела пыль и брызги из луж пролитого пива. Каждый готов был вынуть из соперника душу и делал что мог, чтобы завоевать преимущество. Наконец Конан сумел обхватить шею Роганта и опрокинуть его навзничь. И уже было собрался слегка придушить супостата, когда у того непроизвольно вырвался болезненный стон.

Конан успел убедиться в сомнительной честности циркача и до последнего подозревал некую хитрость. Он не сразу выпустил глотку Роганта, внимательно глядя в его лицо. Нет, не последовало ни броска, ни захвата, борец только закатил глаза, и Конан услышал жалобное бормотание:

— Во имя Сета, парень, ну надо же тебе было так шарахнуть меня спиной о скамью!.. Ведь договаривались не калечить! А ты мне, кажется, лопатку сломал...

— Ну, так что, драке конец? — спросил Конан достаточно громко, чтобы слышали все.— Сдаешься? Признаешь меня победителем?

— Еще не хватало! — тут же встрял Бардольф, коротышка флейтист. — И вовсе он тебя никем не признает! — Подойдя вплотную, карлик возмущенно смотрел на Конана, продолжавшего придерживать Роганта. — Схватка прекращается ввиду грубого нарушения правил! Все ставки возвращаются, хотя, по правде говоря, надо бы засчитать тебе поражение! За жульничество!

— Ну, это уже вовсе, ни в какие ворота не пролезает! — возмутился Конан, приподнимаясь на колени. — Я его честно побил!

— Как вам не стыдно препираться по пустякам, когда человек лежит здесь и страдает! — склонилась над Рогантом прекрасная акробатка. Пригладила рукой его грязные, спутанные волосы и поцеловала в потный лоб: — Бедненький!.. Ты подняться-то сможешь?

— Попробую... — И Рогант отдался заботам девушки, которая приподняла его и усадила, в то время как Конан осторожно подпирал недавнего противника с другой стороны. — Ой, ой!.. У меня, кажется, еще и колено вывихнуто... — Он попробовал встать, но зашатался и тяжело навалился на плечо девушки. — Мне без твоей помощи, пожалуй, и не дойти до палаток...

— Я помогу, — вызвался Конан, поглядывая на акробатку. — Ну, подрались, чего не бывает, а вообще-то я никакого зла не держу...

— Вот и хорошо, — сказала она. — Если ты, в самом деле, хочешь загладить то, что тут

произошло...

— Нет, ни за что! Никогда!.. — поворачиваясь к Конану, яростно запротестовал Рогант.— Да я этому говнюку мешок с коровьим дерьямом нести не доверю!..

— Послушай-ка, ты, шкаф спесивый! — вмешался малютка Бардольф. — Я, что ли, тебя назад понесу? И потом, помочь тебе дотащиться домой — это самое малое, что может сделать бессовестный осталоп, так нечестно тебя изувечивший!

Говоря, таким образом, маленький музыкант уже расталкивал зрителей и опрокинутые скамьи, расчищая путь к двери. Конан чмокнул обеих своих подружек, пожелав им спокойной ночи, и подпер плечом пораненного борца. Тот сперва попробовал его оттолкнуть, несмотря даже на большое колено. Акробатка обняла Роганта с другой стороны, оберегая его бессильно повисшую руку. И цирковое шествие двинулось обратно в дверь — далеко не с таким блеском, с каким вошло внутрь, но зато провожаемое гулом голосов и внимательными взглядами заинтересованных жителей Таджары.

Снаружи над пастбищами и хлебными нивами шемских равнин уже сгущались сумерки. Троє циркачей и Конан, почти тащивший на себе недовольного Роганта, прошли под деревьями и между домиками поселка и направились к западу, полыхавшему розовым золотом заката.

Пока шли, Конан узнал, что двое мужчин, Рогант и Бардольф, были уроженцами Боссонских Пределов. А вот девушка, в чертах лица которой сквозила кошачья красота Стигии, была местной и родилась в Шеме. Звали ее Сатильда. В целом же труппа состояла из дюжины или около того человек самого разного происхождения. Были среди них артисты, были и работники, занимавшиеся тем, что устанавливали цирковые палатки и ухаживали за зверьем.

Вскоре показался лагерь, разбитый чуть в стороне от дороги, на заросшем деревьями речном берегу. Там горели костры, озарявшие два ярко раскрашенных фургона. В тени угадывались какие-то смутные силуэты, слышалось ворчание, сверкали светящиеся глаза. Мужчины, одетые в лохмотья со следами былой роскоши, выглядели сущими кочевниками. Женщины в потрепанных шелках готовили еду и расстилали под открытым небом постели.

— О-ох, мое плечо!.. — громкими стонами оповестил их Рогант о возвращении ходивших в деревню. — Обращайся со мной нежнее, ты, увалень безрукий!.. Или, может, ты хочешь довести до полного конца тот ущерб, который уже причинил?.. Скорее несите мне выпить, да побольше! Неужели не видите, как я страдаю?

Он бранился все время, пока Конан с Сатильдой укладывали его возле костра на подушки. Люди подходили посмотреть, что случилось, и, слыша стоны и жалобы силача, с укоризной поглядывали на киммерийца. Тот помаленьку начал задумываться, не пора ли уносить ноги, — кабы не вздумали сообща побить его камнями. Тем не менее, пока Конан оставался на месте, мрачно встречая враждебные взгляды.

— Ну что ж, парень, коли ты покалечил нашего силача, придется тебе выполнять его часть работы, — сказали ему, наконец.

Говоривший был тощ и седобород. Высокий рост старика и лицо, точно вырубленное из камня, изображали в нем боссонца. Другие обращались к бородатому почтительно: мастер Ладдхью. Скептически смерив Конана взглядом, старик махнул костистой рукой в сторону раскрытого ящика для инструментов: в нем виднелись железные колышки и тяжелая кувалда.

— Сатильда покажет тебе, что и как делать...

Красавица акробатка взяла из костра горящую головню, и, грациозно ступая, вывела Конана на лужайку, где уже были разложены длинные бревна и толстые канаты.

— Это опоры, их надо надежно установить, — начала она объяснять киммерийцу.— Одна плохо натянутая веревка не только погубит все мое выступление, но и меня саму доконает покруче, чем беднягу Роганта.

Под ее недреманным присмотром Конан начал забивать металлические колья глубоко в плотную землю, привязывать к ним растяжки и поднимать торчком празднично разрисованные стояки. Между ними они сообща натянули канаты для выступления, приладили веревочные лестницы и трапеции. Сатильда самолично проверила каждый узел, что-то подтянула потуже, попросила Конана глубже вколовить несколько кольев. Когда работа была завершена, она вручила ему головню, а сама босиком вспорхнула на канат и на миг замерла в исполненной изящества позе. Затем последовала серия умопомрачительных прыжков, полетов на трапециях, подскоков... и наконец, Сатильда легко спрыгнула наземь.

— Сойдет, пока, — улыбаясь, сообщила она Конану.— Поужинай с нами, если проголодался.

Оказывается, следом за Конаном и остальными к кострам циркачей явилось несколько любопытных жителей Таджары. Закат уже догорал, когда они начали появляться компаниями по два-три человека. Бродячие артисты не стали терять времени даром, пользуясь возможностью заработать монетку-другую: там и сям прямо на земле расстилались одеяла, и кочевой люд демонстрировал разные разности, кто на что был способен.

У одного из костров выступала ясновидящая по имени Иокаста. Одетая крестьянкой, с тюрбаном на голове, она раскладывала карты на хлебной доске и пророчествовала перед местными жителями, сидевшими на корточках кругом.

На другом одеяле вовсю резались в кости: только и слышался звон монет да перестук фишек, катавшихся в костяной чашке. Немного подальше зачарованно стояла группа мужчин, а посередине вертелась и извивалась фигуристая пухленькая танцовщица. Она была облачена в две расшифты блестками полоски ткани: на бедрах и на груди. Вуали, подшитые к этим полоскам, таинственным облаком окутывали ее тело.

Облако вздымалось и перетекало под аккомпанемент флейты Бардольфа и мерно ухавшего тимпана. На животе у танцовщицы висели бубенцы, и она умудрялась отбивать ими ритм, невероятным образом выгибаясь назад и зубами подбирав с земли бросаемые ей монетки...

Здесь Конан ненадолго задержался, заглядывая через плечи мужчин. Потом повернулся и пошел за Сатильдой к маленькому костру, устроенному позади фургонов. Возле него, бездельничая, развалилось несколько кочевников. Сатильда склонилась над котелком и наполнила деревянные миски дымящимся варевом — Конану и себе.

Киммериец уселся подле женщины и стал есть, чувствуя на себе взгляды всех находившихся у костра, особенно Роганта, нализавшегося до полубессознательного состояния. За едой киммериец перекинулся несколькими словами с гостеприимной хозяйкой. Он чувствовал, что перед ним без утайки открывалось почти все, что касалось будничной жизни бродячего цирка. Обжигая рот горячей едой, он опустошил миску и стал смотреть, как Сатильда наполняет маленькие чашки вином из небольшого, снабженного затычкой бочонка и передает их товарищам.

Вот настала его очередь пить, и выяснилось, что в бочонке содержался жидкий огонь, ударивший прямиком в голову. Когда спустя некоторое время Сатильда поманила Конана рукой, он поднялся и обнаружил: для того чтобы стоять прямо, требовались некоторые усилия. Сатильда провела его на зады лагеря, в глубокую тень фургонов. Там, на траве, было расстелено небогатое одеяло. Девушка опустилась на колени и тщательно разгладила постель.

Пока он пробирался в потемках, его ноздрей коснулся острый запах, показавшийся очень хорошо знакомым. Запах зверя, от которого шевельнулись волосы на затылке. Что-то лениво лязгнуло совсем рядом... дрогнули тяжелые звенья цепи, послышалось низкое, утробное ворчание большой кошки.

Зверь был черен. Как сажа, как уголь, как чернила — сплошной сгусток тьмы. Если бы не запах, Конан мог бы запросто споткнуться о мохнатое тело. Постепенно киммериец различил

силуэт и оценил расстояние между поблескивавшими глазами. Судя по всему, перед ним была не просто пантера. У фургона лежал ночной тигр. Причем взрослый и, отнюдь не из маленьких.

Прохладная ладошка Сатильды легла на плечо, и Конан даже вздрогнул от неожиданности.

— Полезно держать при себе зверье, — шепнула гимнастка.— И шакалов отпугивают, и деревенских воришек... И вообще всех любопытных...

Обняв Конана, она увлекла его с собой на подстилку. В любви она оказалась такой же сильной и стремительной, как и на цирковом канате. Пришлось Конану пустить в ход все мышцы, без того пострадавшие в схватке и утомленные работой. Женщина того заслуживала, но под конец он чуть не стонал от изнеможения.

Чуть попозже, отдохшая от любовных усилий, он поймал себя на забавной мысли: уж не было ли и это одной из ежевечерних обязанностей силача Роганта?.. Вслух Конан, естественно, ничего спрашивать не стал. Он был еще достаточно трезв, чтобы не задавать таких опасных вопросов. И в достаточной степени пьян, вернее, пребывал в блаженном хмелю, чтобы ничуть не беспокоиться по этому поводу...

Глава вторая «ПОТОМОК ТИТАНОВ»

Ярмарка, разразившаяся в местечке Сендай, превратила зачуханную деревушку, ютившуюся у реки, в пестрое скопище палаток и торговых лотков, между которыми толпами сновал празднично приодетый народ. Еще до рассвета начали съезжаться крестьяне: кто на осле, кто на повозке, запряженной быками. Каждый вез с собой все, что только мог выставить на продажу. Земледельцы и пастухи заполонили деревенскую улицу, разряженные в свои лучшие овчинные безрукавки и вышитые кафтаны. В дальнем конце базарной площади притягивали взор ярко раскрашенные полотняные башни, укрепленные расчалками: там устроился бродячий цирк. Народ дюжинами стекался в ту сторону со всех сторон.

— Спешите! Спешите! — провозглашал мастер Ладдхью, стоя у обочины дороги на опрокинутой бочке. — Спешите видеть дивные дива и всевозможные чудеса, прибывшие из дальних стран света специально для вас. Не упустите шанс лицезреть блестательную Сатильду и ее труппу Императорских Акробатов из Кордавы — прекрасной столицы государства Зингара, лежащего на самом западе мира! Придите подивиться чудесам Бардольфа и Иокасты — ясновидящей и волшебника, которые явят вам тайны магии, вывезенные из Турана, Рассветной Страны! Загляните в глаза удивительным зверям, родившимся в джунглях дальнего юга, где под сенью вековечных дерев бродят ужасные призраки! И, в довершение, — вот он стоит прямо перед вами, Конан Могучий, повсюду прославленный как Самый Сильный Человек! Он приехал сюда; дабы возвеличить перед вами телесную мощь и невиданные искусства своего народа северных великанов! Взгляните, почтенные, на несравненного Конана! Когда еще вам представится случай хоть одним глазком увидеть столь сверхъестественную силу и мощь!..

Без труда удерживая равновесие на своей бочке, Ладдхью повернулся и дал сигнал, взмахнув полой бархатного плаща. По этому сигналу Конан вышел на грузовую платформу одного из тяжелых фургонов, к которому была привязана одна из растяжек циркового тента. На нем красовался тот самый костюм, в котором Рогант появился в достопамятный вечер в Таджаре: сандалии и юбочка-килт. Вплоть до уже упоминавшегося пояса со здоровенной полированной бляхой на животе. Непокорную вороную гриву киммерийца успели заботливо подстричь, расчесать и украсить блестящим металлическим обручем.

Обруч сиял чистым золотом в черных волосах Конана, и никто в толпе не знал, что в перерывах между выступлениями его приходилось отчищать от зеленой корости. Металл, из которого он состоял, с золотом и рядом не лежал.

Выйдя на середину, Конан борцовским жестом воздел руки над головой и напряг необъятные мускулы, давая публике полюбоваться редкой красотой мужественной фигуры.

— Смотрите, смотрите! — вещал Ладдхью. — Этот парень — наполовину человек, наполовину титан! Вы только взгляните, как перекатываются его могучие мышцы! Каким великолепным зверем может быть мужчина! А если, почтенные, вы желаете посмотреть, как он пускает в ход богами данную силу и помогает ли она ему справиться в схватке с любыми двоими из числа собравшихся здесь,— нет ничего проще! Вы просто вручите привратнику свои медяки, ибо он рад будет принять их прямо здесь и сейчас. Выступление Конана Могучего состоится по ходу нашего представления, а представление начнется тотчас же, как только будет полна площадка для зрителей. Итак, — не проходим мимо! Не проходим, а подходим, платим грошики получаем самое лучшее место, с которого будет видно все целиком, от начала и до конца!

Завороженные его красноречием, щемиты один за другим проникали в калитку, разыскивая

под одеждой тщательно запрятанные кошельки и выуживая мелочь для платы за вход.

Монетки переходили к Роганту, восседавшему на передке фургона. Бывший «непобедимый силач» сумрачно взирал на толпу. Он сидел, нахохлившись, да и одет был в бесформенную хламиду, никоим образом не дававшую заподозрить под ней его собственные прославленные мышцы.

Заплатив, зрители проходили под дышлом повозки, поднимавшемся на веревке наподобие шлагбаума. Вообще-то поднимать его должен был привратник, но плечо у Роганта еще болело, и поэтому рядом с ним сидел Бардольф. Карлик приподнимал дышло неохотно, точно скучаясь: самым высоким из посетителей приходилось нагибать головы.

— Увы, больше народу в цирке не поместится, — объявил, наконец, мастер Ладдхью в ответ на короткий взмах ручки Бардольфа. — Те из вас, почтенные, кому нынче не повезло, могут подойти к началу следующего представления. А те, кто вошел, — не забудьте поведать об увиденных чудесах своим друзьям и знакомым, и милости просим еще раз к нам в гости!

Сказав так, мастер Ладдхью соскочил со своего пьедестала и направился к заплатанной холстинной занавеси.

В цирке не было крыши — только полотняные стены. Вместо крыши над головой возносились хитросплетение шестов и канатов. У противоположной стены стоял второй фургон, служивший сценой. В плотную к нему зрители не приближались, ибо там, на цепях, пристегнутых к переднему и заднему колесам повозки, сидели страшные звери. Один был медведь, другой — черный тигр. Оба бродили из стороны в сторону, натягивая цепи, и с хмурой угрозой поглядывали на толпу, словно выжиная, когда кто-нибудь неосторожный подойдет слишком близко.

Мастер Ладдхью бесстрашно прошел между ними, обернулся к толпе и расшаркался, картинно взмахнув полами бархатного плаща.

— Вот они перед вами, плененные в джунглях дикого юга и привезенные за сотни лиг, дабы доставить вам удовольствие. Это — Буруду, болотный медведь с низин Куша. Вы не поверите, если я вам расскажу, сколько народа растерзал в свое время этот чудовищный людоед! А если поверите, то никогда больше не сможете спокойно спать по ночам!.. Знайте, что только свойства вот этого зачарованного предмета делают его ручным и покорным. Если волшебство утратит силу... — Ладдхью отстегнул от своего пояса церемониальную плеть — три металлические звездочки, привязанные к рукоятке кожаными ремешками, — и помахал ею перед собой.— Встать, Буруду!

Медведь, лениво прогуливавшийся по травке, тяжеловесно поднялся на задние лапы, не то, повинуясь приказу «зачарованного предмета», не то попросту опасаясь удара. Мех у медведя отливал бурым золотом, длинная морда суживалась к носу, в широких лапах таилась страшная сила, черные подушечки окаймляя жесткий мех, в котором торчали длинные неопрятные когти.

Вздыбленный зверь грозно нависал над цирковым мастером, — в толпе благоговейно заахали.

Ладдхью взобрался на платформу фургона и снова взмахнул плетью, уже над загривком страшилища и его принюхивавшимся носом. Медведь снова опустился на все четыре лапы.

— А вот, друзья мои, та, по сравнению с которой Буруду — всего лишь ласковый домашний любимец. Это Квамба — истинная царица диких зверей, пещерная тигрица с гор далекого Пунта! Нет смерти более безмолвной и скорой, нежели Квамба, крадущаяся во мраке пещерами и откосами своего неизведенного царства! Нет спасения несчастному, чей след возьмет она под душным пологом ночи джунглей!.. Но и Квамба, почтеннейшие, кротко слушается приказа магической плети...

Утреннее солнце играло на угольно-черной шкуре ночной красавицы, заставляя роскошный

мех отливать призрачным серебром. В косом свете едва заметно угадывались полоски, столь яркие у обычного тигра. Квамба разгуливала туда и сюда у окованного медью колеса, и ее шуба мерцала, то вспыхивая, то погасая. Повинуясь взмаху плети в руке Ладдхью, тигрица легко и беззвучно, безо всякого разбега, прямо с места взмыла на сцену-платформу. И там улеглась возле ног мастера, до предела натянув цепь. Лишь нетерпеливо подергивался кончик хвоста.

— Вот она смиро лежит, удержанная силой заклятия, — громко объявил Ладдхью. — Но если бы не магия плети, Квамба пронеслась бы между вами как смерч, презирая ничтожные копья и стрелы людей и добывая себе в стадах и на фермах кровавую пищу... Довольно! Вниз, Квамба!

Плеть дернулась, зазвенела, и жуткая красавица спрыгнула наземь, вернее, излилась чернильным водопадом, чтобы вновь растянуться на истоптанной траве возле колеса.

— А теперь, благородные жители Сендая, перед вами предстанет еще одно природное чудо, нисколько не менее удивительное, чем наши несравненные звери. Итак — Конан Киммерийский! Последний отпрыск древнего племени северян, некогда сочетавшегося любовью с титанами! Перед вами то, что только и могло произойти от подобного брака, — человек-гора, далеко превосходящий обычного смертного. Это сущий зверь, непобедимый в сражениях, но при всем том в некоторой степени разумный, наделенный способностью подражать повадкам людей и даже жить среди цивилизованного народа. Присмотритесь к нему внимательнее... Только, заклинаю вас, не подходите вплотную,— ибо, если кто-то из вас еще увернется от Буруду или даже от Квамбы, то от Конана ему ни за что не спастись!

Явление Конана народу было обставлено соответствующим образом. Одним прыжком вылетел он на сцену и начал прохаживаться, поворачиваясь то одним боком, то другим, демонстрируя то выпуклую железную грудь, то невероятную спину. По предварительному договору ему почти совсем не полагалось открывать рта — ну там, в случае чего, зарычать или хрюкнуть от напряжения. Но что касалось качеств силача и борца, их следовало представить так, чтобы ни у кого не оставалось сомнений. Не случайно ведь появление Конана вызвало в толпе ропот и пересуды, которых не удостоились великолепные звери. В конце концов, здесь собирались сельские жители, которых трудно было удивить каким-либо животным, будь оно дикое или ручное. Другое дело человек!

Зрители пораженно следили за тем, как он поднимал здоровенные камни и удерживал их над головой на ладони, как он голыми руками сгибал толстый бронзовый прут и, наконец, разорвал цепь, которую Ладдхью обвел вокруг его торса и запер висячим замком. Когда же Конан встал на руки и прошел в таком положении по сцене несколько шагов — раздались самые настоящие аплодисменты!

И это при том, что в толпе нашлись бы мужчины даже крупнее Конана,— правда, их телесные размеры достигались в основном за счет толстого брюха или врожденной мясистости. Конан выгодно отличался от них подтянутой талией, широкой грудью и скульптурными плечами, на которых так и перекатывались рельефные мускулы, не залитые уродливым жиром. Если добавить к этому загорелую бронзовую кожу, лоснившуюся от масла, то был понятен восторг и некоторая боязнь, которую он внушал. Судя по выкрикам из толпы, зрители поверили всему, что наговорил им Ладдхью.

— Он будет драться с медведем и тигрой? — спросил один маленький мальчик, восседавший на плечах у папаши. — Только смотри, нечестно заставлять его бороться с обоими сразу!

— Ты им что, тоже управляешь с помощью плетки? — весело поинтересовался кто-то, стоявший на безопасном удалении, в задних рядах.

— А кувыркаться и лаять он умеет? Прикажи ему, пускай погавкает!

— Тише, друзья мои! Спасибо вам за восторженный прием, — сказал мастер Ладдхью, перекрывая шум голосов. — А теперь давайте, как следует испытаем искусство и силу нашего великана! Он готов схватиться с любыми охотниками из числа здесь присутствующих, с двоими сразу. Каждый будет бороться до первого падения. Всякий желающий выйти на сцену ставит сам на себя серебряный шекель! Если какая-нибудь пара сумеет сбить Конана с ног, в качестве приза они получат шесть шекелей...

Выслушав это объявление, люди в толпе начали пересмеиваться и подталкивать друг другу локтями. Большинство зрителей подалось назад от площадки перед платформой. Кто-то бился между собой об заклад. В конце концов, в сторонке собрались несколько здоровенных детей. Молодцы перешептывались, искоса поглядывали на Конана и протягивали Ладдхью серебряные монетки. Цирковой мастер с готовностью их принимал.

— Итак, первая пара! — оповестил он затем. — Соревнующимся приготовиться!

По этой команде Конан спрыгнул с фургона и прошел мимо тигрицы и медведя так, словно их там и не было. Ладдхью придерживал за плечи его противников — двоих деревенских детинушек, работников с какой-то фермы, облаченных в золатанные кожаные куртки.

При приближении Конана боссонец отпустил обоих и крепко подтолкнул их вперед.

— Помните: только честная борьба! — объявил он во всеуслышание. — Никаких ударов, никакого оружия!

Как всегда, когда нападавших было двое, один из них двинулся вперед чуть-чуть быстрее и смелее другого. Конан и занялся для начала именно им. Он сделал ложный выпад вперед, окончательно остановив более осторожного, а потом метнулся вправо и перехватил запястье смеячака, чтобы свободной рукой с силой налечь сверху вниз на его плечо. Почувствовав, что колено схваченного коснулось земли, он выпустил парня и отпихнул его в сторону.

— Один из двоих упал, — объявил Ладдхью. — Теперь — один на один!

— Но я же не падал! — возмутился работник. — Твой боец не бросил меня! — И он хотел продолжить схватку, но Ладдхью придержал его за воротник.

— Согласно Королевским правилам Хоршемиша, прикосновение колена к земле засчитывается как падение, — сказал цирковой мастер. — Ты ведь преклоняешь колени перед своим царем? Вот точно так же и перед тем, кто сумел тебя победить... — Его палец указывал на свежее пятно грязи и травяной зелени,красившее дерюжную штанину молодого работника. — Если так уж хочешь сквитаться, обожди очереди, найди еще один шекель — и можешь попытать счастья вдругорядь. А пока отойди в сторонку и не мешай!

Второй парень больше делал вид, что состязается с Конаном: в основном он пятился и отступал. Он был крепок и долговяз, но мнимый «потомок титанов» превосходил его по всем статьям. Когда Конан кошачьим прыжком метнулся вперед, чтобы сграбастать и повалить, на лице крестьянина отразился ужас и готовность к немедленному бегству. Киммериец позволил ему выкрутиться из захвата. Однако при этом его нога незаметно дернулась в сторону, подбив парня под колено.

Детина свалился на четвереньки. Конан наклонился и помог ему встать, сопроводив свои действия вежливо-извиняющимся ворчанием — дескать, честный был поединок, большое спасибо. Парень оглянулся на него со страхом и благодарностью и поспешил скрыться в толпе.

Вторая схватка началась в том же духе, что и первая. Ладдхью, изначально придерживавший охотников, отпустил одного на долю мгновения раньше, чем другого. Конану этого хватило, чтобы сцепиться с первым и бросить его через бедро.

Второй противник оказался смелее и настойчивее. Он был ростом с самого Конана и силен как бык. Киммерийцу пришлось повозиться с ним: то его захваты соскальзывали, то самому приходилось выворачиваться из рук деревенского удальца.

Наконец он загнал своего соперника в опасную близость фургона и его клыкастых, когтистых сторожей. Когда крестьянин понял это и испуганно оглянулся, высматривая, не готовятся ли свирепые звери его растерзать, — Конан воспользовался преимуществом и рванулся вперед.

Схватив парня за загривок, он поддел одну его ногу и с силой потянул, используя его же стремление отдалиться от опасных животных. Работник свалился наземь с замечательным ударом, но существенных повреждений не получил. Он немедленно вскочил и поспешил прочь, прихрамывая и самым целомудренным образом держа рот на замке.

— Итак, последняя пара смельчаков потерпела сокрушительное поражение! — торжественно провозгласил Ладдхью. Пара действительно оказалась последней: желающих податься больше не находилось, за исключением самого первого парня, поваленного Конаном на колено, но ему никак не удавалось подыскать себе сотоварища. — Таким образом, Конан Могучий, наш северный варвар, в который раз подтвердил свою непобедимость... А теперь, любезнейшие, перед вами предстанет еще одно чудо, явившееся с далеких берегов Западного Океана. Несравненная Сатильда по прозвищу Летучая Женщина!.. Сатильда и ее Императорские Акробаты! Сейчас они бросят вызов смерти в воздухе прямо над вашими головами!

Он еще говорил, а девушка, затянутая в облегающие шелка, уже скользила вверх по веревке, свисавшей из паутины стояков и растяжек.

За Сатильдой последовали двое юношей в коротких узких штанах и кожаных безрукавках. Конан протолкался сквозь толпу, взялся снизу за конец веревки, по которой взбиралась акробатка, и натянул ее, чтобы легче было лезть.

Когда начали раскачиваться трапеции, толпа раздалась в стороны, освобождая середину: мало ли, еще свалится кто-нибудь из выступающих, так хоть не на голову. Отчаянные циркачи работали без лонжей и страховочных сеток. Впрочем, они натянули свои снасти не слишком высоко, только-только чтобы снизу было не дотянуться.

Сатильда невесомо взлетала и кувыркалась в воздухе; все происходило настолько близко от зрителей, что было отчетливо слышно, как хлопала ее ладонь по деревянным перекладинам и напряженным рукам ловивших ее партнеров.

Легкое тело грациозно пролетало туда и сюда, оставляя в воздухе слабый запах пота. Работала в основном Сатильда, ее напарники больше довольствовались вспомогательными ролями. Они раскачивали трапеции и в нужный момент подталкивали гимнастку, помогая взять разгон для головоломного прыжка. Самое большее, кто-нибудь из парней вылетал на трапеции навстречу, чтобы подхватить Сатильду и поставить ее на платформу. Потом она перебралась на тугой канат, натянутый посередине; грациозно взбежав на него, она принялась ходить колесом и вертеться в разные стороны. Дважды она отступалась — а может, только притворялась, нагоняя страху на зрителей, — но оба раза цеплялась руками и, совершив сальто, вновь вскакивала на канат.

Толпа смотрела снизу вверх, замерев в благоговейном оцепенении, — так заворожило всех потрясающее искусство девушки и ее гибкая красота, выгодно подчеркнутая облегающим зеленым костюмом. Тишину нарушало только попискивание флейты Бардольфа, да временами — барабанная дробь, знаменовавшая уже совершенно смертельные номера. Под конец Сатильда возвратилась на трапецию, и Ладдхью объявил, что сейчас публика узрит нечто особенное: умопомрачительный прыжок в воздухе с поворотом. Трапеции пришли в движение. Сатильда совершила несколько подготовительных прыжков, чтобы как следует раскачаться и полностью согласовать свои движения с движениями партнеров. Потом, отцепившись от перекладины, взмыла высоко вверх, изворачиваясь в полете, словно невероятная зеленая рыба, метнувшаяся за стрекозой. Она завершила последний кувырок как раз вовремя, чтобы выпрямиться и вцепиться

в протянутые руки взвившегося навстречу помощника. Но слишком велика оказалась скорость, а может, подвел пот, выступивший у обоих на ладонях. Когда трапеция понеслась обратно к платформе, руки Сатильды соскользнули, и бесстрашная акробатка понеслась вниз головой прямо в землю...

... И угодила в рас простертые объятия Конана, который, явно предвидя нечто подобное, незаметно передвинулся, куда надо. Великан киммериец подхватил и удержал девушку. Только ее ноги в шелковых тапочках слегка коснулись земли.

Что тут началось!.. Какие приветствия, какие громовые рукоплескания!.. Толпа ринулась вперед, намереваясь качать и акробатку, и варвара, — но не особенно в том преуспела, ибо Конан сразу поставил Сатильду на сцену-платформу, и она, сияя, принялась раскланиваться во все стороны.

Ладдхью объявил о завершении выступления Летучей Женщины и предложил вниманию зрителей следующий номер: рукотворный иллюзиян, провидение будущего и вызывание усопших, совершаемые знаменитым магом Бардольфом и ясновидящей Иокастой.

— Прекрасное выступление и, как всегда, безупречное, — сказал Сатильде цирковой мастер по ту сторону занавеса, когда «маг и провидица» уже вовсю морочили голову зрителям.— Особенno это, якобы падение, в самом конце. Здешние олухи вопили так, что я не я буду, если нынче вечером цирк не затрещит по всем швам! Ничем другим их не привлечешь, а на это летят, как мухи на мед!

— И Конан, умница, стоял как раз там, где надо, — ласково сказала гимнастка, целуя «спасителя» в загорелую щеку.

— Действительно, молодец, — похвалил Ладдхью, одобрительно кивая киммерийцу.— Всего три выступления, а ты уже вполне достойно замещаешь Роганта...

— Ты имеешь в виду — временно, пока он не поправится, — проворчал Конан.

И покосился на прежнего силача — тот возлежал на куче брезента, безутешно прикладываясь к глиняной бутылочке. Конан так и не понял, слышал ли Рогант неосторожное замечание циркового мастера, но, жалея увечного, понадеялся, что навряд ли. А вскоре после этого Ладдхью отозвали прочь — переговорить с каким-то посетителем, невысоким малым в шелковой феске и дорогом, подбитом мехом плаще. Его наряд дополняли новомодные рейтзузы и туфли с кисточками на носках.

— Вообще-то, — сказал Конан Сатильде,— я не из тех, кому нравится вышагивать и кривляться перед зеваками. А также охмурять толпу доверчивых крестьян всякими трюками... и выслушивать, когда они надо мной насмехаются. Но мне по душе путешествовать вместе с тобой, и поэтому я буду и дальше это делать и еще всякое разное, что только потребуется.

— За что ты ни возьмешься, все у тебя получается просто отлично,— промурлыкала акробатка. — Ты гораздо лучше всех, кто был до тебя... — И, привстав на цыпочки, девушка чмокнула его в шею.— Что же касается представлений... Это тоже искусство, и, каким бы чужим и странным оно тебе ни казалось, отчего не развлечься, а то и не научиться чему-нибудь? Тем более никто тебя не гонит... И долго еще не погонит, — добавила она, покосившись через его плечо на Роганта.

Когда завершилось выступление магов и зрителей стали выдворять из цирка наружу, труппа уселась отдохнуть на передвижной сцене. Подсобные работники весь день трудились в палатках и у лотков вдоль дороги, добывая деньги азартными играми. На рыночной площади им показываться было небезопасно, и они пользовались случаем пообедать в тишине и покое.

Цирковой люд поедал хлеб, сыр, фрукты и колбасу, запивая все это слабеньkim, жидким местным вином, и рассуждал за едой о насущных делах.

— Что до меня, я не отказался бы как следует продвинуться в магии, — говорил Бардольф.

— Почему, спрашивается, взамен нынешнего шарлатанства не обучиться истинному волшебству? Я слышал, в больших городах можно отыскать магов, которые владеют всякими разными заклинаниями и превращениями! Они заставляют предметы летать, предсказывают будущее и еще много чего умеют! Вот только перед публикой они свои штучки не очень показывают. Никто и никогда! Ну почему, скажите мне, как ни встретишь «странствующего мага» — так это обязательно простой факир, ловкость рук и почти ничего настоящего?..

Конан, потихоньку занимавшийся своей работой, поднял глаза:

— Насколько я могу судить из своего опыта, те, кто действительно владеет искусствами, и впрямь не особенно рвутся красоваться и выступать. За свое знание они платят слишком тяжкую цену. Когда же знание достигнуто, кое-кто использует его для достижения земной власти, но делает это тайно. А другие и вовсе стремятся к мистическим целям, которые нам, простым смертным, хоть умри, не понять!

Разговаривая и жуя, он успевал постукивать молоточком, аккуратно поправляя погнутое звено цепи. Этой цепью Ладдхью недавно оковывал его торс.

— Честно сказать, — продолжал киммериец, — сколько сталкивался с волшебниками, столько же и убеждался, что в целом они народ куда как несимпатичный. А если судить по их темным делам, так и вовсе не разберешь, то ли они люди, то ли демоны, то ли середина наполовину...

— Все так, — сказал коротышка, — но даже если ты прав, нам в цирке очень пригодилась бы пара-тройка каких-нибудь коронных фокусов! Представляешь, какая толпища сбегалась бы на каждое представление? А что за славу я приобрел бы как фокусник! Про азартные игры я уж и вовсе молчу...

— Я бы на твоем месте все равно не стал пачкаться, — честно предупредил Конан, проверяя и натягивая цепь. — Да что тебе в магии, не пойму? Ты и так отлично выступаешь, народ валом валит посмотреть. Опять же и из труппы не гонят — ну какой цирк без карлика?

Обиженный Бардольф мгновенным движением оказался против Конана, который сидел, прислонившись к фургонной скамье. Сжатый кулаком мелькнул в опасной близости от носа могучего киммерийца.

— Чтобы ты знал, чужеземец, — вовсе никакой я не карлик!.. И здесь, в цирке, я отнюдь не из-за своего роста! И мои жизненные планы на том не кончаются! Я музыкант, жонглер, боец и целитель! Я тебе не какая-нибудь диковинная зверюшка, которую показывают за плату в темной палатке! Что с того, если я не родился таким неестественно здоровенным, как ты, — вот ты-то, между прочим, только и годишься, чтобы тебя за деньги показывать! Мой рост, между прочим, дает серьезное преимущество в драке! — Бардольф похлопал по длинному ножу, висевшему в ножнах на поясе. — Мои удары обычно запоминают надолго! Так что хорошенеко поразмысли, северянин, прежде чем следующий раз меня злить!

— Уймись, уймись, Бардольф, наш «потомок титанов» не собирался тебя обижать, — сказала Иокаста.

Приблизившись сзади, она успокаивающе положила руку ему на плечо:

— Не сердись на него, он здесь новенький и пока еще не разобрался, что к чему. Оставь его в покое, друг мой.

Она говорила очень спокойно и осторожно. По-видимому, она полагала, что Конану грозила нешуточная опасность.

Киммериец, со своей стороны, встретил угрозы Бардольфа наиболее почтительным образом: он попросту промолчал. Задира уничтожил его испепеляющим взглядом, потом презрительно отвернулся. Конан не стал извиняться или оправдываться. Остальные постарались загладить неловкость: принялись беседовать, как ни в чем не бывало.

— Что до меня, то я вовсе не рвусь выведать секреты знаменитых оракулов и предсказателей, которыми кишают города, — сказала Иокаста. — Их ответы всегда очень туманны и могут быть истолкованы весьма противоречиво. Так что хватит с меня и второго зрения, которым наградили меня Боги. Предсказать счастье в любви, отыскать закатившуюся монету или пропавшее украшение, предугадать весенний дождь... то есть сделать что-нибудь полезное и настоящее... по мне, это куда интереснее, чем судьбы народов и движение армий!

— Да что ты там болтаешь, провидица! — подал голос полуписьменный Рогант. Он валялся в углу сцены на куче пустых мешков. — Если ты, в самом деле, веришь в какое-то свое второе зрение, значит, ты такая же дура, как те крестьянки, которым ты гадаешь! Уж нам-то лапшу на уши не вешай. А то мы не видели, как ты вовсю обманываешь и жульничаешь...

— То, о чём ты говоришь, — всего лишь сценические уловки, необходимые в моем ремесле, — безмятежно отозвалась Иокаста. — Внутри все равно есть что-то настоящее, таинственное. Я это знаю. Я действительно верю, что у меня есть дар и этот дар — от Богов.

— Ой, да перестань, слушать тошно! — сморщился Рогант, запрокидывая голову и выливая в рот остатки вина из глиняной кружки. — Я вот тоже верил, что Боги сделали меня непобедимым... пока один такой здоровый деревенский хмырь, не ведающий цивилизованных правил, самым подлым образом не приложил меня о скамью!.. — И он с кислой миной погладил больное плечо. — А теперь я сижу на обочине жизни и смотрю, как она катится мимо. Дожидаюсь, пока Богам надоест терзать и мучить меня. Где теперь моя слава, моя несравненная мощь? Я, конечно, пытаюсь помочь, насколько это еще в моих силах. Но стать прежним, наверное, никогда уже не смогу...

Пьяные жалобы отставного силача прервал некий звук, заставивший всю труппу мигом вскочить на ноги: на улице раздались резкие раздраженные голоса. Бардольф и Сатильда первыми сорвались с мест и вылетели наружу, за полотняную занавеску. Конан с Иокастой живо последовали за ними. Рогант тоже с усилием приподнялся со своего ложа, но больше для виду. Боль в плече и хмель мешали ему.

В нескольких десятках шагов от арены собралась плотная толпа, перегородившая движение пешеходов. Люди сгрудились вокруг продолговатого клочка земли, огороженного натянутыми веревками. Так обычно огораживают место, где что-то показывают или происходит игра. Однако пока больше смахивало на яростный спор. Толпа участвовала по мере сил, громогласно подзадоривая и осуждая.

— Что за дурацкая манера швырять, что попало и портить чужое выступление! — возмущался владелец загородки. По-видимому, он рассчитывал на сочувствие любителей цирка, гулявших вокруг. — Я демонстрировал искусство метания ножей, а не грубую драку на топорах! Посмотри, ты же всю мишень мне испохабил!

С этими словами метатель ножей поднял для всеобщего обозрения деревянный раскрашенный диск. Вся середина его была расщеплена и проломлена. Вокруг виднелись царапины и небольшие проколы от ножей.

— Ну и что? — преспокойно возразил тот, к кому он обращался. — Бросок-то ведь был неплох и попал прямо в цель! — Это был стройный, уверенный в себе юноша. Он оглядел толпу и добавил: — К тому же я все равно побью тебя в любом виде метания. На ножах или на топориках, по стоячей мишени или по движущейся — мне все одно. Тебя или кого угодно из твоей труппы обманщиков...

— Правильно, Дат! — послышались разгоряченные голоса. — Покажи этим циркачам, что значит настоящее умение!

Парень, по-видимому, был местным хулиганом. Не какой-нибудь батрак с фермы или гостиничный конюх с навозом на сапогах и овсом, запутавшимся в волосах. Такие обычно торчат

в тавернах и на перекрестках и зарабатывают на жизнь отнюдь не честным трудом. На поясе у него красовался целый набор топориков, отполированных до серебристого блеска. За спиной Дата стояли два парня помладше и две деревенские девушки. Все они ухмылялись, поглядывая, друг на дружку, и презрительно косились на сторонников метателя.

Между тем этот последний был не кто иной, как молодой акробат Фатуфар, один из напарников Сатильды: когда случались перерывы, он подрабатывал на стороне. Прохожим предлагалось попытать счастья за грошик, метнув два-три коротких стальных ножа в разрисованную мишень. Фатуфар доставал ножи из поясного кошеля, стоя перед барьераом. Мишень располагалась в дальнем конце загородки, а по сторонам ее была развезшана грубая потрепанная мешковина: ловить ножи, не попавшие в цель.

Стычка произошла только что. Фатуфар как раз отошел собрать разбросанные ножи, и тутто, откуда ни возьмись, появился нахальный Дат и запустил свой топорик. Топорик просвистел мимо головы акробата и воткнулся точно в центр мишени, разнеся ее при этом в щепы.

До драки пока еще не дошло, так, что подбежавшие циркачи остались стоять по сторонам ограждения. Все, кроме Ладдхью, сразу вышедшего на середину, — причем его гость, облаченный в щегольские шелка, по-прежнему, находился при нем. Пикировка между Датом и Фатуфаром тем временем велась уже по принципу «на что спорим?», и цирковой мастер уловил аромат возможной прибыли.

— Если ты хочешь честного состязания, за мной ведь не заржавеет, — говорил Фатуфар. — Вот этот кошелек с деньгами — порука тому, что я переплюну любой бросок, какой ты сумеешь изобразить. Ставлю пять серебряных шекелей! Надеюсь, у тебя есть чем ответить?

— Запросто! — ответствовал Дат.

На взгляд Конана (а взгляд у бывалого вора был наметанный), кошелек на поясе юного сорвиголовы выглядел достаточно тощим. Но вот Дат обернулся к толпе, и сейчас же навстречу протянулось с полдюжины рук, причем почти в каждой блестели серебряные монеты.

— Давай, Дат! — слышались голоса. — Проучи его хорошенъко!..

— Ставлю пять медяков на сендайца! — азартно выкрикивал кто-то. — Он, конечно, тот еще безобразник, но топорик у него сам в руке скачет!

Пять шекелей вскоре были собраны, и Ладдхью принял ставки на сохранение. Человек в феске — персона, видимо, не из последних — поручился за честность боссонца. Циркачи, не понаслыжке знавшие искусство своего товарища, потихоньку бились с местными об заклад, рассыпавшись в толпе. Двое метателей обсуждали последние детали соревнования.

— Выбирай мишень по своему вкусу! — предложил Фатуфар. — Я брошу не хуже или превзойду твой бросок, причем обоими ножами!

— Бросай первым свои ножи, а я посрамлю тебя топориком, бросок за бросок, — ответил Дат. — А чтобы было повеселей, давай поставим туда девчонку! — И он снова оглянулся на толпу: — Эй, Яна! Ты ведь знаешь, крошка, что я тебя не обижу!

Девчонка была из тех, что держались подле него, — худенькая, большеглазая, с волосами, уложенными в кудряшки с помощью масла. Ради праздника она была одета в белое хлопчатое платье. Наряд Яны дополняли черепаховые заколки и медные браслеты, очень шедшие к ее изящным загорелым рукам и лодыжкам. Она вышла вперед без малейшего страха или хотя бы сомнения.

Дат дружески обнял ее за талию и препроводил девушку в загородку.

— Шевелись, циркач! — через плечо бросил он Фатуфару. — Тащи свою мишень и давай вместе покажем этим разиням кое-что такое, что они не скоро забудут!

Фатуфар повесил мишень на металлический крючок, прибитый к вертикальному столбу. Дат подвел Яну к тому же столбу... и, обхватив веревочными петлями ее руки, надел середину

веревки на тот же самый крючок. Яна осталась стоять на цыпочках, с руками, вытянутыми над головой, лицом к толпе.

На круглом деревянном щите было нарисовано пять кругов: белый посередине, как раз там, где теперь зияла дыра, и четыре красных — сверху, снизу и по сторонам. Девушка, поставленная перед мишенью, закрывала собой верхний и нижний круги, так что остались видны только боковые.

— Вот и отлично! — указывая на них, заявил Дат.— Стой смирно и верь мне: все будет в порядке! — предупредил он привязанную Яну.

Потом небрежно обнял ее, чмокнул в щеку и отошел обратно к барьерау.

— Мишень вообще-то неважная, — сообщил он Фатуфару. — Даже слепой попадет! — И добавил под руку: — Только не трусь поранить девчонку, это может испортить тебе бросок. Да что ее жалеть? Она простая деревенская девка.

Собравшийся народ только таращил глаза: многие, поддавшись первому воодушевлению, уже поставили деньги на паршивую овцу всей деревни — Дата, а теперь начинали об этом жалеть. Если у Яны и была семья, то здесь она, по крайней мере, отсутствовала. Никто не возмущался и не кричал, пока Фатуфар готовил ножи.

Конан, однако, подозревал, что, если одно из стальных лезвий, хотя бы заденет девчонку, греха не оберешься. Он даже подумал было, не следует ли вмешаться, но остался на месте. Он видел Фатуфара в деле и отдавал должное его искусству. Чего доброго, Дат еще струсит и откажется от состязания.

Между тем дистанция была вполне приличная: полных десять шагов, если не больше. Фатуфар мрачно нахмурился, сосредотачиваясь. Потом медленно отвел гибкую, жилистую руку... Его бросок был похож на удар хлыста. Нож полетел, вращаясь в воздухе. Было слышно, как он вошел в дерево, воткнувшись в красный кружок. От подмышки привязанной девушки его отделяло расстояние не более пальца. В толпе послышались вздохи и бормотание. Вздыхали, кажется, с облегчением, — ставки там или не ставки. Акробат же без предупреждения вновь замахнулся и бросил второй нож, никто не успел даже и ахнуть.

Второй бросок оказался почти так же удачен, как первый. Нож остался торчать внутри второго кружка, но на сей раз у самого края, почти в ладони от девичьего уязвимого тела. Возможно, Фатуфар волновался, но сказалось это не сильно.

Толпа загудела, теперь уже не только от облегчения: люди несколько успокоились за Яну, их начал волновать исход состязания.

Дат звонко расхохотался:

— Бледновато выглядишь, акробат! С чего ты взял, будто я не смогу всадить свой топорик между твоим ножом и Яниным прелестным бочком? Да я у нее волосы под мышками мог бы побрить, если бы захотел... — Потянувшись к поясу, он вытащил один из топориков, тщательно смазанный и хорошо навостренный. — А впрочем, и в этом чести не много! Вот что: освобожука я девчонку...

Сказав так, он с умопомрачительной быстротой отвел руку, и топор полетел. Серебристое лезвие и рукоять, обтянутая акульей кожей, слились в один вертящийся диск, сверкавший, как солнце. Конан обратил внимание, что Дат метал не одним усилием руки, — замахиваясь, он изогнулся всем телом, а значит, бросок был рассчитан на значительную силу удара.

Топор вошел точно в середину столба, прямо над головой у Яны. Было видно, как напуганная девчонка быстро глянула вверх: на месте ли вытянутые руки? Топор сидел как раз между ними, ударив с такой силой, что содрогнулись и столб, и мишень. Он не задел тела, но не перерубил и веревки, тянувшейся к металлическому кольцу. Сделать это было, в самом деле, непросто, ибо запястья Яны разделяло чуть более полу-дюйма, а крючок находился посередине.

Поняв, в чем дело, девушка начала изворачиваться и извиваться, пытаясь повыше приподняться на цыпочках и снять веревку с крючка.

Дат не обратил на ее усилия никакого внимания.

— Почти получилось! — непринужденно сообщил он зрителям.— Еще чуть-чуть, и девчонка освободилась бы от жалкой веревки. Ну-ка, попробуем еще разок...

— Не надо! — бросаясь вперед, выкрикнул Фатуфар. — Это слишком опасно!..

Но Дату горя было мало. Он еще говорил, а рука уже дернулась в движении настолько стремительном, что глаз почти не успевал уследить.

Второй топорик выпрыгнул из-за пояса, лег рукоятью в ладонь, отмахнул назад — и устремился к мишени. Яна увидела его уже в полете и, не выдержав, втянула голову в плечи, съежившись у столба и всем телом предчувствуя страшный удар.

Это судорожное движение могло стоить ей жизни. По счастью, топор прошел верхом и едва вообще не пролетел мимо мишени. Острое лезвие засело в самой верхушке столба: если бы Яна того пожелала, она могла бы до него дотянуться. Вот только пальцы у нее скрючились от страха.

Веревка вновь осталась неповрежденной, да и топоры воткнулись нисколько не ближе, чем кинжалы, брошенные Фатуфаром. Толпа, убедившаяся, что ее герой не вполне соответствовал своим притязаниям, начала сдержанно роптать. В голосах слышалось сомнение.

— Попытка неплохая, — хмуро заметил Фатуфар. — Только, с позволения сказать, оба раза мимо. Ты не попал ни в круги, ни в веревки. И девушку, как баxвалился, не отпустил. Так что в отношении ставки...

— Помолчи, дурень! Я сказал тебе, что освобожу ее, и, клянусь клыками Сета, я это сделаю! — Дат отпихнул Фатуфара, гибко наклонился через барьер и выпрямился, держа невиданное оружие — железный молоток на длинной рукояти.

Циркачи заколачивали им колья и поправляли палатки. Никто не успел вмешаться. Дат обеими руками занес молоток, и неуклюжий снаряд понесся по направлению к несчастной девчонке, беспорядочно вращаясь в полете.

Зрители так и шарахнулись в стороны, когда раздалось громкое «бам!». Кое-кто почти увидел человеческие мозги, разлетающиеся по траве. Но нет: звук был таким, какой получается от удара стали о сталь. Молоток угодил в обух одного из топоров, пролетел в своем падении мимо лица отвернувшейся девушки и тяжело бухнулся к ее ногам.

Удар возымел и еще одно последствие: в столбе появилась трещина, так что крючок, на котором крепились и пуги, и деревянный щит, выскочил вон. Мишень свалилась, а Яна, запнувшись о рукоять молота, упала на колени. Она натерпелась немало страха, но повреждений никаких не получила. Толпа изумленно заахала, послышались крики.

— Дат ее освободил! Неужели не видите? И сделал это в два броска топором! Он выиграл!

— Дат молодец, я всегда это говорил! Я знал, что у него получится! Метко брошенный топор в любом случае наделает больше дел, чем какие-то там ковырялки...

Фатуфар запротестовал первым:

— Погодите-ка, почтенные! Он сделал три броска, причем в оговоренную цель не попал ни один! Как же можно после этого претендовать на победу?

— Заткнись, трюкач! Дат бросает в два раза лучше тебя!

— Вы, бродяги, скользкий народ, но на сей раз не отвертитесь...

Крики сделались громче, кто-то угрожающе размахивал кулаками. Быстро назревала грандиозная драка. Циркачи собирались все вместе, настроены они были решительно.

Конан про себя порадовался тому, что Дат оказался временно безоружным. Кричавшие обращались в основном к Ладдхью, который по-прежнему держал у себя оба заклада. Человек в феске все еще стоял рядом с ним, но никакого участия в споре не принимал.

— Хватит шума! — громко сказал цирковой мастер, обращаясь к толпе. — Условия состязания не были соблюдены. Ваш участник выбрал для себя другую мишень, так что исход надо признать недействительным. Я верну деньги, но по ставкам выплачивать не собираюсь!

— Обманщик!.. — яростно завопили бившиеся об заклад. — Бродяги, вшивые жулики! Мы выиграли, и вам отлично это известно! Живо отдавай серебро, пока мы шкуру с тебя и твоих друзей не спустили!

Почти сразу же деревенский люд перешел от слов к делу, набросившись на Ладдхью и Фатуфара. Циркачи поспешили на выручку. Замелькали палки и кулаки, кто-то кидался фруктами и камнями. Кого-то уже сбили наземь и теперь топтали и пинали ногами в толпе.

Конан шел напролом, хватая деревенских здоровяков и швыряя их на головы землякам. Когда тот или иной задира казался ему особенно опасным, Конан сшибал его с ног ударом кулака или локтя. При этом он проявлял весьма похвальную сдержанность: не нападал первым и не пускал в ход оружия. В конце концов, он был новичком в труппе и еще не знал, был ли в схватках такого рода какой-либо закон и порядок. Возможно, убивать и калечить потенциальных зрителей было совсем даже не принято!..

Как бы то ни было, он появился перед Ладдхью, как смерч, прорвавшийся сквозь древостой: нападавшие отлетали прочь по двое, если не по трое. Цирковой мастер в драку почти не вмешивался, лишь изредка награждая ударами и пинками тех, кто подбирался к нему вплотную. Человек в шелках, невысокий и не слишком могучий, также держался подальше от рукопашной, но бежать не бежал, наоборот, с живейшим интересом наблюдал за происходившим вокруг. Гораздо больше Конана удивило то, что в сражении не принимал участия его непосредственный виновник — Дат.

Двое дружков заводили кинулись в гущу схватки с ножами наголо, но пустить их в ход не довелось ни тому, ни другому. Один налетел рожей на кулак киммерийца, второму досталось одновременно в брюхо и по черепу — от Бардольфа и Матильды, оказавшихся одинаково сноровистыми и проворными. Конан продолжал краем глаза наблюдать за Датом, но тот даже не позабылся вернуть себе свое оружие. Наоборот — он направился встречать Яну, которая, растрепанная и особенно хрупкая на фоне дерущихся мужиков, только-только выбралась из загородки с мишенью. Дат поцеловал ее и шлепнул пониже спины, выпроваживая подальше. После чего остался стоять у барьера, лениво уклоняясь от пролетающих тел и глядя на то, как очищают улицу победоносные циркачи.

— Что, слабо? Кишка тонка? Побежали? — укорял Ладдхью разбегавшуюся толпу. — Не брались бы спорить! А коли вы тут забыли страх божий и не помните про законы гостеприимства, — объявляю, что все ваши ставки пропали! И брысь по домам — вечернее представление отменяется!

На это уже некому было возразить, потому что из наиболее яростных противников Ладдхью на ногах держались немногие. Циркачи, закаленные опытом множества беспощадных потасовок, полностью завладели улицей, разогнав остатки хромающих, павших духом врагов. Отбежав прочь, деревенские собирались вместе и зло бормотали, бросая на победителей убийственные взгляды. Может, попозже они еще вернутся и наделяют дел. Но пока вблизи цирковых палаток осталось только несколько сбитых с ног, потерявших сознание драчунов. И Дат.

Он подошел к Ладдхью не торопясь, с пустыми руками.

— Ну что, мастер? — сказал он. — Как тебе моя меткость? Честно говоря, мне до смерти надоело в деревне и вообще в здешних краях. Не найдется ли свободного местечка у тебя в труппе?

За время сражения Ладдхью не претерпел ни малейшего ущерба, и конфискованные ставки сохранились у него где-то под одеждой. Он шагнул навстречу Дату, сияя:

— Воистину, сынок, нам весьма пригодилась бы пара таких ловких рук, как твои. И время ты выбрал — удачнее не бывает! Нас ждут впереди такие возможности!.. Навострите уши, ребята! — обратился он уже ко всем остальным.— Знаете хоть, кто к нам пожаловал? Наш достопочтенный гость — не кто иной, как Заггар, собиратель талантов для увеселения Высочайшего Двора в Луксуре, и он хочет кое о чём нам объявить!

Щеголь в подбитом мехом плаще вышел вперед, вежливо коснулся рукой фески и отдал общий поклон. Если верить внешности, он был урожденным аргосцем.

— Приветствую вас, друзья мои, — проговорил он с располагающей улыбкой. — Я внимательно следил за вашим представлением, и оно меня, должен признаться, весьма впечатлило. От имени своих нанимателей я имею честь пригласить всю вашу труппу в стигийскую столицу, город Луксур, для выступления перед самим Государем Коммодорусом в его Империум-Цирке. Прошу вас не медлить с приготовлениями к поездке!..

Глава третья

ПОСЛЕДНЯЯ РЕКА

Лето в Шеме стояло жаркое и пыльное, так что путешествие на юг, в Луксур, показалось нескончаемо долгим. По счастью, почти не приходилось опасаться разбойников и диких зверей: дорога шла все больше населенными пастищными равнинами, там и сям встречались деревни и одинокие фермы. Дорога, по которой катились цирковые фургоны, входила в разветвленную сеть большаков, связывавших между собой шемские города-государства. Эти дороги оставались проезжими почти круглый год. Самыми оживленными были те, что тянулись с юга на север; восток же и запад страны соединяла воистину дорога дорог. Товары туда и сюда перевозили в основном на пузатых кораблях, сновавших по черной глади великой реки Стикс.

Цирк двигался посуху, благо тягловая сила у труппы имелась своя. Заггар, поставщик талантов, ехал на ослике, украшенном богатой уздечкой. Мастер Ладдхью составлял ему общество, сидя верхом на отличной гнедой кобыле. Лошадь нарочно купили, чтобы оказать ему честь. Мулы ввлекли тяжелые фургоны, заваленные тентами и снаряжением. Места для людей в повозках почти не оставалось, и потому труппа топала по дороге пешком, за исключением Роганта, все еще жаловавшегося наувечье. Шли и медведь с тигрицей, оба на цепях, и цепи были надежно прикреплены к задкам повозок, не то хищники мигом распугали бы мулов. Квамбе еще повезло: для огромной кошки устроили ложе возле заднего борта повозки. Иногда она вспрыгивала туда и дремала либо поглядывала на тащившихся за фургоном людей.

Когда колеса застревали в пересекавшем дорогу ручье или мулы не могли одолеть крутого подъема, требовались дружные усилия всей труппы, и в особенности Конана, как самого сильного. Каждый подставлял плечо, не ленясь и не чинясь. Даже звери старались помочь. Квамба спрыгивала наземь, хоть так облегчая повозку. А медведь одним раздраженным взмахом лапы порою достигал того, чего не удавалось троим мужчинам и даже упряженным мурам.

По дороге цирк несколько раз останавливался и давал представления в торговых городках. Это приносило кое-какой необходимый доход, а кроме того, позволяло отточить различные трюки. Опять же не повредит, если вдоль большака поползут слухи о знаменитом цирке, едущем к югу. Ведь уже и теперь грядущая честь, которую им собирались оказать в Луксуре, придавала особый блеск мастерству артистов и заставляла зрителей волноваться. Шагая вперед по пыльной дороге, циркачи без устали рассуждали о том, как примут их в стигийской столице, насколько громкую славу можно будет там заслужить и какую выгоду удастся извлечь из всего этого дела. Все соглашались в том, что если в обширном Хайборийском мире где и стоило выступать, то, без сомнения, этим местом являлся великолепный Луксур.

— Ибо, должен вам сказать, — авторитетно уверял товарищ Бардольф, — среди всех прославленных городов Стигии — от древнего Эщура до седого Птейона, от закованных в броню черных стен Кеми на морском берегу до Карнака во мгле восточных пустынь — да, ребята, среди всех этих городов только Луксур можно назвать «всемирным перекрестком». Он открыто смотрит на север, там рады привечать чужестранцев и перениматъ их обычай. Там огромный речной порт, там не только живет Тиран Коммодорус, Но еще и воистину сосредоточена торговля и культура всей Стигийской империи. Как же давно я хотел своими глазами увидеть этот прославленный город!..

— Похоже на то, — заметила Сатильда, — что даже угрюмые отшельники юга не прочь время от времени повеселиться...

— А что им еще остается, если они хотят, чтобы голос их страны звучал как равный в

северных столицах? — сказал Ладдхью, покачиваясь в седле. — Если они хотят принимать у себя иностранных посланников, заниматься торговлей с далекими державами, да и от ближних ни в чем не отставать — тут уж хочешь не хочешь, а устраивай свободный открытый город, куда всякий может спокойно приехать. Вот таков у них, по-моему, Луксур.

— Вообще-то Коринфия всегда была союзницей Стигии, — уверенно добавил Бардольф. — Я даже слышал, будто по-настоящему в Луксуре всем заправляют коринфийцы. Они, знаете ли, искушенные торговцы и дипломаты, а в Стигии весь народ только и озабочен благочестием, да бесконечным религиозным служением. Это ведь коринфийцы проложили новые караванные пути к верховьям Стикса и тем самым снискали благоволение и доверие многих стигийских вельмож и высших жрецов. Кое-кто, я сам слышал, прямо так и называет Луксур коринфийской колонией!

Конан долго и терпеливо слушал подобные разговоры, но, наконец, не выдержал и вмешался.

— Что-то мне с трудом верится, — сказал он, неторопливо шагая между повозками, — чтобы жрецы Сета, носящие серые одеяния, позволили в своем городе открыто плодиться веселому греху и лукавому пороку, как это делается в Хоршемише и Шадизаре. Сколько помню, в Кеми запирают на ночь городские ворота, а на улицы выпускают из храмов проголодавшихся питонов, чтобы они, значит, закусили маловерными, шляющимися по улицам после заката. Вот таково стигийское гостеприимство, с которым лично мне выпало познакомиться. И нечего мне говорить, будто они взяли и позволили чужестранцам превратить свою столицу в сплошной дом с девками. Может, коринфийцам это и удалось в Нумалии и Аренджуне, но только не здесь!

— Значит, тебе, северянин, предстоит кое-чему удивиться, — ответил Бардольф. — Ибо в Луксуре даже правитель — и тот коринфиец, и стигийское священство благословило его на царство. Я говорю о том самом Коммодорусе, чьи приближенные отправили нашего друга Заггара на север разыскивать новые таланты для выступления в Империум-Цирке. Я слышал, что луксурского правителя называли Тираном — правда, смешной титул? — и публичные выступления артистов вроде нас призваны упрочить любовь, которую к нему питает народ! — Кофиец весело болтал языком и быстро переставлял короткие ноги, чтобы не отставать от других. — Не удивлюсь, если этот малый начнет метить еще выше своего нынешнего положения. Скажем, переменит религию или женится на стигийской аристократке...

— То есть каждый норовит со свиным рылом в калашный ряд. Вот что делает с человеком жизнь в больших городах! — высказался Дат, шедший чуть в сторонке от остальной труппы. — Давайте просто надеяться, что этот самый Луксур вправду окажется местечком поинтересней всяких занюханных дыр вроде Сендая. Лично мне по душе опасности, приключения и острые ощущения. А если заодно еще и деньжат раздобыть удастся...

Молодой метатель неплохо прижился в цирковой труппе. Его номер с метанием топориков сперва включили в выступление Фатуфара, но скоро юноша завоевал свое собственное местечко под солнцем. Теперь Ладдхью, называя номера, объявлял его имя наряду с именами Конана и Сатильды. Заработки Дата росли, а Фатуфар скромно отошел в тень и из ведущего превратился в его ассистента.

Во время выступлений они по-прежнему использовали «живую мишень», причем ею служила не кто иная, как та самая Яна. Девушка оказалась круглой сиротой и только рада была покинуть Сендай. Цирковая жизнь пришла к ней по вкусу, несмотря даже на то, что всякий раз во время выступления приходилось заглядывать в лицо смерти. Теперь ее привязывали за руки и за ноги к большому деревянному диску, который вдобавок еще и вращался. Коронный номер состоял в том, что ее освобождали от пут четыре топорика: Дат метал их умелой рукой, перерубая веревки. Было бы поистине странно, если бы среди молодых циркачей девушка не

нашла себе ухажера. Кое-кто, глядя со стороны, находил некую иронию судьбы в том, что предметом ее романтического увлечения стал не Дат, а куда менее яркий и блестательный Фатуфар. Дело, наверное, было в надежном, ровном характере и мягких манерах юного акробата. Из таких ребят получаются заботливые возлюбленные и внимательные мужья. Если Дату и была не по душе их любовь, он не подавал виду. Фатуфар же воспринимал свои отношения с Яной более чем серьезно и поговаривал даже о том, чтобы попросить Ладдхью совершить брачную церемонию. Легко ли было у него на сердце, когда непредсказуемый Дат метал в его возлюбленную смертоносные лезвия?.. Об этом оставалось только гадать. В общем, жизнь шла своим чередом. Дорога, выступления, отдых, азартные игры, зазывание зрителей, фейерверк мастерства... И снова дорога.

Особенно памятным выдался тот последний вечер, когда они остановились у входа в глубокий овраг, откуда наползал туман, и дышало речной свежестью. Утром овраг оказался одним из отрогов грандиозной долины, и с первыми лучами рассвета путешественники уже спускались в долину великой реки Стикс.

Если смотреть сверху, с откосов, то Последняя Река, мощно простиравшаяся к западу и востоку, напоминала исполинский темный кушак, перехвативший тело Земли поверх ярко-зеленого одеяния. На востоке восходило солнце, и по речным волнам бежали золотые блики, напоминая чешую Сета, Бога-Змея, некогда назвавшего эту реку своей собственной. На западе черно-зеленые струи течения скрывались в сероватой дымке, неспешно уносясь к далекому океану. Противоположный берег казался сплошным морем зелени, лишь там и сям виднелось нечто вроде белых и розовых скал. Ладдхью объяснил друзьям, что «утесы» на самом деле были исполинскими творениями человеческих рук: громадными городскими стенами, усыпальницами и храмами. К середине лета кончался ежегодный разлив, и река возвращалась в свои естественные берега.

Так что теперь по обоим берегам тянулась нескончаемая вереница полей, то квадратных, то треугольных: землемеры разгородили каждый пригодный клочок, превратив побережье в сплошной лоскутный ковер. Черная, пропитанная илом земля обладала невероятным плодородием. У каждого поля был свой особенный цвет: все оттенки зеленого и золотого. Рис и всевозможное жито, виноград и сладкий репчатый лук — чего только тут не росло! Стройные темнокожие шемиты (жителей этой части страны очень трудно было отличить от соседей-стигийцев) трудились на полях, как муравьи. Они прилежно пололи, прореживали, окучивали. Иные длинными черпаками доставали воду из каналов и поливали посевы.

Поверхность дороги, расположенной на слегка приподнятой насыпи, оставалась надежной и твердой под колесами и ногами, даже когда цирковой поезд достиг самого дна долины. Вот только река совсем пропала из виду. Ее заслонили сонные заросли папируса, стройные финиковые пальмы и крыши домиков,озвезденных на каменных фундаментах или на сваях. На маленьких, тщательно ухоженных полях зеленели хлеба, хлопчатник и овощи. Было душно, как в бане, в горячем влажном воздухе безжалостными тучами висели комары и кусачие мухи. Потом, совершенно неожиданно, перед ними открылось обширное зеркало обсидианово-черной воды, обрамленное жирными зелеными зарослями. Дорога же сперва превратилась в узенький пятак истоптанной грязи, а потом и вовсе исчезла в непроглядных глубинах. Со стороны реки к берегу уже приближались широкие, низкобортные посудины, издалека доносилось мрачноватое пение.

— Нам очень везет! — обратился к Ладдхью аргосец Заггар. — Должно быть, паромщики заметили, как мы спускались по склону, и выехали навстречу, чтобы перевезти. Не придется долго кормить мух в ожидании! — И он наклонился в седле, чтобы отогнать кровососов от мордочки танцевавшего на месте осла. — Приготовьте кошельки, придется платить!.. Но не бойтесь, я не позволю им вас слишком сильно надуть...

Плоты и баржи медленно приближались. Вдоль каждого борта в ряд стояли поющие перевозчики — одни гребли, другие действовали шестами. Здешние суда были не сколочены из досок, а связаны из охапок пухлого тростника. Тростник не тонул в воде, да и добывать его было явно легче, чем дерево. Жерди и доски использовались только в качестве поперечин: они скрепляли всю конструкцию вместе, а заодно служили неким подобием палубы. Громоздкие с виду плавучие сооружения на самом деле неплохо скользили по воде. Наконец они наехали плоскими днищами на илистое дно и замерли в нескольких футах от берега.

Команды налегли на шесты, подтягивая их еще немного поближе к суша, а потом стали выскакивать вон, таща и устанавливая сходни и бревенчатые мостки для повозок. Погонщики, уговаривая и понуждая, заставили мулов преодолеть несколько шагов по топкой прибрежной грязи, а потом взойти на плоты.

Конан, то и дело, оскальзываясь, налегал на задок своего фургона и ожидал, что тяжелое колесо или копыто мула вот сейчас пропорет хлипкое с виду тростниковое днище и потопит паром.

Однако странные посудины, видно, обладали завидной плавучестью: они довольно легко выдержали груз.

Циркачи входили в теплую мелкую воду и забирались в лодки, представлявшие собой толстые связки папируса. Загнутые концы снопов образовывали нос и корму, изящно приподнятые над водой. Внутри лодок приходилось устраиваться на коленях, между рядами гребцов, восседавших на охапках связанного тростника, из которых состояли борта.

Торговля насчет платы за перевоз началась только после того, как были погружены все повозки и устроены пассажиры. Капитан тростниковой флотилии, полнотелый мужик в мокрой грязной одежде и засаленном тюрбане, вовсю спорил с Ладдхью при деятельном участии Заггара. Кончилось тем, что Ладдхью отдал перевозчику кошелек с деньгами, — но не прямо из рук в руки, а через Заггара. Тот препроводил деньги по назначению, изъяв из кошелька нечто вроде пошлины.

Потом за дело взялись гребцы с веслами и шестами, и над рекой снова понеслась заунывная рабочая песня. Неторопливые паромы тяжеловесно съезжали на чистую воду, отклеиваясь от прибрежной грязи, задевая днищами топляки и плотные скопища подводных растений и постепенно набирая разгон. Ленивое дуновение ветерка несло мимо них клубы речных испарений. Воздух, напоенный густыми сладковатыми запахами, казался таким же плотным, как и темная вода, плескавшаяся под бортами. Ни дать ни взять даже свирепое южное солнце утрачивало силу во владениях его величества Стикс!

Паромы очень долго петляли в необозримой путанице проток и маленьких островков. Переправиться на тот берег по прямой было невозможно из-за течений и водоворотов, все время возникавших и пропадавших в разных местах: великий Стикс обладал весьма переменчивым нравом. Тем не менее, вода за бортом постепенно становилась все чернее и глубже. Потом гребцы убрали шесты, вытащили весла и продели их в веревочные петли, ввязанные в плотный папирус. Если долго смотреть на берег, можно было заметить, как течение постепенно сносило тростниковые суда.

Конану, однако, все не верилось, что флотилия хоть как-то продвигалась вперед. Киммериец смотрел вниз, в воду, и вскоре обнаружил, что воды Стикса были населены всевозможными тварями. На мелководьях возились здоровенные тупорылые черепахи в неровных шишковатых панцирях, проплывали крупные усатые рыбы... и повсюду виднелись гребнистые спины крокодилов. Гигантские хищные ящеры нежились на песке, сползали в воду с илистых берегов, таились среди камышей. А однажды перед самым носом переднего судна из воды высунулась бесформенная голова и разинула чудовищную розовую пасть. В пасти виднелись короткие, но

очень острые зубы. Потом раздался низкий, раскатистый рев. Конан узнал «водяную лошадь», или, иначе, гиппопотама,— этот зверь встречался ему и раньше.

Гигантское животное считалось достаточно безобидным, но рев его все же изрядно перепугал молов, и они начали так биться на привязи, что нескольких гребцов пришлось потом вылавливать из воды.

Спустя время главная стремнина реки благополучно осталась за кормой. Впереди снова замаячили тростниковые заросли, и паромы опять начали пробираться узкими протоками из одной заводи в другую. Если Конан что-нибудь понимал, на этом берегу полоса заболоченных мелководий была гораздо шире и простиралась не только до подножий холмов, но между ними и далее на равнину, соприкасаясь непосредственно с пустыней.

Гребцы орудовали щестами на протяжении лиги, а может, и более, пока, наконец, не начались возделанные земли, на которых трудились нагие смуглые работники. Но путешествие по воде еще не было кончено: как оказалось, многие поля располагались на невысоких плоских островах.

Вереница лодок долго двигалась по каналам, прежде чем достигла причала. Зато причал был вымощен камнем, а прибрежную грязь в этом месте позабортились присыпать щебенкой.

Здесь было полным-полно тростниковых суденышек, жилых времянок, построенных из того же самого материала, и выезд на новый большак. У берега толпились люди, по какой-то причине не занятые на полях. Тощие, жилистые, они шумно бросились к повозкам и принялись помогать выкатывать их на берег, надеясь таким образом заработать толику денег. Молов одного за другим выводили на берег и запрягали.

Глава перевозчиков неожиданно поднял шум, требуя доплаты за слишком большой груз, Заггар с видимой неохотой ему заплатил. Люди Ладдхью успели перекусить во время переправы, запив еду водой прямо из Стикса, так что в дальнейший путь тронулись без промедлений. По эту сторону реки дорога была шире, а насыпь — повыше приподнята над каналами и полями. Светлый камень мостовой, казалось, отражал лучи полуденного солнца. Чем дальше, тем оживленнее становился большак. То слева, то справа выезжали повозки, запряженные осликами и быками и нагруженные дарами реки. Шли со своими корзинами и мешками мелкие торговцы. Группами двигались сельские батраки, их предводителей можно было узнать по жезлам, увенчанным головками змей. Встречные вовсю глазели на цирковой поезд с его ярко разрисованными фургонами и дикими зверями, трусившими на цепи у колес. Чувствовалось: если бы не благочестие и масса неотложных дел, любознательные стигийцы обязательно сбежались бы толпой и последовали за необыкновенной процессией.

Большак был достаточно широк, чтобы свободно разъехаться двум фургонам. Цирк один за другим пересекал мосты, наведенные над каналами, и миновал придорожные поселения, уверенно продвигаясь вперед. Вот только пейзаж был довольно однообразным, и потому впоследствии они спорили между собой, тщетно силясь выяснить, сколько же они путешествовали вдоль реки — два дня или все три.

И все это время впереди, чуть повыше затянутого дымкой горизонта, маячило размытое, бесформенное нечто, и Заггар утверждал, что это-то и был Луксур. День следовал за днем, но город, казалось, не приближался, а, наоборот, отступал. Вне всякого сомнения, такой обман зрения был вызван исполинскими размерами города и колебаниями воздуха, в котором клубились испарения каналов, реки и влажных полей. По мере того как город все же постепенно проявлялся в тумане, путники все четче видели перед собой его не слишком приветливое лицо: сплошную неприступную стену укреплений, разделенную высокими цилиндрическими башнями. Внутри города виднелись холмы, застроенные монументальными сооружениями. Главные ворота, громадной высоты и ширины, смотрели в сторону реки, и из-под арки,

усиленной контрфорсами, исходил золотистый бронзовый блеск. Видно, створки ворот сами по себе были зреющим впечатляющим.

— Вон та здоровая штука с колоннами там, на холме, — это и есть Империум-Цирк, — указывая вперед, пояснил спутникам Заггар. — Он превосходит своими размерами все городские храмы и усыпальницы и даже дворец самого Тирана. Империум-Цирк построили всего за несколько последних лет. Героическое усилие! Его до сих пор продолжают расширять и улучшать. Спорю на что угодно, вторых таких подмостков вы нигде не найдете!

— Так это там мы собираемся выступать?.. — Ладдхью затенил ладонью глаза, всматриваясь в очертания округлой громады, едва видимой над кромкой городских стен.

Империум-Цирк окружали здания помельче и пышная зелень.

— И... как скоро мы туда попадем?

— Если мои послания прибыли вовремя и все было обеспечено как надо, то завтра, — улыбнулся цирковому мастеру искатель талантов. — Как только мы прибудем в город, я сразу пойду и сам все окончательно утрясу.

— Завтра! Так скоро! — вырвалось у Ладдхью, и его восклицание сопроводило взмолнованное перешептывание артистов. — А когда же мы будем готовиться? Репетировать?..

Заггар поправил свою феску с видом полной уверенности.

— На мой взгляд, у вас и так отличнейшим образом все отрепетировано. Просто не жалейте таланта, коим Боги столь щедро вас наградили, и покажите все самое лучшее, на что вы способны. И, уверяю вас, горожане будут в сумасшедшем восторге!

Немало смущенные, но и вдохновленные такими новостями, циркачи принялись оживленно обсуждать, как бы лучше произвести впечатление на гостеприимных луксурцев. За разговорами и напряженными спорами время полетело быстрей, пока городские стены не нависли прямо над головами, громоздясь над кронами фруктовых садов и крышами придорожных домишек. И по-прежнему на фоне неба виднелся овал Империум-Цирка. Каменная кладка желтовато отсвечивала в лучах закатного солнца, садившегося в пустыню...

Они ждали очереди у моста на переправе через канал, когда к Заггару, ехавшему во главе, подскакал всадник в плаще и тюрбане. Он передал ему свиток, который Заггар развернул и молча прочел. Конан со своего места мог только разглядеть, что послание было начертано вертикальными коринфийскими письменами.

— Все хорошо! — сообщил Заггар Ладдхью, сворачивая письмо и пряча его под овчинную безрукавку. — Вам уже готовится встреча. Сегодня вы расположитесь на ночлег у городских стен и отдохнете, а завтра утром торжественно въедете в ворота.

Эту новость быстро узнала вся труппа. Поезд пересек мост и проехал еще некоторое расстояние па мощеной дороге, минуя загородные домики и полевые сторожки. Потом свернули с большака на дорогу, обсаженную тенистыми пальмами. Дорожка привела их в караван-сарай, обнесенный невысокой стеной. Внутри стояли лошади и верблюды.

Гостиница показалась путешественникам воистину роскошной. Им подали обильный ужин и расстелили мягкие туфяки на утоптанном земляном полу. Передняя терраса караван-сарай была обращена в сторону города и выходила на заросший камышом пруд. Сумерки превратили пруд в зеркало глубочайшей синевы. В сонной воде, точно звезды, таинственно отражались факелы и светильники, горевшие на стене.

Других постояльцев было немного, только караванщики из пустыни, переговаривавшиеся между собой на местном наречии, которого почти никто, кроме них самих, не разумел. Поэтому цирковой люд в этот вечер ужинал точно так же, как и в дороге, то есть в привычном узком кругу. Хозяева гостиницы, пожилая чета стигийцев, были слишком заняты и не могли уделить времени для беседы с гостями. Даже Заггар уехал в город договариваться о выступлениях.

Артисты, предоставленные сами себе, строили грандиозные планы и, укладываясь спать, мечтали о богатстве и всемирной известности.

Конан и Сатильда устроились снаружи, на открытой террасе. Иначе, в общем, было просто нельзя из-за особых отношений, связывавших Летучую Женщину с тигрицей Квамбой. Подсобные работники, которым поручали кормить и расчесывать гигантскую кошку, про себя побаивались своей подопечной. Сатильда же Квамбу очень любила, ощущала с нею некое духовное родство и считала тигрицу своей четвероногой сестрой. И даже приобрела привычку спать рядом с нею, — так было безопаснее ей самой, да и Квамба не начинала беспокоиться и ворчать по ночам.

Конан не вполне доверял пещерной «киске», а посему предпочитал выбирать для ночлега местечко, где Квамба, приди ей такое желание, не смогла бы запустить в него когти. Еще не хватало проснуться в объятиях усатой тигрицы, даже если ей просто захочется поиграть!..

Так и получалось, что киммериец с Сатильдой укладывались ровно там, куда дотягивалась цепь Квамбы (которую нынче замкнули вокруг одной из каменных колонн портика). Это было удобно: никто посторонний не рисковал к ним подойти, так что необходимое уединение было обеспечено. Однако Конан часто просыпался по ночам и видел устремленные на него большие золотые глаза, — Квамба лежала совсем рядом, уютно устроив тяжелую черную голову у его возлюбленной на бедре...

Нынешняя ночь выдалась восхитительно прохладной. Лягушки в пруду заливались жизнерадостным хором, по мосту и бульжной дороге, навевая сон, время от времени рокотали колеса повозок. Усталость, накопленная в путешествии, приятно мешалась с предвкушением завтрашнего дня. Все трое, люди и зверь, наслаждались покоем, глядя, как над равнинами Стигии одна за другой вспыхивали яркие звезды...

Глава четвертая

ЛУКСУР

Рассвет следующего дня застал цирковых артистов уже на ногах. Немедленно начались лихорадочные приготовления. Одни отчищали от дорожной пыли и грязи фургоны и животных, другие вытряхивали и чинили костюмы, третьи приводили в порядок кожу, бронзу, позолоту и краску. Ладдхью, впрочем, уверял, что большая часть оборудования отнюдь не понадобится на великой арене. По его словам, в Империум-Цирке постоянно происходили выступления, а стало быть, канаты, брезент и деревянные конструкции там имелись в избытке. Посему основной груз из фургонов был вынут и перенесен в пустовавшую конюшню гостиницы. Пусть лучшие повозки послужат своего рода передвижными сценами во время торжественного проезда через Луксур. Пусть народ полюбуется черной тигрицей, медведем и самими артистами. Надо же чем-то заинтересовывать и привлекать зрителей! Таким образом, утро прошло в трудах. Потом артисты начали разминаться и репетировать. Потом — попросту нервничать.

На рассвете они торопливо позавтракали, кое-как проглотив инжир, финики и сухие булочки с чаем. Теперь люди попросту не находили себе места. Кто-то рассеянно жонглировал, кто-то наводил последний блеск на фургоны, кто-то сидел в тени портика и потягивал воду, слегка подкисленную вином. Стигийское солнце успело подняться высоко и жарило безо всякой пощады.

Издалека, со стороны городских ворот, вовсю доносились крики, звуки гонга и перекличка труб: дневная жизнь столицы шла своим чередом. Артистам оставалось только сидеть и напряженно ждать, когда же их соблаговолят пригласить.

Неожиданно за стеной караван-сарай послышался перестук семенящих копыт и звяканье сбруи. Заггар въехал внутрь и слез со своего ослика. От жары он выглядел распаренным и помятым, но улыбался во весь рот. По ту сторону невысокой ограды раздавались хриплые команды воинского начальника: там строился отряд в дюжину всадников (судя по одежде и отлично пригнанному снаряжению — коринфийцев) во главе с офицером. Заггар объяснил Ладдхью и членам труппы, что это был почетный эскор特, посланный за ними лично Тираном. Бродячему цирку надлежало немедленно двигаться на арену Империум-Цирка, дабы уладить взоры горожан и знати Луксура.

Снова началась лихорадочная деятельность. Поспешно запрягли мулов, выстроили фургоны один за другим, в самый последний раз проверили костюмы и сбрую. И вот, наконец, поезд двинулся с места. Медведь Буруду шел на цепи за первой повозкой, тигрица Квамба царственно возлежала на задке последней. Когда фургоны выезжали со двора, всадники заняли свои места в процессии: офицер и шестеро воинов поехали впереди, остальные шестеро — сзади. По словам Ладдхью, обязанности воинов заключались в том, чтобы помочь им пробраться по запруженным улицам и оградить цирковой поезд от неумеренного любопытства урожаи.

Дороги, непосредственно сходившиеся к городским ворогам, были широки и хорошо вымощены. Поплыли мимо последние нивы, загородные домики и торговые палатки. Конан обратил внимание, что каналы, орошающие поля, одновременно были предназначены для обороны дальних подступов к городу. Местные жители, попадавшиеся на дороге, в основном выглядели рабами и крестьянами вроде виденных накануне. Они едва поднимали головы, чтобы посмотреть на катившиеся мимо ярко разрисованные фургоны. И очень редко отвечали на веселые приветствия артистов, — если кто-то и протягивал руку, то не для пожатия, а в надежде на милостыню. Поразмыслив над этим обстоятельством, Ладдхью предположил, что вокруг

были всего лишь простые селяне, темные, бедные и забитые. И весьма узколобые в своем нерассуждающем поклонении строгим стигийским Богам. К тому же они наверняка опасались городских стражников, скакавших впереди и позади поезда. До приветствий ли тут!

Когда они вплотную приблизились к городской стене и громадным, окованным бронзой воротам, стало ясно, что почетный караул был им придан не для красоты. Купцы, нищие попрошайки, погонщики бычих упряжек только успевали проворно расступаться в стороны, освобождая дорогу. Вот всадники и фургоны выехали на площадку перед воротами, и с надвратного бастиона приветственно грянули трубы. Привратники в высоких шлемах и полированных чешуйчатых бронях отсалютовали копьями, а толпа зевак отозвалась восторженным ревом.

Цирковая труппа тут же взялась за дело: на импровизированных движущихся сценах начались танцы и акробатические трюки, жонглеры соскакивали наземь и исполняли свои номера чуть не прямо посреди толпы.

Солнце ослепительно сияло на бронзовых створках ворот. Минуя их, Конан не мог удержаться от мысли, что въезжает в некий таинственный рай, сияющий неземным великолепием. Немалое впечатление произвела на него и толщина городских стен, а также обилие всяких оборонительных устройств и ходов, расположенных непосредственно за воротами. По ту сторону арки обнаружилась въездная площадь, но другого открытого пространства видно не было — городские кварталы подступали к самым стенам этаким приливом глины и камня и сущим водоворотом зреящих звуков и запахов.

И еще Конан сразу понял, что не скоро отделается от ощущения ограниченного пространства. Город представлял собой перенаселенный улей, кишащий человеческий муравейник. Впрочем, примерно таковы были и все прочие города, в которых случалось бывать киммерийцу. Внутри обитали вроде бы те же оливковокожие, с резкими чертами стигийцы, но как же сильно они отличались от сельских работяг, на которых Конан успел насмотреться в дороге. Городской люд ходил в фесках и тугих тюрбанах, сандалиях и туфлях с кисточками, одежда же...

Глаза разбегались от вида всевозможных лохмотьев, равно как и долгополых рубах, тог, безрукавок, шелковых шаровар. А разговаривал здешний народ поистине на двунадесяти языках. Люди бесстрашно бросались наперерез всадникам, не обращая внимания ни на грозные копья, ни на цокающие копыта копей, и приветствовали цирк громкими криками восторга и изумления. Кроме стигийцев, здесь было полным-полно представителей разных народов.

Конан различил кочевников с Востока (их смуглая кожа имела сероватый оттенок), сплошь черных, как головни, уроженцев Кешана и Куша, курчавых шемитов и, конечно, коринфийцев, выделявшихся светлой кожей и правильными чертами лица. Вот что называется настоящая городская толпа! Разноязычная, пестрая, вечно возбужденная и сварливая.

Прием же, который юга толпа оказывала бродячим артистам, только и можно было назвать мечтой циркача. Но сквозил во всеобщем восторге некий оттенок, который Конан никак не мог для себя понять и определить. Горожане вовсю хлопали в ладоши и валом валили вслед за повозками... и в то же время, казалось, смотрели на выступавших как бы с некоторой издевкой.

Так рассматривают плоды болезненного чудачества, безнадежно старомодные и достойные осмеяния. Подобное отношение Конану очень не нравилось и порядком его раздражало. И уж ни в коем случае не прибавляло ему желания играть мускулами и позировать,— он и так-то занимался этим без особой охоты, просто потому, что так полагалось, и иначе было нельзя.

С другой стороны, здешние жители вряд ли презирали его сильнее, чем он — их. Да в гробу он их видел, этих расфуфыренных, мягкотелых цивилизованных неженок, привыкших к жизни в четырех стенах. Что ему до их отношения? К тому же он видел, что его товарищи по труппе ни

на что не обращали внимания, и их стремление удивить и понравиться оказалось заразительным, до некоторой степени передавшись упрямому киммерийцу. В общем, Конан терпел, наблюдая, как толпа становилась все гуще, а кривые узкие улочки — все непроходимей. Процессия сворачивала то влево, то вправо, постепенно карабкаясь вверх к амфитеатру, временами возникавшему перед ними на пологом холме. Конан стоял на открытой платформе фургона, и задача его в основном сводилась к тому, чтобы пошире раздувать грудь и поворачиваться туда и сюда, двигаясь как деревянная статуя и похваляясь мускулатурой. Еще он время от времени поднимал одной рукой железные пустышки, изображавшие неподъемные гири, и сгибал якобы негнувшийся свинцовую прут, а потом вновь его выпрямлял. Он уже успел усвоить, что подобные трюки можно было выполнять, не особо потея и не входя в убийственный раж. Иногда, если ему казалось, что публику надо было впечатлить чем-нибудь «этаким», он подзывал Сатильду, вскидывал ее над головой и принимался подбрасывать, так что девушка перелетала с одной его ладони на другую. Потом она вычерчивала в воздухе сальто, соскачивая на платформу. Гибкость и сила гимнастки делала ее в глазах зрителей невесомой. Шалости, которые они учиняли вдвоем, неизменно вызывали вопли восторга и бурю рукоплесканий.

В промежутках Сатильда вставала на руки, ходила колесом, делала сальто вперед и назад, спрыгивала в немыслимом кувырке с движущегося фургона прямо на мостовую. Дат ловко жонглировал топориками, посылая их высоко вверх и ловя у себя за спиной, и время от времени всаживал их в деревянные доски, чтобы все желающие могли убедиться в отменной остроте лезвий. Разодетый Бардольф вытаптывал невероятную жигу, ухитряясь одновременно наигрывать на флейте мелодию. Медведь Буруду тоже старался, как мог: кувыркался на ходу, играл мячиком. Ладдхью уговорил Квамбу покинуть ложе и немного попрыгать через выставленную трость. То есть дело нашлось всем членам труппы: и прыгунам, и мимам, и жонглерам.

Единственным исключением был Рогант. Он сидел на сиденье извозчика, настегивал мулов и часто прикладывался к винному бурдюку. Сгорблленное плечо выделялось как зримое свидетельство хрупкости человеческих надежд и мечтаний.

По мере того, как упряжки везли фургоны извилистыми путями наверх, улицы понемногу вновь стали делаться шире. Плотно стиснутые дома начали уступать место зеленым садам, богатым дворам и роскошным постройкам, что виднелись в глубине участков и более не прижимались к самой дороге. Такая застройка давала возможность разглядеть, что делалось впереди, в частности, присмотреться к обширному, украшенному множеством арок амфитеатру, воздвигнутому на самой вершине холма.

Неизменным оставалось одно: сплошная толпа, заполонившая улицы. Она не только не редела, но даже, наоборот, увеличивалась и становилась плотнее. Помимо крикунов, бежавших рядом с фургонами, приветствуя и как будто побуждая цирк ехать быстрее, здесь были и такие, кто заранее вышел на улицу — то ли неторопливо направлялся наверх, к величественному зданию, то ли просто гулял. Среди них многие были довольно богато одеты, причем особенно выделялись мужчины в безукоризненных, заморского вида одеяниях и со светлокожими коринфийскими физиономиями. Эта, так сказать, «чистая публика» бросала на бродячих артистов довольно циничные взгляды. Она не приветствовала и не насмехалась, лишь что-то вполголоса обсуждала между собой.

Конная стража шпорила лошадей, раздвигая, когда приходилось, пешую толпу, двигавшуюся к Империум-Цирку, и тем самым давая возможность фургонам катиться безостановочно. Потом они свернули на одну из дорожек, обегавших высокий овал амфитеатра. Мощеная улица была сплошь окаймлена стенами и коваными решетками владений и вилл. Верхние этажи зачастую нависали над нижними, перекрывая небо над головами.

Конан про себя отметил, что толпа сразу начала редеть и скоро отстала. Наверное, с этого конца Империум-Цирка публика внутрь не допускалась. Дорожка завернула, огибая выпуклый бок каменного строения, и впереди разверзлась высоченная арка. Ворота стояли настежь раскрытыми. Стражники, сопровождавшие артистов, проскакали немного вперед, минуя арку, и по знаку своего командира развернулись поперец улицы, жестами направляя цирковой поезд вовнутрь.

Ладдхью натянул вожжи, заворачивая упряженных мулов в ворота, Рогант, правивший следующим фургоном, последовал его примеру. Заггар, ехавший на передней повозке, соскочил с нее и остался стоять на обочине. Помахав Ладдхью рукой, он пожелал ему и всей труппе успешного выступления...

Миновав арку, они оказались в обширном сумрачном помещении, очень напоминавшем пещеру. Здесь витало множество запахов: Конан учゅял навоз, животных, корм, дым выгоревших факелов и еще какую-то кислятину. Услышав глухое ворчание, он оглянулся на Квамбу и увидел, что шерсть на загривке тигрицы поднялась дыбом. Горной кошке не нравилась столь внезапная смена обстановки. Присмотревшись, киммериец различил темные пустые углы, сводчатый потолок, какие-то свернутые занавеси и знамена, лари с известью и песком, кучи строительного камня, колесницы, сбрую, инструменты и распиханное там и сям множество разных причиндалов, по виду могущих иметь отношение к цирку.

К его некоторому удивлению, фургоны здесь не остановились, а продолжали катиться вперед.

Проход был широкий, и по сторонам его стояли служащие Империум-Цирка, одетые на коринфийский лад: в белые туники по колено, перехваченные в поясе. Они деловито жестикулировали, направляя повозки вперед, мимо себя, и Ладдхью, правивший передним фургоном, повиновался.

Конан не знал, что и думать. Он-то готовился к неизбежным задержкам, к утомительной и раздражающей мороке, которая, по его мнению, должна была предшествовать их выступлению. Обязательно ведь понадобится что-то еще утрясать с местным начальством и, вполне вероятно, устанавливать необходимое оборудование. Но фургоны катились себе и катились, пока не достигли второй пары тяжелых деревянных дверей. Толстые створки, приводимые в движение цепями и металлическими тягами, уже раскрывались, готовые их пропустить. С той стороны врывался слепящий солнечный свет, и волна за волной доносились громкие рукоплескания.

— Ну, ребята, приготовились, — скомандовал Ладдхью. — Давайте-ка улыбнемся, что есть сил! — Встав в полный рост на сиденье извозчика, он передал вожжи Фатуфару и обернулся к артистам: — Пришел наш звездный час: мы в первый раз выступаем на арене блестательного Луксара. Помните свое искусство, исполнитесь гордости за наш цирк... и повеселите здешнюю публику так, как вы это умеете!

Конан прямо-таки кожей ощущил вдохновенный азарт, объявший артистов, и не смог удержаться, чтобы не присоединиться к общему чувству. Он немного волновался, но не от неуверенности в себе, — он просто не знал, какой порядок номеров изберет на сей раз цирковой мастер, будет ли в представлении, как это обычно происходило, прелюдия, нагнетание ужаса и восторга и, наконец, кульминационный финал. Гадать было бессмысленно, и киммериец просто решил не отставать от друзей, делая то же, что все.

Артисты разминали руки и ноги, предвкушающее улыбались. И они, и Ладдхью были людьми опытными: уж верно, хорошо знали, что делали.

Воодушевившись, Конан решил про себя, что на сцене будет пыжиться как никогда и подкинет Сатильду так высоко, как не подкидывал доселе ни разу.

И вот фургоны выехали на обширное, почти пустое пространство, засыпанное песком. Его

ограждал каменный барьер, за которым виднелись уходившие ввысь сиденья амфитеатра. Ряды, ряды, ряды, — и повсюду шумное море людей. Незанятые сиденья виднелись только там и сям на самом верху. Где-то на средних уровнях виднелись устья входных тоннелей, и оттуда появлялись все новые зрители. Еще немного и амфитеатр будет набит до отказа. И все это сбирающе громогласно шумело и ликовало. Как только на арене появились повозки, по рядам, точно морской прибой, прокатилась гулкая буря оваций.

Там, куда направлялись фургоны, в ровном песке виднелось углубление, зеленевшее вершинами кустов и деревьев. Маленький парк, решил киммериец. Или нечто вроде декораций для представления. Над углублением виднелась густая паутина канатов, и торчало несколько высоких деревянных треножников. Несомненно, там помещались трапеции и все прочее, необходимое для воздушных гимнастов.

Странствующие артисты выехали на арену примерно так же, как перед этим следовали по улицам города: играя на флейтах, жонглируя и танцуя на открытых платформах фургонов. Вот только звуки их инструментов, как и громкие восклицания Ладдхью (цирковой мастер надрывал голос, по-коринфийски перечисляя порядок номеров) бесследно тонули среди шума и гама аплодирующей толпы. Многие наклонялись вперед на своих сиденьях, приглядываясь к циркачам с высоты порядочных, в два-три человеческих роста, стен кругом песчаной арены. Конан, шуруя туда-сюда свои пустотельные гири, только гадал про себя, и на что бы нужны были такие высокие ограждения. Лучше бы позволили зрителям сойти вниз, прямо на площадку, и посмотреть представление вблизи! Но потом киммериец поразмыслил еще немного, принял во внимание численность распаленной толпы и преисполнился благодарности за то, что ее не подпускали вплотную.

А еще он обратил внимание, что, по мере того как фургоны описывали положенный круг — причем мулы, украшенные плюмажами из перьев, красиво вышагивали, а артисты лезли из кожи вон, — крики и хлопанье зрителей резко пошли на убыль. Беспорядочный шум продолжался считанные мгновения, и вот уже стали слышны колокольчики Иокасты и флейта Бардольфа. Жалкие, тоненькие звуки в пустоте огромного цирка. Гораздо громче оказался скрип и скрежет тяжелых ворот, захлопнувшихся позади фургонов. Потом стало совсем тихо, если не считать отдельных выкриков с мест. Публика замерла в ожидании...

Глава пятая

НА АРЕНЕ

Краем глаза Конан заметил, как завихрилась пыль в одном конце арены, недалеко от повозок. В стене открылись низкие деревянные воротца, и из темноты, царившей внутри, долетело фырканье, гортанные голоса, отдававшие какие-то приказания, и цоканье копыт по камню. И вот, наконец, на свет Божий выбралась косматая зверюга с изогнутыми, широко расставленными рогами, — дикий бык из тех, что водились на равнинах Шема. Он выскоцил на площадку, прыгая и беспорядочно бросаясь из стороны в сторону. За первым последовали еще и еще. Эти твари были похожи не на домашних коров, а скорее на бизонов. Все — массивные, могучие самцы, числом не менее десятка.

Они стремительно вылетали наружу, потом умеряли свой бег и останавливались, сбитые с толку слепящим солнечным светом и неожиданным шумом людского множества, — ибо зрители снова разразились криком и аплодисментами.

Упряжные мулы цирковых фургонов, как и следовало ожидать, немало перепугались рогатых зверей, неожиданно появившихся на арене и поднявших небольшую песчаную бурю. Упряжки шарагнулись в сторону, ритм движения был нарушен.

— Это еще что такое? — обернувшись с передней повозки, закричал Бардольф. — Кто-то собирается выступать с животными? Мы же помешаем друг другу!

— И вообще, у них тут цирк или выгон для скота? — осведомился Дат.

Не переставая ловить и подбрасывать топорики, юноша повернулся, взирая на происходившее с высоты катившегося фургона.

— Не знаю, что это такое, но очень похоже на непорядок, — сказал Конан и, положив свои гири-пустышки, перешел вперед, чтобы помочь Роганту управляться с мулами.

Ему уже приходилось видеть ярость диких быков из Шема, и он весьма сомневался, что эти звери вообще поддавались приручению и укрощению. Во всяком случае, в той мере, которая необходима была для цирковых выступлений.

— Лучше нам перестать шуметь и суетиться, — предостерег он товарищей. — Давайте притихнем и подождем, что к чему...

— Что? Из-за нескольких паршивых быков?.. — на мгновение оторвав флейту от губ, презрительно бросил с передней повозки Бардольф. — Клянусь Митрой! Мы что, мало коров видели по дороге и на стоянках?

— А столько быков сразу ты видел? Да ты знаешь, какая за ними слава?.. — Конан перенял у Роганта вожжи и направил мулов вперед как можнотише и спокойней, стараясь без нужды не дергать вожжами и не звенеть колокольцами сбруи.

Оглянувшись на длиннорогое стадо, он распознал весьма зловещие признаки: вожак грозно пыхтел, глаза у него были в буквальном смысле налиты кровью, а вокруг ноздрей запеклась розовая пена. Кто-то позаботился раздразнить и жестоко отдалить животное, без сомнения, нарочно, затем, чтобы привести его в состояние кровожадной ярости. Остальные быки тоже двигались воинственным шагом, угрожающе мотая рогатыми головами. Пока Конан смотрел, вожак опустил морду к земле и принялся рыть песок передним копытом.

— Держитесь за фургон! — вполголоса предостерег Конан артистов. — И будьте готовы бежать или драться, если понадобится. Как бы они прямо сейчас на нас не набросились...

— Так надо же на помощь позвать! — обозревая глухие стены, рассудительно предложила Сатильда. — Или пригрозить, что в таком случае мы отменим свое представление и уедем из

города. Что за дела, почему позволяют диким животным бегать, где попало и мешать людям выступать?

Вместо ответа Конан указал ей на деревянные ворота, успевшие наглухо закрыться.

— Выступление, — сказал он, — по-видимому, сводится к бою быков. А мы — красная тряпка.

Словно подтверждая это предположение, трибуны разразились новым взрывом восторга. Ибо вожак бизонов громко фыркнул, оросив арену каплями крови из ноздрей, и, тяжеловесно разгоняясь, устремился в атаку. Остальные, влекомые стадным инстинктом, поскакали за ним.

Конан послал мулов вперед со всей мыслимой скоростью, направляя их в сторону от стада. Если ему удастся удержать их задом к быкам, так, чтобы фургон все время оставался между ними и бизонами, тогда, может, все еще кончится хорошо. Вот только как это проделать на полукруглой арене, неожиданно ставшей очень узкой и тесной?..

Повозка Ладдью тем временем остановилась: похоже, там происходил какой-то спор. Заметив приближающуюся опасность, цирковой мастер снова погнал мулов вперед. Но правил Ладдью, в отличие от Конана, прямо в стену. Рано или поздно ему придется свернуть...

Оглянувшись назад, киммериец увидел, что исполинский бык-вожак рысил за его фургоном и постепенно нагонял. За вожаком следовали еще четыре самца. Троє быков помоложе отвлеклись преследованием второй повозки, а еще двое стояли в злобной нерешительности, фыркая так, что струи воздуха из широких ноздрей поднимали клубы песка.

Спереди, приближалась глухая стена, и Конан стал постепенно заворачивать своих мулов, избегая резкого маневра, который замедлил бы ход фургона или вовсе перевернул его. Проезжая под самым барьером, он краем глаза заметил наверху какое-то столпотворение и почувствовал, что кругом сыплются огрызки фруктов. Враждебная толпасыпала их мусором!..

Конану, впрочем, тут же стало не до этого: бык царапнул рогатой башкой задок фургона, ощутимо толкнув его вперед. Сзади, с площадки-сцены, раздалось испуганное аханье, но, судя по всему, ловкие циркачи сумели удержаться на своих местах. Упряжные мулы, конечно, были изрядно напуганы, но хорошая выучка взяла свое. Они повернули плавно и мягко и устремились дальше ровным галопом, направляясь к понижению в центре арены. Конан надеялся, что там легче будет укрыться от разъяренных быков.

... Он вовремя разглядел, что углубление было заполнено в основном водой и представляло собой нечто вроде искусственного болота.

Песчаные «пляжи» и «мелководья» были украшены деревьями и кустами в каменных кадках.

Самые рослые деревца возвышались над поверхностью арены, но до путаницы канатов, натянутых наверху, не доставало ни одно.

Рукотворное болото имело форму вытянутого прямоугольника. Его длинные стороны представляли собой крутые обрывчики выше человеческого роста, а простипалось оно поперек всей арены Империум-Цирка, от одной стены до другой. Не было никакой возможности объехать его на повозке.

Ну, а предназначение водоема было очевидно прямо-таки до боли в глазах. Там, внизу, в нагретой солнцем трясине, блаженствовали рептилии: гигантские крокодилы, пойманные в Стиске, причем некоторые были таких размеров, что человек не смог бы обхватить их поперек.

Болото явно должно было служить препятствием для беглецов и нешуточной угрозой вся кому, вздумавшему карабкаться по трапециям и канатам, — а ведь только так и можно было достичь песка на другой стороне, сулившего безопасность.

В общем, еще одна ловушка, составная часть подлого обмана, которым так и дышал весь этот проклятый Цирк!

На всякий случай Конан присмотрелся к деревьям. Если кто-нибудь падал в яму, быть может, он еще мог спастись, забравшись на ветки...

Увы! Конан оскалил зубы от ярости и разочарования. Деревья выглядели достаточно ухоженными и здоровыми, но большей частью как-то странно гнулись, отягощаемые, так сказать, невиданными плодами. Эти «плоды» гибко обвивались вокруг стволов, чешуйчато поблескивая в лучах слепящего солнца, перетекали, скользили по ветвям...

Змеи! Древесные питоны, посвященные Отцу Сету. Всякий, кто, спасаясь от крокодилов, полезет на дерево, рано или поздно очутится в их смертоносных объятиях. И эта смерть, быть может, окажется не столь быстрой, как в зубах крокодилов, но столь же неминуемой.

А толпа будет восторгаться и ликовать, наблюдая за последними муками несчастных. Обрыв в яму, с ее гранитным бортиком высотой по щиколотку, неотвратимо приближался. Сзади, сотрясая песок, с топотом неслось рогатое стадо, наконец-то нашедшее, на чем выместить свой гнев. Пришлось Конану снова заложить вираж, на сей раз круче, но мулы справились и снова повлекли фургон к середине полукруглой площадки.

Однако там их поджидало новое препятствие в лице двух быков, еще не присоединившихся к погоне. Пришлось Конану поворачивать снова, да притом смотреть, как бы они не задели повозку своими длинными, изогнутыми рогами и не слишком перепугали мулов. Если бы только мулы смогли продержаться еще сколько-то времени! Хотя бы один колокол!..

Рано или поздно кто-нибудь выдохнется: либо быки замучаются бегать, либо толпа устанет смотреть. И тогда, глядишь, удастся вырваться на свободу. Но такой исход был слишком хорош, чтобы всерьез на него надеяться. И, точно: повозка Ладдхью, преследуемая столь же беспощадно и точно так же оказавшаяся между стеной и быками, гулявшими посередине, затяла слишком крутой поворот. Фургон не перевернулся, но сильно сбавил ход. Его передние колеса пошли боком, взрывая песок, корпус сильно сотрясся, подкинув седоков. Мулы, оказавшиеся в очень неудобном положении, тужились изо всех сил, пытаясь стронуть фургон и заново его разогнать.

Пока они натягивали упряжь, пока отчаянно щелкал над ними кнут Ладдхью, три молодых быка обежали фургон и устремились на него сбоку. Три пары острых рогов вонзились в беззащитные животы несчастных мулов...

Гибнущие животные страшно закричали от боли и ужаса, но их предсмертные вопли тотчас заглушил восторженный рев толпы. Только тут стало, как следует ясно, какая жажда крови обуревала трибуны. При виде мучений и смерти люди принялись танцевать, прыгать на месте, размахивать руками...

Между тем уцелевшие мулы судорожно рванулись в сторону, лягаясь, волоча за собой своих окровавленных собратьев, и самым опасным образом перекашивая дышло фургона.

Конан гнал свою упряжку по широкой дуге. Несколько быков, которым наскучило гоняться за ускользающей целью, оставили его повозку и направились развлечься легкой поживой. Не разбирая дороги, они налетели на застрявший, еле двигавшийся фургон, протаранили его и наконец перевернули, благо силы в их толстых мускулистых шеях было для этого более чем достаточно.

Ладдхью, другие артисты и медведь Буруду высыпались на песок и заметались, стараясь уйти от тяжелых копыт и острых, как копья, рогов обезумевшего стада...

Достойный отпор врагам дал только медведь. Развернувшись навстречу одному из быков, он отмахнулся от нацеленных рогов и ударом могучей когтистой лапы вспорол животному бок. Ничуть не смущившись, дикий бык в свою очередь нацелил рога и попытался выпустить ему кишки. Буруду снова избежал удара, повис у быка на шее и начал полосовать его толстую кожу клыками и загнутыми когтями. Взвилось сплошное облако пыли, сквозь которое мало что удавалось рассмотреть, только доносились свирепое рычание и временами рев, слышимый даже

несмотря на оголтелые вопли толпы.

Не теряя времени даром, Конан направил свой фургон к опрокинутому, стараясь провести его как можно ближе и в то же время избегая смертельной опасности, — так, чтобы быки не бросились между повозками. Не смея совсем остановить мулов, он все-таки придержал их, несмотря даже на то, что преследователи-бизоны снова начали наподдавать рогами задок и пытаться поддеть рогами катящиеся колеса.

— Залезай!.. — во всю глотку заорал киммериец. — Ребята, живо сюда!..

Крик был услышан. Ладдхью и его артисты со всех ног кинулись к фургону. Уворачиваясь от бросающихся быков, они подбегали один за другим и вскакивали наверх, цепляясь за протянутые навстречу дружеские руки.

Как выяснилось, большинство даже не было ранено. С одной стороны, следовало поблагодарить за это Богов, но с другой — мулам Конана приходилось теперь тащить на себе двойной груз человеческих тел. Быки по-прежнему бодали и пинали фургон и тем самым как бы помогали упряжке, но несчастные мулы уже начали выдыхаться. Да и зрелище гибели застрявшего фургона, — жуткое, кровавое и сопровождаемое оглушительным шумом, — их вовсе не вдохновляло... Потом косматому вожаку внезапно надоело возиться с измочаленным задним бортом фургона. Возможно, запах упряженых животных, наконец, достиг его залитых кровью ноздрей. Мощно зафыркав, он прибавил скорость и ринулся мимо угла повозки, чтобы забежать спереди.

Это, однако, не понравилось одной из участниц событий, а именно, Квамбе. Тигрица скорчилась на полусогнутых лапах посередине фургона, прижимаясь к Сатильде, — та гладила, и как могла, успокаивала «сестру». Заметив опасный маневр старого быка, Квамба начала действовать по своему разумению и без какой-либо команды. Могучим прыжком, от которого покачнулся тяжелый фургон, гигантская кошка взвилась в воздух и приземлилась прямо на загривок быка.

Людям только показалось, будто дневной свет прорезала стремительная черная молния. В следующий момент тигрица словно приросла к бычьей спине, вцепившись длинными когтями в его косматую шкуру и безжалостно терзая клыками горбатый жирный загривок. Бык забыл о своих первоначальных намерениях и заметался, тщетно пытаясь сбросить дьявольскую наездницу. Взвился песок... Сквозь пыльную тучу черная шуба тигрицы казалась сгустком непроглядного мрака.

Толпа на трибунах положительно сходила с ума.

Прыжок Квамбы сделал свое дело: фургону удалось вырваться из свалки. Но опасность от этого вряд ли сделалась меньше. Быки, раздраженные видом и запахом крови, обращали все более пристальное внимание на движущихся мулов и людей. Они подбегали с разных сторон, угрожая людям, ехавшим на повозке, пугали упряженых мулов, норовили поддеть рогами колеса.

Дат метнул сперва один топорик, потом и другой, подтягивая брошенное оружие за кожаные ремешки, надетые на запястья. Увы, его топорики были слишком легки и не могли пробить толстенные черепа налетающих чудовищ. Пришлось ему удовольствоваться тем, что пораненные животные, испытав боль, все же начали осторожничать и не так наседали на задок и колеса повозки.

Заметив, что несколько быков вот-вот врежутся в борта фургона, Конан передал вожжи Бардольфу, а сам перебрался назад, на площадку. Подхватив свой свинцовый лом, Конан согнул его крючком и продел в ушко одной из гирь. Получилось нечто вроде булавы, притом достаточно увесистой. Конан поустойчивее расставил ноги, занес неуклюжее оружие над головой и со всех сил приложился по башке ближайшего из быков, уже наладившегося боднуть одного из мулов.

Удар был таков, что Конан сам едва не свалился с повозки. Ему пришлось выронить лом и

ухватиться за бортик, чтобы не выпасть.

Быку попало как раз по затылку; животное зашаталось и едва не угодило под переднее колесо. Случись это, и не миновать бы крушения. По счастью, бык устоял на ногах, вот только охоту на кого-то нападать внезапно утратил. Спотыкаясь, он отвалил в сторону и быстро отстал. И вновь впереди замаячил обрывчик крокодильего болота...

Конан закричал, обращаясь к Ладдхью и советуя скорее повернуть по направлению к центру, туда, где виднелись канаты и распорки гимнастических сооружений. От быков было все равно не спастись. Похоже, шанс уцелеть оставался только один!

Однако мулы поворачивать не захотели. По обе стороны от них бежало по остерьеневшему бизону: мулы ощущали их горячее дыхание и прикосновения рогов, уже задевавших бока. Перепуганная упряжка вконец перестала что-либо соображать и мчалась прямо к обрыву. Ладдхью вовсю действовал кнутом — ничего не помогало.

Конан снова перехватил вожжи и налег что было силы... Без толку! Еще чуть-чуть, и они перепорхнут невысокую каменную оградку и полетят вниз, прямо в пасть чешуйчатым живоглотам, по сравнению с которыми их нынешние преследователи, право же, были не опасней котят...

В отчаянии Конан свесился вниз, туда, где метались длинные хвосты мулов, и принялся нашаривать цепь, крепившую упряжь. Кое-как прикрывая глаза от песка, бешено летевшего в лицо, киммериец нашупал защелку цепи и, приоровившись к ритму движения, точно рассчитанным движением умудрился ее отстегнуть.

Все произошло сразу. Колеса фургона завязли в мягким песке и замедлили свое качение, а мулы, продолжавшие налегать, что было сил, парами отцепились от дышла и поскакали вперед, Теперь, когда их ничто не удерживало, они живо набрали ход, и бизонам только осталось нюхать пыль из-под их копыт. Однако впереди зиял смертоносный провал. Три пары из четырех вовремя шарахнулись в сторону и убежали. И лишь последняя пара, та, которую более всего донимали гнавшиеся быки, отвернуть не успела и влетела прямо в болото. Один из быков, увлекшись погоней, свалился вместе с мулами.

Вся троица исчезла из виду, только слышны были вопли, визг, рев...

Когда расстегнулась цепь, освобожденное дышло упало и пробороздило песок, так что передние колеса резко повело в сторону. Фургон занесло и перевернуло, артисты кувырком посыпались на арену.

Уже не половина труппы — все без исключения думали только о том, как бы удержаться на ногах и достигнуть какого-никакого укрытия. И времени для этого у них было в обрез. Опрокинутый фургон уже трещал под яростными ударами рогов. Неподалеку торчали над песком две деревянные, треноги, высокие, но довольно хлипкие с виду. Можно ли будет спастись на них от разъяренных бизонов? К тому же с каждого сооружения свисало всего по одной веревке с узлами. Слишком узенькими были эти дорожки к спасению!

Издали казалось, что первая тренога служила стойкой для толстого каната, натянутого горизонтально. При ближайшем рассмотрении «канат» оказался дощечкой толщиной в мужское запястье. Дощечка для вящей прочности лежала ребром. Но и в таком положении она здимо прогибалась посередине под собственным весом. Хрупкая планочка тянулась к парному треножнику на ту сторону ямы, и посередине ее ничто не поддерживало, а расстояние было приличное — шагов около сорока. Даже камень не вдруг докинешь.

На верхушке второй треноги была узенькая площадка, только-только поместиться двоим. К ней была подвязана трапеция, первая из множества других, свисавших с натянутых канатов через равные промежутки. Трапеции образовывали как бы звенья цепочки, позволяющей достичь противоположного берега. Значит, здесь действительно готовили все необходимое для

выступления знаменитых акробатов Ладдхью. Если, конечно, они решатся исполнять свои трюки над ямой, полной кровожадных страшилищ.

Был и еще один путь на ту сторону. Своего рода мостик из тонких дощечек, уложенных на два каната, закрепленных за каменный бортик на расстоянии полу шага один от другого. Планочки выглядели крайне ненадежными и разболтанными, и на месте их удерживало какое-то мочало. И, естественно, никаких ограждений и страховочных веревок по бокам провисающего сооружения. Это при том, что посередине пролет свисал вниз почти до воды, а вода безостановочно бурлила, тревожимая телами проплывающих ящеров...

Шум, доносившийся с противоположного края арены, где остался первый фургон, постепенно смолкал. Испуганное ржание мулов и рев поверженных бизонов сменился ворчанием и рыком двух хищников, раздиравших добычу.

Сделалосьтише и у каменного бортика ямы. Некоторые быки еще бродили возле разгромленных повозок и перебитых упряжек, другие гонялись за удравшими мулами. Только три рогатых создания еще охотились за двуногими беглецами, бросаясь из стороны в сторону и пытаясь поднять на рога увертливых и быстрых людей.

— Живо наверх и давайте на ту сторону! Вы это можете! — вдохновлял Конан сгрудившихся около него циркачей. — По веревкам, по трапециям, по мосту! У вас все получится! А мы, воины, пока задержим проклятых бестий... — И он, неожиданно развернувшись, заехал обутой в сандалию ногой по носу подскочившему быку. — Дат, где ты там!.. Топорик не одолжишь?..

Метатель не успел ответить ему: на него тотчас насыпал один из быков. Красноглазое чудовище налетело с воинственным ревом, загнав юношу на самый бортик обрыва. Сендаец пытался рубить топориками, но безо всякого видимого успеха. Потом метнул один из привязанных снарядов и попал зверю как раз между глаз. Бык остановился, оторопело мотая башкой.

— Отлично, парень!.. — заорал Конан. — А ну, друзья, навались! Сдерем с него шкуру!..

Но стоило Дату пошевелиться, как бык справившись с потрясением, вновь рванулся вперед и сшиб юношу с ног. И собрался, было, уже затоптать, но Дат проворно откатился прочь, избежав смерти и ран.

Едва успев убедиться, что с Датом все хорошо, Конан услышал позади себя крик, полный ярости и смертного ужаса. Это Рогант оказался недостаточно быстр, и налетевший бизон вскинул его на рога. Мощное движение толстой шеи и плеч — и Рогант пролетел по воздуху, чтобы шмякнуться на каменное ограждение ямы.

Слышно было, как ударились оземь его тело. Рогант застонал и едва сумел удержаться, чтобы не свалиться к крокодилам, на верную смерть.

— Кром и Мананнан!.. — свирепо выругался Конан.

Подбежав к быку, он ухватил его за рога. Зверь попытался ударить человека мордой в живот, но киммериец только зарычал, а потом начал пригибать голову зверя к земле, используя длинные рога как рычаги. Его сандалии скользили в рыхлом песке. Все-таки он никак не давал животному мотнуть головой и сбить себя с ног.

Это было столкновение не только сил, но и воли. Зрители приветствовали борьбу зверя и человека громоподобным взрывом оваций. Пока длилось единоборство, остальные цирковые артисты успели добежать до деревянных опор и висячего мостика и начали свой опасный путь к спасению. Первой, перескакивая с трапеции на трапецию, над крокодильим болотом пролетела Сатильда. Пролетела, как следует, раскачала утлыеперекладины — и вернулась назад, чтобы помочь друзьям.

Вновь добравшись до треножника и прицепившись к узенькому насесту, она одного за другим стала отправлять в путь своих менее искусных напарников, с великолепной точностью

посылая их в полет. И еще поспевала ловить хрупкие трапеции при их возвратном движении. Один за другим молодые гимнасты, в большинстве своем парни, проносились по воздуху над смертельной трясиной и гибко спрыгивали на песок. Тем, кто летать не умел, оставался шанс попытать счастья на узкой доске.

Фатуфар повел за собой Яну, держа ее за руку и постепенно продвигаясь вперед. Хотя было не особенно ясно, выдержит ли тонкая жердь даже одного человека, не говоря уже о двоих. Все-таки они благополучно перебрались на ту сторону, и за ними, почти не глядя себе под ноги, с удивительной легкостью перебежал Бардольф. Артисты понемногу одолевали неодолимую с виду преграду, и те, чья очередь еще не наступила, волновались в ожидании. Не обладавшим акробатическим искусством, вроде Ладдхью с Иокастой, а также тем, кто пострадал в крушении фургона, оставался только веревочный мостик. Один за другим люди выползали на никудашные, готовые рассыпаться планки и, оглядываясь, просили отставших подождать хоть немного, а то ненадежные веревки, чего доброго, могли не выдержать и разорваться. Досочки трещали и прогибались, и удержаться на мостице было почти так же трудно, как на подвесной жерди. Когда Ладдхью и Иокаста подобрались к середине моста, туда уже заплескивала вода, а из воды высовывались носы любознательных крокодилов.

Однако в это время, спасаясь от быков, на мостик полезли остальные артисты, и канаты натянулись, а середина перестала раскачиваться и даже приподнялась. Цирковой мастер и провидица благополучно выбрались на берег...

Конан между тем все еще сражался с быком. Зверь оглушительно ревел, киммериец яростно ругался,— в общем, шум был такой, что другие быки благоразумно обходили их стороной. Конан продолжал неумолимо скручивать на сторону длинные рога, измаранные кровью и облепленные присохшей коркой песка. Мало-помалу он подвел упрямое животное к самому краю болота. А потом приложил последнее бешеное усилие и все-таки повалил противника набок, так что тяжеленная туша перевалилась через бортик. Мгновением позже от ее падения вниз слегка содрогнулась под ногами аrena.

Немедленно начался плеск воды, взбиваемой хвостами жадных рептилий, зазвучал отчаянный рев заживо съедаемого быка, но все эти звуки вновь поглотил одобрительный рев трибун.

К сожалению, остальные быки не слишком задумались над участью, постигшей их родственника, и очень скоро Конану снова пришлось спасаться от смерти. Тигрица Квамба давно уже перегрызла хребет своему сопернику-бизону и вдоволь налакалась его густой темной крови. Уцелел и Буруду, но чем кончился его поединок с быком, победой или ничьей, Конан не знал. Оба зверя подбежали по песку к своим хозяевам-людям, и кровожадный рык хищников, равно как и сверкание обагренных клыков, немало помог заставить быков держаться на некотором расстоянии. Теперь, когда по эту сторону ямы оставалась всего горстка артистов, Матильда сочла возможным спрыгнуть наземь и заняться зверями.

— Бедняжки! Мы не можем бросить их здесь! — решительно заявила гимнастка.

Звери ластились к ней, и она гладила то громоздкий круп Буруду, то пропыленную вороную шубу тигрицы. Быков осталось еще не менее полудюжины, и в их намерениях сомневаться не приходилось.

— Квамба сумеет сама о себе позаботиться, она пловчиха, что надо, но Буруду без нашей помощи не обойтись! Конан, тебе придется посторожить мост, пока мы его не переведем...

— Что?.. — возмутился киммериец. — Я должен оборонять спину медведя, который в три раза больше и сильнее меня?.. — Конан, успевший вооружиться одним из легких топориков Дата, оглянулся на мост, по которому переползали покалеченные в схватке артисты. — Да пусть они оба отбиваются сами! У них, кстати, это получается куда лучше, чем у нас!

— Ни в коем случае! — Сатильда была непреклонна. — Это не просто звери, это наши партнеры! Мы рассчитываем на них, доверяем им, а они — нам! Квамба! Наверх!..

Повинуясь щелчуку ее пальцев, ночная тигрица ловко взлетела по одной из опор треножника — только щепки полетели из-под острых, как бритвы, когтей. Взобравшись наверх, Квамба без колебаний вступила на жердь и буквально потекла по ней на ту сторону, быстро перебирая мягкими лапами.

Казалось, хилая доска ни в коем случае не выдержит тяжести громадного зверя и непременно проломится посередине. Но таково было непревзойденное чувство равновесия хищницы, так точен ритм ее движения, что ее вес, как будто не имел особого значения и никоим образом не грозил прочности жерди. Тигрица перепорхнула на ту сторону, как ночное облако, несомое ветерком. И великолепным прыжком слетела вниз на песок.

— Вот видишь? — восторгаясь любимицей, повернулась к Конану Сатильда. — Дат! Рогант!.. Давайте вперед, да не мешкайте! Буруду слишком тяжел, мы не можем пустить его на мостик, пока не переберутся все остальные. Дат, помоги Роганту перейти...

— Сам справлюсь, — ответил Рогант и ступил на доски, держась довольно уверенно.— Этому быку, что бросил меня, оказалось не под силу повредить. Даже хромота вроде прошла...

Он низко пригнулся, на всякий случай, почти касаясь ладонями планок, и двинулся вперед. Дат последовал за ним, не оглядываясь.

— Во имя заплатанных порток Крома! Девочка!.. Долго мы еще собираемся здесь торчать? — осведомился киммериец.

Размахивая топориком, он пытался защитить себя, свою подругу и ее мохнатого любимца сразу от трех быков, порывавшихся скинуть их вниз или на худой конец забодать. Одному Конан даже изловчился обрубить кончик рога, но для того, чтобы проламывать толстые черепа диких быков, легкий метательный топорик все-таки отнюдь не годился.

— Ребята почти перешли! — взволнованно откликнулась Сатильда. — Бей, Буруду!

Медведь, побуждаемый командой и красноречивыми жестами девушки, ринулся в драку, ударом тяжелой лапы отбив в сторону одну из трех рогатых голов. Оскорбленный бык зафырчал и ударили рогами, но добраться до мохнатого бока Буруду ему не удалось. Тут подоспели еще два молодых быка, но Конан вовремя отскочил в сторону, и вышло так, что они сшиблись с оставшейся парой.

— Вот так-то, — проворчал киммериец, хватая девушку за плечо широкой окровавленной ладонью. — Давай быстро на мост!

— Буруду! Ко мне! — крикнула она звонко.

Конан подталкивал Сатильду вперед, но она не спешила бежать, призывая медведя.

— Ко мне, Буруду! Ко мне!

Ее косматый приятель, наконец, внял знакомому голосу, без особого сожаления оторвался от драки и последовал за хозяйкой.

Конану не пришлось долго раздумывать над тем, где ему больше хотелось бы быть, — то ли впереди медведя, вместе с Сатильдой, то ли позади. Выбора ему не оставили, и он поспешил вперед, держась вплотную возле бурого всклокоченного крупа зверюги, чувствуя, как царапают по спине рога преследователей-быков.

... Как только утлы́й мостик принял на себя общий вес большого животного и двух людей, он не выдержал и развалился. И все-таки беглецам повезло. Во-первых, разрыв произошел не спереди, а позади, там, где канаты проходили в специальные кольца. Во-вторых, обе веревки подались одновременно, так что беглецов, по крайней мере, не бросило кувырком прямо в болото. Внезапно оказавшись в воде, люди и медведь все-таки выкарабкались обратно на настил, и пошли, погруженные по бедра, вброд на ту сторону. Им под ноги попадались песчаные косы и

живые спины медлительных рептилий...

Сатильда, с плеском продвигавшаяся вперед, оказалась в чуть более выгодном положении: вес Буруду, топавшего следом, до некоторой степени натягивал под нею остатки настила. Медведь крушил своей тяжестью хрупкие планки и ударами мощных лап отгонял прочь крокодилов, — иные отлетали и уже больше не двигались. Конану оставалось только поспевать со всей скоростью, какую он мог развить по затопленным обломкам моста. Вокруг клацали жадные челюсти; Конан только и делал, что отмахивался топориком от юркого крокодильего молодняка, стремившегося ухватить его за ноги...

Вот таким образом, уже не заботясь о равновесии, но зато подгоняемая страхом за свою жизнь, троица довольно быстро пересекла середину опасного болота. Остальные, также оказавшиеся в воде, в том числе Дат и Рогант, уже выбирались на противоположную сторону.

Вблизи моста находилось только одно дерево, облюбованное питонами. Конан не стал дожидаться, пока змеи на них нападут. Взвившись в высоком прыжке, он взмахнул топором и раскроил голову самому крупному и опасному гаду, который как раз нацелился упасть с ветвей и обвить кого-нибудь из людей своими смертоносными кольцами.

Крокодилы следовали за беглецами, как свита, и все время порывались напасть, но каким-то образом Конан еще удерживался на ногах и даже не был ранен. И вот, наконец, Буруду вылез наверх, окончательно сокрушив крепления и планки моста. Конан выбрался следом, подтягиваясь и перехватывая руками измочаленную веревку. И присоединился к своим товарищам, стоявшим возле бортика ямы.

Спасшиеся циркачи сгрудились тесной кучкой, обнимая последних преодолевших опасную переправу, но большого веселья на лицах не было. В окончательное избавление никому особо не верилось. Мало ли что могло еще прийти на ум устроителям этой жестокой игры!

Перед ними расстипалось белое пространство песка, столь же широкое и открытое, как и то, с которого они только что унесли ноги. И нигде не было видно гостеприимно распахнутых ворот или иного очевидного выхода. Единственное, что отличало эту половину арены от первой, — это видневшиеся неподалеку невысокие деревянные козлы со всевозможным оружием и доспехом: составленными вместе копьями, алебардами, ржавыми мечами и помятymi бронзовыми щитами.

А зрители, которые только что захлебывались ревом, глядя, как Конан прорубался сквозь крокодилье болото, снова притихли, чего-то ожидая. Дурной знак.

Потом заголосили трубы, так что из конца в конец Империум-Цирка разнеслось заунывное эхо. В дальнем углу арены начали раскрываться деревянные двери. Вскоре оттуда на залитую светом арену потоком хлынули воины — кочевники из восточных пустынь. Размахивая над головой кривыми саблями и выкрикивая дикарский боевой клич, воины устремились в атаку...

Глава шестая

СТАЛЬ И ПЕСОК

При виде новой погибели у несчастных артистов в полном смысле слова отвалились челюсти, какое-то время они только и могли стоять и молча таращить глаза. Конан первым пришел в себя от потрясения и решительно протолкался вперед:

— Хватит ушами хлопать, вооружайтесь скорее! Щадить нас никто не собирается, так что если мы выживем, то только отбившись! Ну-ка, живо хватайте по копью и становитесь фалангой!

И с этими словами он подскочил к предоставленному им «арсеналу». Схватив меч, выглядевший самым надежным, он продел его под толстый ремень, какими опоясываются цирковые силачи, и оставил неуклюже болтаться вдоль бедра. После чего сгреб в охапку остальное оружие и принял раздавать беспомощно сгрудившимся циркачам:

— Держи дротик, Яна, он легкий и будет тебе как раз по руке. А вот это тебе, Фатуфар... надеюсь, ты не растерял по дороге свои метательные ножи? Рогант! Как ты, справишься с вот этой штуковиной?

Отставной силач подхватил длинный меч и попытался взмахнуть им над головой, пустив в ход больную руку, после чего радостно сообщил:

— А вот и справлюсь! Благодарение Митре:увечье, которое ты мне столь неосторожно нанес, чудесным образом исцелилось...

Клинки лязгали в неумелых руках, металл царапал по металлу. Конан вернулся к опустевшим козлам. На запястье у него по-прежнему болтался привязанный топорик. Ворота, из которых высипали вояющие бедуины, находились достаточно далеко, но дикое воинство приближалось быстро. Их было человек сорок, если не больше. Они рассыпались широким полукругом и бежали во всю прыть. Дождавшись, пока они приблизятся на расстояние броска дротика, Конан схватил из неплотно собранной связки легкое метательное копьецо, многоопытным движением пристроил его в ладони — и метнул.

Звук, с которым стальной наконечник втыкается в человеческую грудь, приятным не назовешь. Но еще омерзительнее прозвучал вопль толпы. Зрители, напряженно внимавшие событиям на арене, были вознаграждены зрелищем первой человеческой крови, пролитой в этот день.

Империум-Цирк грохотал и ревел, атака же шла своим чередом, и цирковая труппа неуклюже строилась, готовясь встретить врага. Конан снова и снова протягивал руку к куче оружия; нацеливался и метал, пока последний дротик не застрял в чьих-то кишках. У остальных получалось существенно хуже; один Дат сумел бросить топорик и за десять шагов (полная длина ремешка, привязанного к рукояти) раскроить бородатую физиономию мчавшегося на него бедуина.

Ножи Фатуфара кого-то поранили, но остановить не смогли: нападавшие были одеты в плотные стеганые куртки. По всей видимости, это были полудикие разбойники, взятые в плен где-то на стигийской границе; сегодня им предложили с боем вырваться на свободу, и они не собирались упускать шанса. Конан в свое время немало странствовал по пустыням, и крови таких вот стервятников у него на руках было без счета, Он хорошо знал цену этим подобиям людей и готов был безо всякого душевного смущения убивать их снова и снова.

Два маленьких войска, наконец, сшиблись грудь в грудь. Раздались пронзительные вопли, длинные изогнутые ятаганы загремели о, не Бог весть как сработанные, цирковые мечи. Жалкий

строй артистов каким-то образом выдержал первый наскок, — чуть подавшись назад по краям, он устоял посередине. В основном благодаря тому, что там действовал Конан.

Киммериец размахивал и рубил иззубренным мечом, держа его в одной руке. В другой у него был легкий топорик, позаимствованный у Дата. Конан защищался им от длинных лезвий кочевников, парируя удары.

Он дрался и убивал, что называется, от души. Его меч перерубал жилистые шеи, отсекал запястья, раскалывал черепа. Тупой клинок не всегда мог справиться с жесткими слоями толстенной свалившейся ткани, но не беда! Конан действовал им как дубиной, весьма успешно круша кости наседавших врагов. При этом он то и дело высакивал из строя вперед, позволяя кочевникам взять себя в кольцо. Но когда они накидывались на него с разных сторон, занося кривые мечи, их ятаганы лязгали друг в дружку: киммерийца уже не было там, где они его только что видели. Вновь и вновь он выскальзывал из окружения, но лишь для того, чтобы тут же вернуться, щедро раздавая раны и смерть...

Циркачи с отменным мужеством прикрывали его тыл. Когда дошло до ближнего боя, они схватили длинные копья и принялись усердно колоть, прикрываясь щитами. У кого не было сил и умения для удара, по крайней мере, крепко держали перед собой копья и грозили ими, стараясь не подпустить нападавших вплотную. Среди бойцов выделялись Бардольф с Рогантом: и коротышка, и гигант доблестно бились, удерживая каждый свой фланг. Бардольф рубил и колол, проворно действуя алебардой. Длинная рукоять оружия позволяла возместить его малый рост и короткие руки. Рогант же наносил своим огромным мечом ужасающие удары и не жалел чудесно вернувшейся силы, увеча и расшивырявая врагов. Дат тоже не терял времени даром и по количеству убитых, пожалуй, превзошел Роганта с Бардольфом, вместе взятых. Деревенский сорвиголова подобрал искореженный щит и вовсю пользовался хитроумным приемом. Когда на него замахивались мечом, он прикрывался щитом и нырял под вооруженную руку врага. После чего наносил топором удар снизу вверх — стремительный и, как правило, смертоносный.

Тыл импровизированной фаланги доблестно стерегли цирковые звери. Всякий, кто пытался зайти сзади и ударить в спину, натыкался на Буруду и Квамбу. Тигрица и медведь хорошо понимали, что от них требовалось. Кое-кто попытался проскочить мимо четвероногих воителей, но ничего не вышло: одного кочевника тяжко искалечил медведь, другому Квамба выпустила кишки. Остальные всерьез задумались, стоило ли пробовать.

А потом бой вдруг прекратился. Прекратился столь же внезапно, как и начался. На песке остались валяться тела в шерстяных стеганых одеяниях: их число изрядно умножила последняя вылазка Конана. Уцелевшие вдруг обнаружили, что от первоначального внушительного отряда осталась всего горстка бойцов. И тогда они повернулись — и побежали. Кто-то шатался, мучимый ранами, другие просто побросали оружие.

Конан ринулся было в погоню, испуская кровожадное рычание и занося меч... но вовремя одумался и возвратился к товарищам.

Он подошел к ним, перешагивая через мертвые тела, еще не остывший от боя, еще полный хмельного азарта сражения. И бросил на песок окровавленный меч, — оружие мешало обниматься с друзьями. Невозможно передать его радостное изумление, когда выяснилось, что никто из артистов не только не пострадал, но даже не был серьезно ранен: царапина-другая — и все. Гибель пока что коснулась только мулов. Даже Квамба с Буруду не были ни ранены, ни помяты.

— Вот это да! — восторгался Рогант. — Я не только не пострадал, но вроде даже поправился! — И он торжествующе взмахнул длинным мечом. — Вечная слава Митре за то, что послал на меня сперва стадо диких быков, а потом шайку разбойников! Вот это, я понимаю, лекарство! Как раз то, чего мне не хватало для выздоровления...

Мало-помалу в крови унималось возбуждение боя, и слуха вновь начал достигать шум трибун. Зрители плясали, размахивали руками, толпились возле ограждающего барьера. Разгромленные кочевники сбирались под стеной: там, пропуская их наружу, открылась та же дверь, из которой они появились. Никаких новых напастей вроде больше не было видно... но циркачи уже успели понять, что Империум-Цирку доверять ни в коем случае не стоило. Вооружившись как можно лучше, они сбились в тесную группу и осторожно направились к выходу. Звери следовали за ними.

По мере того, как они приближались к стене, среди общего гама толпы начали прорезываться осмысленные голоса, а в сплошном человеческом море замаячили отдельные лица. Багроворожие мужчины вздымали над головой кулаки, бешено приветствуя победителей. Те, кто принимал ставки, о чем-то спорили с теми, кто эти ставки сделал. Истеричные женщины перегибались через ограждение и распахивали на себе одежду, обнажая груди и зазывно облизывая ярко накрашенные губы.

Артисты не были новичками в своем деле и с подобными проявлениями зрительского восторга сталкивались не впервые. Но не в таких количествах!.. Одно дело — сотня человек или около того. И совсем другое — многотысячная толпа! Поневоле сделается страшновато!..

Чуть выше передних рядов сошедших с ума трибун сквозь самую гущу неразберихи пробиралось нечто вроде процессии. Какие-то люди (видно, не самого простого звания), облаченные кто в чисто-белые, кто в сплошь черные одеяния, покинули центральную трибуну, привилегированные сиденья которой были вытесаны из камня, и теперь двигались по проходу в дальний конец. Когда артисты добрались до невысоких деревянных ворот, те оказались наглухо закрыты. Циркачи не отважились подойти вплотную, — мало ли что выкинет взбесившаяся толпа! — но в это время важное шествие показалось на стене как раз против них. Над самой аркой ворот появился некто в одежде герольда и возвестил по-стигийски, ясно и четко:

— Приветствуйте вельмож и жрецов славного города Луксур! Приветствуйте Коммодоруса, нашего Тирана и Государя! И Некродиаса, Первосвященника Храма Сета! Великолепно поставленный голос разнесся чуть не по всему Империум-Цирку, и на некоторое время крики зазвучали громче. Аристократическая процессия между тем двигалась вперед и, наконец, остановилась на просторной огороженной террасе как раз над воротами. И ворота, столь же массивные и неприступные, как и те, сквозь которые труппа вошла на арену, заскрипели, медленно раскрываясь вовнутрь.

— Вы, ставшие победителями, в сей достопамятный день!..

Голос принадлежал светлокожему, крепкому на вид мужчине в белой одежде. Его светлые кудри украшал пышный венок. Подойдя к резной балюстраде, он не говорил, а прямо-таки декламировал, воздев одну руку великолепным жестом опытного оратора. Как только он заговорил, толпа начала мало-помалу притихать.

— О, счастливые победители! Не каждый день происходят здесь, в Империум-Цирке, столь захватывающие представления. Не всем удается одержать столь полную победу, да еще такой ничтожно малой ценой. И потому все мы, знать, чиновники и духовенство Луксур, ныне приветствуем вас как героев. Я, Коммодорус, рад лично воздать вам почести! И нисколько не сомневаюсь, что отцы городского храма сделают то же...

Это последнее замечание вызвало короткий кивок худого, чем-то похожего на лисицу, одетого в черное человека, стоявшего подле Коммодоруса. Этот человек растягивал губы в официальной улыбке, поскольку находился на публике, но чувствовалось, что в обычное время физиономия у него была кислая донельзя.

— Итак, — продолжал Коммодорус, — мы рады приветствовать вас в Луксуре. Милости просим приобщиться красот и чудес нашего прекрасного города. Добро пожаловать, победители!

Многая вам лета, и да будет ваша слава непреходяща! Вечером нас ждут новые поединки, а до тех пор — повелеваю устроить в вашу честь всенародный, триумф!

Он кончил под новые овации толпы, и тяжелые створки ворот распахнулись настежь. Но не затем, чтобы принять победителей. Наружу появилась праздничная кавалькада. Дети, целые повозки цветов, прекрасные юноши, восседавшие на белоснежных конях... молоденькие танцовщицы-рабыни, чья нагота была едва прикрыта гирляндами цветов и луками, надетыми через плечо...

Оставалось возблагодарить Богов, что на арену хотя бы на сей раз не выскочил никто свирепый и кровожадный. Победоносные циркачи невольно шагнули в сторону выхода, и внезапно вокруг них завихрился яркий радужный снегопад. Оказывается, люди начали полными горстями бросать на арену цветочные лепестки. Лепестки плавно кружились в воздухе, переливаясь на солнце. Но не только они. Чего не сыпалось к ногам «всенародных триумфаторов»! Цветочные венки, блестящие монеты, платки... и даже части одежды, что срывали с себя необузданые поклонницы.

Самые отчаянные зрители так и вовсе стали спускаться на арену. Мужчины и женщины перелезали через барьер, скользили вниз по заранее припасенным веревкам и стремились вслед за своими новыми кумирами. Видя это, кумиры постарались как можно скорее укрыться внутри процессии, высыпавшей из ворот им навстречу.

Проталкиваясь в людской толпе, Конан вдруг почувствовал тяжелый тупой удар, обрушившийся на плечо. Киммериец оглянулся, намереваясь определить виновника и самым доходчивым образом его проучить. Но окружающие были тут ни при чем: это свалился откуда-то сверху увесистый кошель золотых монет. Целое состояние, пусть и не очень большое!

Конан подобрал его и выпрямился, убирая кошелек с чужих глаз долой в поясную сумку. И тут все того же плеча, в котором от удара еще пульсировала кровь, коснулась мягонькая девичья ручка. Юная особа, облаченная в коротенькую прозрачную тунику, желала угостить Конана вином из бурдючка. При этом она не произнесла ни слова, просто поднесла костяное горлышко к его губам.

Киммериец схватил бурдючик и принялся жадно пить, с наслаждением ощущая, как вливается прохладная жидкость в его пересохшее горло. Напившись, он вернул девушке обмякший мех, а голова у него слегка закружилась, — вино было не слабенькое. Он увидел, что его товарищей угощали столь же радушно, протягивая им вино и еду прямо с повозок. Кого-то уже несли на руках. Чистые, ухоженные люди подставляли плечи грязным и измотанным победителям, заботливо спрашивая по-стигийски, где у кого болит и после какого именно подвига появился тот или иной синяк.

Вот таким образом героические циркачи миновали прохладный, надушенный благовониями тоннель. Сквозь дальнюю арку его был виден залитый солнцем сад.

Произошел только один инцидент. Тоннель внезапно огласился ревом и криками. Оказывается, служители Империум-Цирка вооружились длинными шестами с петлями на концах и начали подманивать Квамбу с Буруду кусками сырого мяса, чтобы заарканить их и увести боковым тоннелем неизвестно куда. Однако звери приманку не взяли, и уходить никуда не захотели: служители едва успели увернуться от яростных ударов когтистых лап. Потом подбежала Сатильда и заслонила собой раздраженно ворчавших животных.

— Ах вы, ворье, негодяи! — возмутилась гимнастка. — Что задумали, — украсть наших любимцев! — И, отступив назад, она встала между двумя ощетинившимися хищниками. — Вот только попробуйте хоть пальцем их тронуть, мы вам такое покажем!..

— Не изволь волноваться, о, прекрасная дева, — уже спешил к Сатильде слуга в фиолетовой тоге, чисто выбритый и начинающий лысеть, несмотря на явную молодость. — Только не

подумай, будто мы затеяли как-то обидеть этих прекрасных и благородных зверей...

— Да ни в коем случае, — вставил подошедший Конан.— Вы же нам никаких оснований для подозрительности не давали. Подумаешь, выпустили на нас свирепых быков и еще более свирепых бедуинов... Какие мелочи, правда?— И он, шагнув мимо Сатильды, нехорошо посмотрел на служителей: — Во имя Крома! С какой бы это стати мы вдруг начнем вам доверять?

— О, господин... о благороднейший из героев... Ты ведь Конан, не так ли? Я — Мемтеп, главный евнух, ответственный за прием гостей в Империум-Цирке. Я, конечно, понимаю, что в договоренность о сегодняшнем представлении могла вкрасться... э-э-э... маленькая ошибка. Уверяю вас, однако, это произошло без малейшего злого умысла, и мы неустанно благодарим справедливых Богов за то, что они невредимыми вывели вас из всех испытаний. Что же касается ваших зверей, мы всего лишь хотим обеспечить им удобный и безопасный ночлег. Мы также хотели бы наилучшим образом позаботиться о вас, дабы вы имели возможность убедиться в искренности наших намерений и тех извинений, что я приношу вам от имени...

— Вашим гостеприимством, — сказал Конан, — мы сыты по горло. Ночевать у вас в Луксуре? Спасибо большое. Может, еще и Заггар к нам пожалует? Эта вонючая тварь, продавшая нас за реку в качестве рабов-гладиаторов?..

— Если мы все-таки останемся, животные должны быть при нас, — твердым голосом подытожила Сатильда. — Они привыкли спать с нами бок о бок. А уж после сегодняшнего они, боюсь, и вовсе скверно восприняли бы разлуку!

Конан в немалом сомнении оглянулся на остальных. Ладдхью, стоявший поблизости, утвердительно кивнул головой. Щетина на загривках у обоих зверей несколько улеглась, а члены труппы вовсю жевали хлеб, фрукты и куриные ножки, явно не возражая оставаться. К Конану подошел виночерпий и коснулся его локтя. Киммериец взял у него флягу, сделал большой глоток... и пошел дальше по тоннелю.

Потом ему попалась на глаза целая тележка, нагруженная финиками и всячими разными деликатесами, и он ощущил пустоту в животе: в самом деле, он ничего не ел со вчерашнего дня. Особого душевного облегчения он все же не ощущал, ему здесь определенно не нравилось, и киммериец про себя решил как можно скорее уговорить друзей покинуть Империум-Цирк. Однако в данный момент, вероятно, все же имело смысл задержаться здесь на некоторое время и восстановить силы.

Между тем на тележке с едой отыскалось тушеное мясо, сочное, пряное и аппетитное. Конан взял изрядный ломоть, потом остановил еще одну девушки-виночерпия, взял у нее мех и почти досуха его опорожнил. Сад, как выяснилось, служил преддверием обширного мраморного павильона, где помещались роскошные общественные бани. В огромном бассейне никого еще не было, над чистой водой клубился пар. Слуги, все в белом, принялись стаскивать с героев испачканные одежды, смывать с их тел запекшуюся кровь и песок и одного за другим погружать в ласковые глубины бассейна. Ну как было отказаться от такой благодати, особенно после тяжких испытаний, постигших артистов? Уж во всяком случае лучше, чем кое-как отмываться в каком-нибудь холодном щемском ручье. Или в грязном пруду около фермы. В общем, они положили оружие, скинули окровавленные одежды — и отдались в заботливые руки прислужников...

Конан, по всей видимости, уснул, лежа в теплой воде (мешочек с золотом при этом на всякий случай висел у него на шее). Сознание то упывало куда-то, то вновь возвращалось, когда рядом раздавался плеск и веселый девичий визг: это Рогант гонялся по бассейну за молоденькими рыбнями. Потом чуть поодаль разгорелся нешуточный спор. Голоса были знакомые, и Конан окончательно пробудился.

Расплескивая благовонную воду, он выбрался по гладким ступенькам, увернулся от рабов с полотенцами и прошагал по мраморным плитам туда, где стояли резные каменные скамьи. Там сидел Ладдхью, облаченный в коринфийскую тогу, и с кем-то сердито пререкался по поводу цены мулов и безвозвратно погубленных цирковых фургонов. Напротив него сидел мужчина помельче, разодетый в яркую шелковую рубашку, вышитую курточку без рукавов, облегающие рейтязы и феску с кисточкой. Заггар! Аргосский обманщик!

— А вот теперь, — сипло зарычал Конан,— ты, продажная крыса, ответишь на кое-какие наши вопросы...

Он уже наклонился вперед — схватить маленького аргосца, но тот привел его в замешательство неожиданным движением. Заггар вдруг обернулся к нему, изумленно тараща глаза, а потом внезапно обхватил великана за шею... и смачно расцеловал в обе щеки.

— Конан!.. Звезда из звезд!.. — радостно закурлыкал он так, чтобы слышали все. — Могучий предводитель героев, лучший воин из всех, когда-либо осчастлививших своим присутствием Империум-Цирк! Какое счастье, что именно мне довелось «открыть» вас и доставить сюда из Богами забытой шемской деревушки... как там она называлась, — Сендай, кажется? Но зато теперь!.. Ах, какие почести и богатства ждут нас впереди!.. О, нам, в самом деле, есть о чем поговорить, мой доблестный друг! Какие блистательные возможности раскрываются перед нами!..

— О чем это ты болтаешь?.. — Неожиданный восторг аргосца несколько сбил Конана с толку и заставил вспомнить о своей наготе, но не настолько, чтобы оставить мысль о справедливом отмщении, Он отпихнул от себя назойливого Заггара, потом сгреб его одной рукой за грудки, смяв красивую шелковую рубашку. — Дерьмовый лжец, ты выпихнул нас на арену, ни о чем, не предупредив, и покинул на верную смерть!..

— Погоди, погоди, мальчик мой!.. Вспомни: с вами ведь ничего страшного не случилось, зато какой успех вы имели!.. — Заггар извивался, тщетно силясь вырваться из железной хватки киммерийца, но только трещала рубашка. — Неужели ты думаешь, будто я, в самом деле, ни о чем не побеспокоился? Я просто не знал, я ничего не знал, точно так же, как и вы... Уверяю тебя, случилась ошибка! А может, каприз этого олуха Коммодоруса...

Лицо аргосца начало наливаться кровью, в охрипшем голосе появилось отчаяние: Конан постепенно скручивал его воротник, все сильнее сдавливая горло.

— Но в любом случае вы же справились со всем, что пришлось на вашу долю! Я с самого начала понял, что вы одолеете... Еще когда увидел, как вы раскидали тех деревенских балбесов... А ты и вовсе великий воин, лучший из всех, которых видел Империум-Цирк!.. Я же — всего лишь маленький человек, знающий, как добиться выгоды... для всех... чтобы всем было хорошо...

— Ты бы послушал, Конан, что он говорит, — спокойно и серьезно посоветовал Ладдхью, наклоняясь вперед и касаясь ладонью напряженной руки киммерийца. — Заггар хорошо знает город, да и связей у него достаточно, чтобы обеспечить нам здесь завидное будущее.

— Что?.. — спросил Конан, оглядываясь на Ладдхью и не особенно веря своим ушам. — Быть разорванными дикими животными — это, по-твоему, будущее? Или еще какие-нибудь кочевники сделают из тебя ветчину на потеху толпе? Будущее!.. Погоди, вспомнится тебе коринфийское золото, обещанное этим мошенником, когда будешь корчиться у крокодила в зубах...

— Нет, киммериец, послушай меня, на самом деле все не так!.. — Заггар, чью глотку Конан несколько отпустил, вновь зашевелился и обрел способность говорить внятно. — Такому чудному цирку, как ваш с Ладдхью, больше не придется иметь дела с... э-э-э... помехами на арене. То, что случилось, было плачевной ошибкой! Жестокой несправедливостью, которая, клянусь, более не повторится! И потом, в Империум-Цирке масса других возможностей... Я

выговорю вам такие условия, что ваши кошельки разбухнут, как на дрожжах, а луксурцы станут вас на руках носить...

— Отпусти его, Конан, — сказал цирковой мастер, и терпеливое увещевание все-таки заставило Конана разжать кулак и убрать руку с ворота Заггара. — Надо же хоть выслушать, что он скажет, — продолжал Ладдхью. — Мы уже видели худшую сторону этого города, так почему бы не посмотреть, что в нем есть хорошего. Только учти, — строго повернулся он к добывателю талантов, — чтобы больше мне никаких грязных штучек и тому подобных ошибок!

— О, ни в коем случае... Да разве ж я посмею! — Заггар, заискивающе улыбаясь, отвесил Конану низкий поклон. — Существует масса предварительных и вставных номеров, выступлений при богатых дворах... да мало ли еще чего! — принял он перечислять. — После ваших сегодняшних подвигов... а они, право же, едва ли не затмевают все, происходившее ранее на этой арене! Так вот, после ваших сегодняшних подвигов каждый любитель циркового искусства рад будет встретиться с вами и предложить какое-то дело. Я, со своей стороны, могу устроить так, что ваши акробаты и шуты будут как сыр в масле кататься...

Тем временем вокруг собралась небольшая толпа кутавшихся в полотенца циркачей, и Заггар теперь обращался сразу ко всем, причем речь его вызывала заинтересованное перешептывание и одобрительные взгляды.

— Что же касается лично тебя, Конан, то для бойца, обладающего такими достоинствами, возможности открываются поистине беспредельные! Чего доброго, жители города увенчают тебя короной белого золота и сделают своим полубогом... Конечно, — продолжал он, поглядывая на зрителей, — здесь есть и другие, наделенные немалыми воинскими талантами, и эти таланты будут по достоинству вознаграждены... — Он не назвал конкретных имен, к видимому разочарованию Роганта. — Скоро вы убедитесь, что не каждый бой на арене длится до смерти, да и не во всякой схватке, скажем так, полностью непредсказуем исход... — Тут аргосец хитро улыбнулся. — Мы всячески стараемся так обустроить выступления наших атлетов, чтобы и им было хорошо, и многоуважаемые посетители нашего Цирка были полностью удовлетворены... А посему блистательные возможности, которые я имею счастье вам предлагать, вовсе не подразумевают ненужного риска!

— Если Конан станет драться на тебя, — неожиданно сказал Ладдхью, — большая часть того, что он заработает, должна будет оставаться у него. — И он отеческим жестом приобнял киммерийца за широченные плечи. — Незачем больше отдавать Роганту третью его выручки.

— Естественно, незачем! — раздался негодящий голос Роганта, продолжавшего нежиться в бассейне. — Я в этом больше не нуждаюсь и не хочу получать деньги подобным путем. Тем более, что и дерусь-то я лучше него. Это я научил его всему, что он умеет!

И человек-гора напряг могучие мускулы, чтобы все могли убедиться в его отменном здоровье.

— Значит, договорились, — сказал Заггар. — Конан будет получать все, кроме той трети, что идет управителям Цирка. — Ладдхью осторожно кивнул, а Заггар подумал и добавил:

— Но, конечно, он станет сражаться только в тех случаях, когда риск, по его мнению, будет не слишком велик...

— Подраться я вовсе не возражаю! — заявил Конан. — Но только с одним условием: моим друзьям никакая опасность грозить не должна!

Он оглянулся на артистов и ощущил, как на его руку легла легкая ладошка Матильды.

— Ничего не бойся, о, воин! — снова заулыбался искатель талантов. — Я думаю, мы непременно достигнем взаимовыгодной договоренности! И он продолжил свои переговоры с Ладдхью.

Обсуждение вышло бурным и напряженным. Минуло немало времени, прежде чем сделка

все-таки состоялась. Конан же тем временем растянулся на теплой мраморной скамье. Там им занялась опытная массажистка, и вскоре он снова сладко заснул.

Глава седьмая

ГЕРОИ

Ночь цирковые артисты провели в роскошнейших апартаментах, примыкавших непосредственно к баням; судя по всему, то и другое некогда составляло часть храмовых резиденций.

Было вдосталь вина и музыкальных инструментов, звучавших допоздна. Конан и Сатильда в конце концов отрешились от мирских забот на открытой террасе с видом на город. Они устроились на обтянутом шелком диване, и тигрица Квамба, посапывая, разлеглась у них в ногах. Когда Скорфос, Бог Солнца, выглянул из-за восточного горизонта, Сатильда лишь застонала и глубже зарылась в подушки. В отличие от нее, Конан вскоре был уже на ногах. Натянув на себя просторную, расшитую золотой ниткой тунику (подарок гостеприимных хозяев), киммериец отправился посмотреть окрестности Империум-Цирка, а заодно раздобыть что-нибудь на завтрак.

Его внимание привлекло рычание и рев животных, и спустя некоторое время он оказался на задах гигантского цирка. Там, отгороженное рослыми кипарисами, помещалось великое множество загонов и ям. Цирковой зверинец поражал своими масштабами, и кого только тут не было! Львы в клетках с латунными прутьями, слоны из джунглей, прикованные за ногу здоровенными цепями, крокодилы, кишащие в исполинских емкостях с водой, врытых в каменистую землю. Стойла, загоны для быков, всяческие мастерские... равно как и помещения для коз, кур и овец, предназначенных в качестве корма для хищников, — все это занимало немалый участок, простираясь вниз по отлогому склону холма. Зверье как раз пора было кормить. Занимались этим целые множество рабов. Невольники деловито сновали туда и сюда, и редко кто поворачивал голову, чтобы посмотреть на любопытствующего киммерийца.

— Тяжелое это дело — управляться с животными! А сколько пищи им надо! Мулы, погибшие вчера, съедены уже дочиста... — Конан обернулся на жизнерадостный голос и увидел Мемтепа, подходившего к нему по усыпанному сеном проходу. — В Империум-Цирке содержится множество разнообразнейших животных, привезенных с разных концов империи, — продолжал евнух. — В основном, конечно, всякие диковинки, ну, и кровожадные хищники — надо же считаться с запросами публики! Какой шум стоит здесь каждое утро!.. — Мемтеп остановился, прислушиваясь к жуткому хору: со всех сторон доносились завывания, рев, пронзительный визг. — А ты что скажешь, Конан? Утолил ли ты ежеутреннюю потребность в мясе и хлебе насущном?..

— Я-то выспался и поел, — сказал Конан. — Но если ты припоминаешь, у нас с собой два здоровенных хищника, и они тоже, я думаю, не отказались бы чего-нибудь пожевать. Или, может, ты намереваешься им скормить кого-нибудь из служителей?..

— Ах, да! Как же, как же, медведь и тигрица. Не изволь волноваться: о них позаботятся. А пока разреши мне показать тебе, где тут что... — И Мемтеп махнул рукой в сторону громоздящейся стены Цирка, окруженного бесчисленными пристройками. — Не правда ли, он по-своему великолепен? Он считается одним из чудес нынешней Стигии...

— Его не было тут несколько лет назад, когда я проезжал мимо, — сказал Конан.

— Конечно, не было, — согласился евнух, проводя гостя между грудами гниющих овощей и забором, за которым бродили косматые, клыкастые и потрясающие вонючие вепри. — Строительство началось, когда на трон взошел нынешний Тиран, блестательный Коммодорус, а храмовый Первосвященник Некродиас дал свое благословение. Завершилось же оно всего

четыре года назад. Видишь ли, до тех пор храмовые владения, по существу, пустовали. Здесь, где мы с тобой стоим, располагался змеиный сад, примыкавший к местам священного поклонения вон они там... — И Мемтеп указал рукой на приземистые здания под зелеными крышами, видневшиеся позади цирковых сооружений.— Строительство Цирка, а после и управление им было отдано на откуп коринфийскому торговому землячеству, благо в него входят многие богатейшие и наиболее образованные жители Луксуря.

К слову сказать, именно они выстроили замечательные акведуки, благодаря которым наш город, вполне возможно, вырастет вдвое. Их талант и прозорливость, помноженные на богатства и трудолюбие Стигии, уже создали поистине удивительные...

— Ну и кто платит за все это? — перебил Конан. — И ради чего?

— Владельцев много, но ты знай, что Цирк себя окупает, причем многими способами. Во-первых, плата за входные билеты. Далее, почти каждому хочется сделать ставку. Зрелище привлекает иностранных посланников и купцов, что, в свою очередь, идет городу только на пользу. Со своей стороны, мы всячески стараемся, чтобы наши союзники из Коринфии и Зингары чувствовали себя как дома. — Мемтеп провел Конана прочь от звериных вольеров в тень грандиозной стены. — Главное же состоит в том, что великолепные всенародные зрелища немало способствуют престижу государства и церкви и внушают уважение горожанам. С арены цирка им внушаются непреходящие нравственные ценности: трудись в поте лица, играй честно — и будешь вознагражден... — Подойдя к высокой деревянной двери, Мемтеп распахнул ее, и они с Конаном оказались внутри загородки. — Как ты, вероятно, уже выяснил из будничной жизни вашей собственной труппы, залог любого успеха есть повседневный труд и непрестанные упражнения...

Участок хорошо утоптанной земли, на котором они оказались, был занавешен сверху грубым рядном. Тканый полог пропускал достаточно света, но в то же время надежно защищал от палящих лучей, а заодно и от постороннего любопытства, — в особенности сверху, с внешней кромки Цирка, возвышавшейся непосредственно рядом. Загородка оказалась помещением для упражнений. Здесь были тюки сена и гимнастические «коны», множество потешного тупого оружия и мишеней, укрепленных на столбах и подвешенных к перекрытиям. Час был еще ранний, и в зале присутствовало всего два или три атлета. Они занимались сосредоточенно и молча. Чувствовалось, что это помещение было главной тренировочной площадкой при арене.

— Здесь, — пояснил Мемтеп, — готовятся те, кому предстоят смертельные схватки. Противников у них хоть отбавляй: это приговоренные преступники, рабы и военнопленные — вроде диких риффов, с которыми вы сражались вчера. Однако они содержатся в другом месте, в особой тюрьме. А те, на кого, можно сказать, молится весь Луксур, наши любимцы гладиаторы, вершители судеб Империум-Цирка, — о, они вкушают почет и довольство, доступные мало кому из горожан! Мы также стараемся побуждать их всемерно оттачивать свое мастерство... — И он подошел к обрезку бревна примерно в руку длиной, подвешенному на цепи. На одном конце бревна висел иззубренный щит, а на другом подобно мечу торчал тупой металлический прут. — У некоторых, — продолжал Мемтеп, — есть собственные наставники, бывшие наемники и офицеры из войска. Они обучают их боевому искусству...

Конан достал из-под скамейки у ворот потешный меч с деревянной рукоятью, подошел к висящей мишени и без долгих разговоров нанес удар, от которого медный щит согнулся, чуть ли не вдвое.

«Ответ» последовал незамедлительно. Бревно на цепи подскочило и бешено завертелось. Конану пришлось стремительно пригнуться, не то, пожалуй, торчавший прут мог наградить смертельным тычком.

— Что же это за удар, после которого сам остаешься открытым! — заметил низкий голос.

— Дай покажу, как надо...

Конан с оглядкой отошел от еще вертевшегося бревна и оглянулся. Мемтеп отбежал далеко прочь, еще, когда он замахивался, но на смену ему, поднимая тупое оружие, уже подходил другой человек — широкоплечий чернокожий мужчина в кожаной юбочке-килте, судя по всему, уроженец страны Куш. Конан с интересом следил, как этот парень обходит мишень и становится в стойку.

— Приветствую тебя, Мадазай! — воскликнул Мемтеп. И пояснил: — Фанатики цирка называли его Мадазайей Стремительным, пока он не получил более почетного прозвища — Мастер Меча. Мадазайя, это Конан, уже прозванный Сокрушителем за свои вчерашние подвиги на арене...

Киммериец заметил, что евнух не пытался пожать руки ему или кушиту и вообще как-то к ним прикоснуться, почтительно держась в сторонке от обоих мужчин.

Новый знакомый показался Конану не слишком свирепым. Занимая место перед мишенью, Мадазайя двигался медленно и уверенно, и какую-то особую стремительность в нем трудно было заподозрить. То есть бойцом он, ясное дело, был опытнейшим. И шрамы, украшавшие черное тело, были получены уж точно не на арене.

Конан присмотрелся к светлым полоскам на его щеках и узнал в них ритуальные шрамы, бытовавшие у племен южного Куша. Вот Мадазайя начал двигаться... он скользил туда и сюда, перетекая, как собственная тень, и по лицу его блуждала задумчивая, мечтательная улыбка.

— Смотри, — сказал он, поднимая стальную дубинку, зажатую в могучем кулаке. — Прежде, чем бить, всегда будь готов ударить еще и наотмашь...

Тупой металл зазвенел, когда оружие Мадазайи соприкоснулось с торчавшим прутом. Бревно крутанулось, и вновь послышался лязг: кушит точным движением отбил развернувшийся щит.

При этом его действия преследовали тайную цель: не только поразить мишень, но еще и направить ее вращение в опасную для Конана сторону. Киммериец был настороже, но отскакивать не стал, предпочтя нанести подряд два удара. Двигался он ничуть не медленнее Мадазайи.

— Эге, да ты, оказывается, вовсе не такой уж увалень! — Мадазайя шагнул вперед и обрушил на мишень целую серию беспощадным ударов, заставив бревно подскакивать и вертеться и при этом все время «гоня» его прямо на Конана. Тот только поспевал парировать сумасшедшие выпады, сыпавшиеся слева и справа и направленные то в голову, то в пах.

Киммериец не отступил ни на шаг. От одних ударов он уворачивался, другие отбивал, и время от времени посыпал бревно обратно с не меньшей силой и скоростью, чем это удавалось кушиту.

— Ты удивительно быстр, и это позволяет тебе не считаться со многими правилами, — прокомментировал Мадазайя. Говоря так, он перехватил оружие двумя руками и нанес по щиту страшный удар сверху вниз, направив железный шип по дуге Конану прямо в грудь.

— Я сам себе правила составляю! — отозвался киммериец.

Отведя в сторону лезвие, он крутанулся на одной ноге, а другой метко пнул бревно, подправив его вращение таким образом, что зазубренный щит понесся на Мадазайю. Чтобы увернуться, кушиту пришлось предпринять стремительный маневр, лишенный, однако, большого достоинства.

— Неплохо! — кивнув, похвалил чернокожий. — Напомни мне, если я позабуду: я бы не хотел оказаться против тебя на арене. Во всяком случае, не в конце длинного, утомительного дня... — Вытянув крепкую мускулистую руку, он перехватил и остановил бревно. — Хватит пока. Я не хочу, чтобы ты слишком запыхался...

Сам Мадазайя, если только Конана не обманывали глаза, дышал не намного быстрее, чем вначале, и на черной коже не было заметно никакого пота.

— Добро, — отозвался киммериец, отступая в сторону от мишени.

А потом, повинувшись неожиданному душевному побуждению, бросил тупой меч и протянул чернокожему руку. Тот посмотрел Конану в лицо — и ответил на рукопожатие. Так приветствовать друг друга, было заведено у легионеров: пальцы обхватывали не ладонь, а предплечье, запястье прижималось к запястью. Этот способ был в ходу у всех воинов и странствующих наемников восточных пустынь.

— Значит, мир! — Мадазайя кивнул Конану, повернулся и пошел прочь.

Другие атлеты, поневоле наблюдавшие за состязанием и разговором, не стали прерывать своих занятий и пускаться в беседы с тем или другим. Мадазайя подверг новенького испытанию: его право. А вообще-то всем им, быть может, однажды предстояло сойтись в смертельном бою и убивать друг друга. Поэтому каждый предпочитал держаться сам по себе.

— Если у тебя все пойдет хорошо, и ты станешь любимцем толпы, таким же, как Мадазайя, очень возможно, что вас с ним сведут в поединке, — заметил Мемтеп. — Наши зрители, понимаешь ли, необыкновенно любят сравнивать своих героев: чей лучше?

— Ну, и ставки делаются, должно быть, ого какие, — задумчиво кивнул киммериец. — Но даже и в этом случае, я полагаю, можно как-то договориться?..

Миновав учебную площадку, они вышли в обширную пристройку, оказавшуюся оружейной. Здесь витал запах ржавчины и несвежей крови. Снаряжение, частью устроенное на козлах, частью сваленное в большие лари, отличалось величайшим разнообразием. Кое-что было начищено и содержалось в порядке, другие предметы, исковерканные и замызганные, выглядели жалкими и смешными.

— Ну и шлемы тут у вас, — сказал Конан. — Какие неуклюжие! Забрали слишком широкое, и еще этот козырек! Зачем? И драться неудобно, и шея, пожалуй, устанет...

Мемтеп с улыбкой провел узкой смуглой рукой по краю одного из шлемов.

— Когда послеполуденное солнце заливает белый песок и отражается от мраморных стен, гладиаторы все готовы отдать за маленький клочок тени. Да ты сам скоро в том убедишься. Такой шлем хорошо защищает глаза и от солнца, и от песка, который порой бросают в глаза. Излишний вес и некоторое неудобство оправдывают себя на арене. Еще как оправдывают!

Конан невнятно проворчал что-то, выражая согласие. Потом, подойдя к полному ящику изломанного, ржавеющего оружия, осведомился:

— А это барахло, вероятно, предназначено для тех, кто любит публикой меньше?

— Совершенно верно, — ответил Мемтеп, подводя его к надежно запертой двери в дальней стене. Справившись с запорами, он распахнул дверь: открылся сырой, вонючий проход. — Там, — сказал евнух, — помещаются рабы и опасные звери, предназначенные для арены. Их выпускают в цирк через ворота, которые так и называются: Врата Приговоренных.

Пройдя по вымощенному камнем тоннелю, Конан достиг полуоткрытой двери, сквозь которую вливалось слепящее солнце. За ней виднелась арена и пустые трибуны. Конан увидел на арене десятки рабочих и с некоторым удивлением заметил, что они устанавливали тяжелые сваи и наводили перекрытия, сооружая ровный деревянный пол на том месте, где только накануне была яма в два человеческих роста, предназначенная для крокодилов.

— Арена обыкновенно вся ровная, — сообщил Конану подошедший Мемтеп. И продолжал, отвечая на его невысказанный вопрос: — Ее пол устроен очень сложным образом. Он состоит из множества деревянных частей, расположение которых можно изменять как угодно. Можно устроить беговые дорожки, лабиринты, западни — все, что требуется. Есть даже идея сделать отвод с главного акведука, чтобы можно было заполнять арену водой!

Конан промолчал, глядя на рабочих, сновавших в яме, как муравьи. Никаких рептилий там больше не было. Почти не было и воды, только в самых глубоких местах еще стояли лужи. Киммериец невольно размышлял о том, как, должно быть, все готовилось к приезду Ладдхью и его труппы. Какие уж тут случайности и ошибки!..

Тем не менее, он не стал терзать Мемтепа каверзными вопросами, поскольку дело, кажется, так или иначе завершилось полюбовно и ко всеобщему удовольствию.

— Империум-Цирк все время изменяется, непрестанно подвергаясь переделкам, направленным на расширение и улучшение, — продолжал Мемтеп, указывая на другие группы рабочих. Одни подновляли штукатурку на стенах, другие возводили над привилегированной трибуной, не пойми что — то ли балкон, то ли основу для матерчатого навеса. Сооружение должно было опираться на колонны; рабочие уже сколотили деревянные опалубки и теперь лохань за лоханью вываливали туда густой серый строительный раствор. — Наши люди трудятся под надзором лучших зодчих и мастеров, приехавших из далекой Коринфии, — с гордостью добавил Мемтеп. — Нет ничего такого, что они не могли бы совершить!

Говоря, таким образом, евнух повернулся и увлек Конана обратно в тоннель. Однако киммериец задержался, чтобы заглянуть еще в одну арку, из которой исходил явственный запах смерти. Внутри было холодно и темно. Несколько ступенек вели вниз, и там, на соломенных подстилках, брошенных на каменный пол, лежали человеческие тела. Конан узнал в них пустынных кочевников, убитых накануне. Скрюченные тела казались особенно жалкими и какими-то хрупкими под одеждами, которые вдруг стали почему-то велики для, словно ссохшейся плоти. Еще в мертвецкой стояло плетеное кресло, и там сидел раб-смотритель, закутанный от холода в светлый плащ. Он посмотрел на Конана безо всякого любопытства. Запаха он, похоже, не замечал.

В дальней стене подвального помещения вдруг начала открываться толстая дверь. Из-за нее показались двое в красных одеждах, похожие на жрецов. Бритые головы покрывали просторные капюшоны. Не удостоив Конана даже взглядом, они кивнули сидевшему рабу, и тот кивнул в ответ, делая какие-то пометки на покрытой воском дощечке. Двое подошли к одному из тел, взяли подстилку за концы и отработанным движением подняли мертвца. Молча, слаженно пронесли его в дверь, и дверь захлопнулась. Было слышно, как с той стороны лязгнул засов.

— Кто они такие? — спросил Конан, обернувшись к Мемтепу. — Что происходит с телами тех, кто погиб на арене?

Евнух, увлекая Конана дальше по коридору, ответил словно бы неохотно:

— Как я уже упоминал, Империум-Цирк выстроен на освященной земле и при деятельной поддержке Храма Сета... — Тут он оглянулся на своего собеседника, и киммериец увидел у него в глазах торжественное благочестие, смешанное с чем-то подозрительно напоминавшим суеверный страх. — Ты, наверное, знаешь, что религия, которой придерживаемся мы, стигийцы, уделяет особое внимание смерти и посмертию. Я имею в виду судьбу души, или постигающую ее после того, как она утрачивает вещественную оболочку. Нам некогда открылось, что вечная жизнь души может быть достигнута только путем сохранения тела. Это касается как вельмож, так и последних рабов. Иначе в загробном мире некому будет ни повелевать, ни прислуживать. Ты понимаешь, о чем я?

И Мемтеп оглянулся на Конана, шедшего за ним по проходу между клетками и зарешеченными сарайами.

— Мне известно, — отозвался тот, — что вы, стигийцы, сами не свои насчет мумий и усыпальниц.

— Вот именно. Так вот, дабы поддержать душу в ее посмертии, тело следует должным образом подготовить и сохранить. Соответственно, когда договаривались о возведении

Империум-Цирка, было поставлено условие: каждый человек или священное животное, которому выпадет судьба рассторгнуться здесь с земной жизнью, удостоится обряда мумификации и обретет надлежащее место в Вечности. Служки в красных одеждах, что уносили тела, это не кто иные, как старшие ученики Манетоса, Верховного Бальзамировщика. А уж он подчиняется непосредственно самому Первосвященнику, Некродиасу. Храм держит здесь, при Цирке, особое подземелье для бальзамирования. — Мемтеп кивнул в сторону дальнего угла тыловых помещений Цирка, где они с Конаном еще не были.— Таким образом, несмотря на нынешнее засилье иноземных обычаев, мы сохраняем и поддерживаем свою веру.

Конан недоверчиво мотнул головой:

— Ты что же, хочешь сказать, будто из всех, кто отдал душу на арене, делают мумии? Даже из тех, кто верует совсем по-другому?..

— Не всем достаются равные почести,— ответил Мемтеп, словно пропустив мимо ушей вторую часть заданного ему вопроса. — Тела знаменитейших бойцов, по требованию народа, замуровывают, погребая прямо в стенных нишах Цирка. — И Мемтеп для примера указал на неглубокий альков под одной из множества арок, поддерживавших отвесную стену. — Конечно, почитаемые захоронения делаются не здесь, а со стороны улицы. Какая там красота! Люди воздвигают урны и цветочные венки, изваянные из камня, делают каллиграфические надписи по-стигийски и по-коринфийски... А надо всем этим — посмертная маска героя, высеченная скульптором, с самоцветами, вставленными вместо глаз. Так и кажется, что взгляд следит за тобой, куда бы ты ни пошел! Кому же, как не героям, вкушать вечные почести на небесах?

Конан на это промолчал, решив про себя не задавать больше вопросов. Сам он о смерти задумывался всего менее. Его собственные религиозные убеждения, основанные на сказаниях о суровых северных Богах вроде Крома и Митры, не придавали большого значения судьбе бренного тела после того, как его покинет душа.

Тем не менее, киммерийца порядком затошило от перспективы однажды оказаться выпотрошенным (он ведь будет мертв, а значит, беспомощен и не сумеет за себя постоять!), а потом его набьют пахучими веществами... то есть попросту засолят, как окорок! — да еще замотают в тряпки и поставят торчком на радость толпе!..

Вот уж спасибо большое. В свое время он насмотрелся на то, как отвратительные некроманты наделяли свои мертвые жертвы неким подобием жизни и подчиняли собственной воле, заставляя совершать всевозможные непотребства. Почем знать, вдруг жрецы этого мерзкого Сета своим бальзамированием действительно захватят в плен его душу и оставят ее гнить внутри тела, быть может, обрекая скитаться среди чужих ему призраков этого их Загробного Мира?.. Тошно было даже думать об этом.

Мемтеп вывел его полукруглым проходом как раз к тем покоям, где только теперь просыпались и собирались завтракать его друзья-циркачи. Артисты с большим воодушевлением обсуждали выпавшее им страшное испытание: оно ведь, как ни крути, в конечном итоге оказалось-таки именно тем Великим Успехом, которого они ожидали в Луксуре. Когда все подкрепились, Мемтеп повел труппу смотреть помещения, отведенные Ладдхью и его друзьям для постоянного проживания. Это был целый ряд жреческих домиков, с виду довольно непрятательных, но на самом деле гораздо более подходивших для повседневной жизни, чем роскошные временные апартаменты, где они ночевали. Бардольф и еще несколько человек горели нетерпением отправиться вместе с Ладдхью в караван-сарай за вещами, а заодно за новыми упряжными мулами, которых им пообещали предоставить взамен погибших. Другие, в том числе Сатильда, решили заняться устройством и размещением людей и зверей и приступить к обсуждению новых выступлений.

— Лично я, — заявил Дат, — хотел бы для начала посмотреть город.

— Я с тобой, — сказал Конан. — Сколько, понимаешь, мечтал о хорошей попойке в столичном Луксуре...

— Соблазнительный способ провести утро! — разминая мускулистые плечи, присоединился к ним Рогант. — Пошли, проверим, не разучились ли мы еще крушить столы и скамейки...

Востребовав у Ладдхью кое-какие деньги авансом, троица отправилась в город. Мемтеп предложил им невольника-проводника, но они отказались, расспросив только, как пройти в Коринфийский квартал и еще на Внутренний Причал: там, по их сведениям, были самые гостеприимные уголки города. Конан не распространялся о мешочке с золотом, подобранным на арене. Просто надел его на прочный шнурок и повесил на шею.

Они вышли наружу через каретный двор, чтобы не тащиться мимо всего Цирка и потом по склону холма с его богатыми особняками. Но даже и здесь, на задворках, их мгновенно узнали оборванные уличные мальчишки, и героям не стало житья. Маленькие голодранцы принялись требовать милостыню, а встретив отказ, начали весьма ядовито высмеивать их вчерашние похождения на арене.

— Так это те самые деревенские неумехи, а, ребята?

— Да, это увальни, которые пытались рассмешить диких быков, вертясь и жонглируя у них перед носом...

— А я и не знал, что в каком-то там паршивом бродячем цирке бывают такие бойцы, — обратился к Конану явный вожак беспризорников, тощий меднокожий мальчишка. — Когда вы уезжаете из города и таскаетесь по грязным дорогам, на вас что, все время нападают быки и разбойники?

— Мало ли кто мешает нам жить, но всегда получает достойный отпор, — со значением ответствовал Конан. — А ну, брысь!

— Так, как ты, размахивать мечом в ярмарочном балагане не учат! — не отставал настырный мальчишка. — Ты, наверное, наемник? Или гладиатор из какого-нибудь хайборийского города?

— А тебе-то что? — поинтересовался киммериец. — Неужели у вас даже младенцев вроде тебя пускают смотреть на кровопролитие в цирке? Если да, то ваш город поистине катится в...

— Я вижу больше и знаю больше, чем десяток взрослых горожан, — заявил малолетний нахал.

— Да? Ну и как тебя в таком случае зовут?

— Я — Джемайн, — объявил юный вожак, причем остальная шайка уважительно замолчала. — А ты, я знаю, Конан Сокрушитель, второй величайший воитель Империум-Цирка.

— Герой дня, — хмыкнул метатель Дат, стоявший рядом с киммерийцем. — На которого сегодня все ставят...

— Или, во всяком случае, будут ставить, — сказал Джемайн, опасливо поглядывая на Дата.

— А про меня что говорят? — ревниво поинтересовался второй спутник Конана. — Между прочим, именно я, Роганг Сильный, открыл вашего нынешнего любимчика. Именно я преподал ему те рожки и ножки цирковых наук, которых он успел нахвататься! — Рогант пытался шутить, но шутки получались плохо: в голосе угадывалась раненая гордость. — Скажи-ка мне, молодой негодяй, есть ли мое будущее в твоем волшебном кристалле?

Хитрая рожица Джемайна скривилась в циничной ухмылке.

— А как же! Конечно, есть! Империум-Цирк всех принимает и всем находит подходящее применение. Каждый умелый боец может сколотить там немалое состояние...

Рогант, казалось, принял эти слова. Остальные замолчали, довольные, что прекратились насекки. Уличная шайка постепенно рассыпалась, с троими мужчинами остался только

Джемайн. Он, верно, еще надеялся на подачку. Или на то, что они ему выболтают некие сведения, которые потом можно будет продать. Мощеные переулки тем временем вели их вниз, прочь от циркового комплекса. Все они выходили на широкую улицу, расположенную в долине между «их» холмом и другими, вздымающимися южнее. Эти холмы были выше и застроены не так плотно. Пробираясь между лавочками и жилыми домами, мужчины и мальчик наконец оказались в тени длинной цепочки высоченных каменных арок. Арки вели вдаль, перешагивая прямо через крыши построек.

— Это величайший из акведуков, построенных при Коммодорусе, — сообщил циркачам их маленький провожатый. — Он здорово облегчил жизнь простым горожанам, да и богатеям помог лучше устроиться на Храмовом холме.

— Неужели там, на такой высоте, бежит вода? — спросил Конан, щуря глаза и всматриваясь в слепящую синеву.

— Еще как бежит! В особом крытом канале. Крыша нужна, чтобы птицы сверху не гадили! — объяснил Джемайн. — Воду дают источники, которые бьют в южных холмах. Чтобы выстроить эту машину, коринфийцы навезли в Луксур тьму-тьмущую зодчих и каменщиков. Цельную тыщу, вот!

— Но тяжести, спорю на что угодно, перетаскивали стигийцы, — сказал Конан, гладя ладонью каменные блоки размером с хороший сундук.

Они как раз проходили мимо одной из опор пролета, вздыбленного над улицей.

— Именно, — подтвердил Джемайн. — Первосвященник распорядился, чтобы рабочие собирались отовсюду, с каждого хозяйства. Так всегда поступают, когда строят новый храм или пирамиду... Ну, и с Цирком, конечно, тоже так было. Зато коринфийцы — они во какие начальники! — Мальчик улыбнулся. — На строительстве умерло не так уж много народа, только те, кто срывался вниз.

Конан что-то проворчал, оценив про себя, насколько хорошо подогнана была кладка, поддерживавшая небесную реку. Потом спросил:

— Так, значит, все это было построено за время правления Коммодоруса?

— А как же! Никакого Тирана у нас не любили так, как Коммодоруса. Особенно за его выходки на арене! — У Джемайна разгорелись глаза. — А еще поговаривают, будто его войско однажды сбросит власть Храма и объявит его Императором Луксура. Или всей Стигии!

— В самом деле? — спросил Конан недоверчиво. — И что же думают об этом жрецы Сета?

Мальчик только пожал плечами: упоминание имени всемогущего Бога-Змея, перед которым трепетала вся Стигия, ничуть не заставило его оробеть.

— Старый Некродиас — тот еще подарочек, — сказал Джемайн. — Он такой раздражительный и сварливый, что его даже младшие жрецы и те недолюбливают. В деревнях люди все еще верят во всякую старомодную чепуху, но у нас в городе народ просвещенный. Мы научились понимать и уважать чужие обычай, особенно коринфийские...

Это последнее заявление содержало в себе определенную долю истины. Идя по улице, Конан и сам обратил внимание на ту атмосферу многонациональной свободы, что витала в воздухе Луксура. По крайней мере, в этой части города не ощущалось ничего похожего на настороженную замкнутость других городов Стигии.

Двери и окна, не забранные ставнями, были распахнуты настежь и кое-где уже украшены тентами, — утреннее солнце палило вовсю. По хорошо вымощенным панелям разгуливали горделивые мужчины и женщины, не прятавшие лиц под вуалями. Мелкие торговцы тащили лотки и тележки, громко расхваливая товар. И ни тебе воинствующих жрецов, расставленных повсюду присматривать за порядком, ни змеиных кумириен на каждом углу с их четырехголовым тотемом.

Не видно было и военных, хотя Конан припомнил, как при въезде в город их фургоны миновали казармы, расположенные у главных ворот.

В целом Луксур, пожалуй, напоминал ему Тарантию или Бельверус. Хотя до необузданной вольницы, скажем, Шадизара этому городу определенно было еще далеко.

Троих цирковых артистов по-прежнему узнавали и приветствовали на каждом шагу. Особенно когда богатые кварталы остались за спиной и они вступили в более простецкую и скученную часть города. Пешеходы махали им издали, а кое-кто проталкивался поближе и тянулся пожать руку на счастье. Владельцы лавок наперебой предлагали им фрукты и сдобные булочки. Несколько раз подбегали мастеровые с толстыми пластинами сырой глины: каждому хотелось, чтобы Конан оставил на глине отпечаток своей правой руки. Ему было не жалко. Он понимал: эти отпечатки обожгут в гончарной печи и потом продадут собирателям и болельщикам. Или вовсе сделают слепок и станут его размножать.

Одному деятелю понадобились отпечатки рук всех троих. Это несколько утешило уязвленную гордость Роганта. Что касается Дата, то его всеобщее внимание, казалось, не сильно-то и волновало.

Пока все это происходило, сорванец Джемайн из кожи вон лез, исполняя обязанности добровольного стражи и проводника. Он разгонял оравы ребятишек помладше, липнувших к гладиаторам, собирая отвергнутые съедобные подношения и прятал их за пазухой, а также настырно требовал плату с тех, кто жаждал заполучить отпечаток ладони. Он выдавал исчерпывающие характеристики всех таверн, игорных домов и притонов с девками, а заодно пытался что-нибудь разузнать о самих атлетах, об их физическом состоянии и боевых качествах. В общем, мешал он им, конечно, здорово.

Однако парнишка был весьма наблюдателен и меру не забывал: знал, когда лучше заткнуться и промолчать.

С его непрошеною помощью они вскоре оказались в оживленном иноземном квартале, где прилавки были завалены невиданными лакомствами, яркими тканями, посудой и украшениями из далеких Хайборийских держав.

Многое было привезено из Зингары, Аргоса и Асгалуна на кораблях, ходивших по Западному морю и по великому Стиксу. Однако большая часть диковинок явно происходила из Коринфии и Заморы и была привезена сюда через Коф, Хорайю и пустыни восточного Шема.

Коринфийские перекупщики успешно использовали верблюжьи караваны наподобие торговых кораблей пустыни, а потом сплавляли добро по тому же Стиксу на тростниковых баржах, выстроенных на один раз.

А уж горожане явно знали толк в иноземных товарах. Кроме светлокожих чужестранцев, приходивших сюда за ежедневными покупками (известно же, что многие предпочитают съестные припасы, к которым привыкли на родине), сюда приходило множество местных. Конан выделял взглядом зажиточных ремесленников и роскошных красавиц — жен либо подруг светских и церковных чинов. Они присматривали себе украшения на ювелирных прилавках и примеряли модные платья, укрывшись за занавесками в мастерских портных; занавески, впрочем, почти ничего не скрывали. В сторонке дожидались носилки и крытые возки, доставившие дам.

Говоря о женщинах, надо отметить, что наши атлеты, естественно, привлекали взоры всевозможных прелестниц. Чуть не из каждой двери к ним обращались с зазывным словом и соблазнительным взглядом. Однако интерес тут был чисто деловой, и Джемайн делал все возможное, чтобы разогнать сорватильниц и не дать своим «подопечным» впасть в искушение.

Когда они добрались до Восточной стены города, кварталы вокруг совершенно явно сделались увеселительными. Многочисленные таверны, стойла для верховых животных,

гостиницы и разного рода сомнительные заведения предлагали свои услуги погонщикам верблюдов и матросам с барж, доставившим в город заграничные редкости. Конан про себя рассудил, что ближе к вечеру, когда придут еще караваны из пустыни или корабли со стороны моря, здесь станет куда как шумно и весело.

Но самый-то вертеп, как оказалось, располагался вне стен, за Восточными воротами. По всей видимости, строители Луксуря приложили сугубые усилия к тому, чтобы не допустить нашествия водным путем. Они не впустили вовнутрь укреплений широкого судоходного канала, предпочтя оставить под стеной небольшой клочок суши, где могли разгружаться как речные паромы и баржи, так и сухопутные караваны. Потому-то Внутренний Причал, как именовали эту часть выселок почтенные горожане, успел разрастись в целый городок шатров кочевников, всевозможных времянок, складских помещений, лавочек и ларьков. Ко всему прочему, городок этот лежал вне досягаемости таможенников и сборщиков церковных податей, которые взимали свою мзду под сенью городских ворот. А посему на Внутреннем Причале процветал богатейший черный рынок, не знающий ни поборов, ни пошлин. Чем только здесь не торговали! Хочешь — купи языческого идола, хочешь — непокорного или некрасивого раба и вообще любой товар, не отвечающий по своему качеству слишком высоким запросам отцов города.

Конечно, большая часть купленного и проданного здесь все равно оказывалась в городе, притащенная мимо таможни предприимчивыми горожанами и мелкими спекулянтами...

Добравшись в эту дыру, на самый речной берег, где на немощеных улицах властвовала грязь, а нищие, сидевшие у обочин, обращались к прохожим на странных и непонятных языках, где даже отчаянный Джемайн чувствовал себя не в своей тарелке, — вот здесь-то цирковые атлеты решили развлечься и освежиться. Они разыскали пивнушку: просторное помещение с кровлей, подпертой множеством столбов. Раньше тут, по-видимому, была конюшня, и соответствующий аромат вполне сохранился. Называлось заведение «Прогулочная баржа», и над дверью, в самом деле, было приколочено грубо вырезанное и покрашенное изображение корабля. Название до некоторой степени оправдывалось тем, что бывшая конюшня действительно стояла у самой воды. В каком-то десятке шагов шуршали камыши и виднелись полу затопленные лодки, гнившие в вонючей неподвижной воде канала.

Ничтоже сумнявшиеся гладиаторы заказали себе вина и пива из кувшинов и бочонков, красовавшихся позади стойки. Сама стойка представляла собой широкую доску, положенную на две бочки, и стоял за ней однорукий, одноглазый речной пират. Он выдал им напитки в объемистых половинках кокосового ореха, которые были здесь в ходу вместо кружек, и жадно сгреб отсыпанные ему медяки. Джемайн утолял жажду сильно разбавленным вином, а мужчины попивали арак — перебродивший пальмовый сок с южных плантаций.

— Ну что, парни, на кого нам ставить следующий раз на арене? — спросил из-за стойки одноглазый пират. Голос у него был скрипучий, с шемитским акцентом. — Вы, небось, скоро будете выступать на празднике Баст?

— Все может быть, — ответил Рогант. Их узнали, и ему это льстило. — Хотя определенно нам еще ничего не сказали.

— Вы новенькие, — сказал пират. — Публика к вам еще не привыкла и не разобралась, чего вы стоите. Но бой обязательно будет, как же иначе! А где бой, там и ставки... — И он сощурил единственный глаз, прищурчив осматривая троицу. — А вы, значит, неплохо себя чувствуете? Не сильно помяты после вчерашнего?

— Помяты!.. — фыркнул Рогант. — Я бы сказал, скорее наоборот! Лично мне это именно то, что требуется для здоровья!.. А уж какую жажду вызывает... — И он кинул на доску еще несколько медяков. — Налей, дружище, еще по одной!

— Если хочешь заполучить ценные сведения о будущих чемпионах, спрашивай меня! Меня,

Джемайна из квартала Кожевников! — Как ни слабо было разведенное вино, мальчишка, проглотив его, вырос в собственных глазах в десять раз.— Я никогда не ошибаюсь, подсказывая ставки! — вешал он с апломбом. — Я всегда знаю, кто станет звездой! Моя интуиция ни разу никого не подводила!..

Для себя Конан давно уже решил не придавать большого значения нашептываниям зазывал, якобы знающих что-то о ком-то. Но Луксур буквально помешался на ставках, и это поневоле производило впечатление. Киммериец повернулся к пирату и, когда тот устремил на него взгляд единственного водянистого глаза, сказал:

— Ты был вчера на представлении? Видел, как нас всех едва не разорвали дикие звери и разбойники?.. — Тот покачал головой, и варвар продолжал: — Сам не видел, но откуда-то знаешь; Скажи, любезный, неужели ты, в самом деле, поставил бы деньги на исход такого вот безумного представления?..

— Я?.. — в свою очередь удивился одноглазый. — А почему бы, собственно, и нет? Уж если на то пошло, я и вчера серебряный шекельставил. Только без обид, хорошо?

Поскольку упоминаний о выигрыше не последовало, оставалось предположить, чтоставил он не на Конана с друзьями, а против. Киммериец нахмурился и спросил:

— Но скажи мне, пожалуйста, чего ради биться об заклад, если в состязании нет ни капли здравого смысла, я уж не говорю о честной игре?

— Так ведь все знают, что схватки несправедливые! — авторитетно вмешался Джемайн.— Все дело в том и состоит, чтобы заранее выяснить, у какой стороны преимущество, и правильно сделать ставки!

— Я все время слежу, что делается на арене, — не обращая внимания на болтовню мальчишки, проговорил одноглазый. — Уж если на то пошло, именно там я оставил и руку, и глаз, причем то и другое в один день. Со временем, милостью Сета, я надеюсь выиграть денег и вознаградить себя за потерю...

— Во имя всех Богов! — Конан чуть не подавился араком. — Это тебе целый воз серебра выиграть придется! Две такие раны сразу, и выжить...

— Никто и не говорит, что мне легко далось возвращение к жизни,— с горечью ответил его собеседник. — И самая крутая драка, чтобы ты знал, началась уже после того, как меня покалечили. Еще чуть-чуть, и уволокли бы меня бальзамировщики Манетоса, Жреца Мертвецкой. Уволокли и сделали бы мумией. Им ведь наплевать, даже если кто еще дышит... Берегись их, друг мой! Не всякому раненому везет так, как повезло мне...

Покуда Конан, Джемайн и одноглазый обменивались мнениями, а Рогант лакомился араком, Дат покинул стол и потихоньку выбрался наружу. На открытом крылечке таверны, среди нищих и всяческого отребья, ошивалась четверка оборванных, тощих юнцов, проследовавших за гладиаторами через весь город. Приставать они не приставали, но, по мнению Конана, мыслишку о небольшом грабеже определенно держали в уме: дай только дождаться, покуда потенциальные жертвы не напьются хорошенко.

Дат прямо подошел к этому хулиганью и, не больно-то испугавшись хмурых физиономий, скоро уже вовсю рассуждал с ними вполголоса. А потом куда-то ушел вместе с юнцами.

Конан все это видел, но особого внимания не обратил. Дат, в конце концов, был примерно ровесником молодым обормотам и не многим от них отличался. И здесь, в Стигии, Дат был чужестранцем в гораздо меньшей степени, чем он сам или Рогант. Дат неплохо болтал по-стигийски, и мозгов ему было не занимать. Небось, не пропадет. Да и парней от возможного нападения отговорит.

Тем не менее, киммериец невольно вспомнил о том, что все они явились сюда, можно сказать, без оружия, — ну там, кинжал в фут длиной, так разве это оружие! А посему Конан

решил соблюдать осторожность. Уж во всяком случае, не напиваться сверх меры.

Только-только он принял это мудрое решение, как к нему подгреб мужчина из местных: таких во всем мире называют «портовыми крысами». Голый по пояс, здоровенный толстый стигиец выглядел так, будто способен был, действуя шестом, в одиночку довести баржу до Кеми. Или сам туда доплыть по реке. Слух у него оказался удивительно острым. Он покинул своего приятеля, тоже подвыпившего и клевавшего носом на крыльце, и подошел, встравя в разговор.

— Намфет!.. — зарычал он, обращаясь к одноглазому. — Мне уже блевать охота от твоих рассказней об арене!.. А что до вас, чужестранцы, — пора вам узнать, что и среди нас полным-полно молодцов, которым все ваши цирковые подвиги — раз плюнуть! Каждый из нас в сто раз вас превзойдет. Только мы, в отличие от некоторых, день-деньской заняты честной работой. Некогда нам чепухой всякой баловаться...

Рогант, потягивавший вино, моментально обиделся.

— Вот что, парень, не называл бы ты чепухой то, в чем ни уха ни рыла не соображаешь. Ты, небось, и не видел, как мы тренируемся. Знай же, что мы все свое время посвящаем культуре тела и оттачиванию своего искусства. Не многие, сойдясь с нами в честной борьбе, сумеют...

— А я вот вас в упор не вижу! — Стигиец обернулся на своего приятеля: тот был выше и худощавей, но тоже обладал могучими мышцами грузчика. Он держался чуть позади и язвительно ухмылялся. — Вы, должно быть, цирковые тяжеловесы? Да я за день, когда баржу разгружаем, больше тяжестей перетаскиваю, чем вы за целое лето, шастая по городам-коровникам Шема! — Он расхохотался и звучно рыгнул. — Или вы, может, на арене деретесь? Тоже неплохо! Мы с Луфаром прямо тут, у себя на Канале, видели больше драк, чем десяток намасленных, избалованных неженок вроде вас — на арене! Хотите, покажем, как это делается?..

Конан уже отодвигался в сторонку, завоевывая пространство: надо будет вырваться из четырех стен пивнушки, а уж на улице он развернется, как следует. «Портовые крысы» заметили его движение и решительно двинулись наперехват.

И в это время, откуда ни возьмись, явилась неожиданная подмога. В дверях возник Дат и с ним его новые знакомые — уличные оборванцы. Юноши сейчас же весьма по-деловому взяли грузчиков в клещи. Удары посыпались без каких-либо угроз или предисловий. Причем кулаки мелькали так быстро, что даже Конан не успевал рассмотреть, чем дрались ребята: просто руками, медными кастетами или... оставалось только надеяться, что не ножами.

«Портовые крысы» некоторое время тщетно пытались отбиться, потом повернулись и выкатились за дверь. Победители проводили их пинками, но скоро бросили погоню и возвратились, нехорошо пересмеиваясь между собой.

— Толково деретесь, — похвалил Конан.

Ему так и не пришлось пустить в ход кулаки, и он без улыбки посматривал на Дата и четверых уличных головорезов.

— Пожалуй, вы тоже могли бы драться на арене за деньги!

— И будут, если кто-нибудь прислушается к моему мнению, — откровенно заявил Дат. — Парни конкретные, то, что надо!

— А, по-моему, мы бы и сами с теми типами управились, — буркнул Рогант, только теперь слезая с перевернутого бочонка. Он изо всех сил изображал хмурое разочарование.

— Пошли-ка лучше отсюда, пока они не вернулись со стражей! Их не так много, но до чего вредные! — посоветовал Джемайн.

Конан только тут сообразил, что Дата и его новых друзей привел не кто иной, как маленький сорванец. Теперь он изо всех сил тащил их в дверь и обратно в город.

Они допили свое вино, и вышли наружу. Вместе с молодыми голодранцами их было восемь

— вполне достаточно, чтобы любая уличная шайка наделала в штаны. Дат выглядел очень довольным.

— Говорю тебе, Конан, я так рад, что отправился в путешествие и доехал до самого Луксур! Одно слово — как домой попал!..

Глава восьмая

ТЯЖЕЛО В УЧЕНЬЕ...

Дни, последовавшие за достопамятным дебютом на арене Империум-Цирка, были посвящены изучению Луксура и совершенствованию цирковых номеров. Благо Тиран Коммодорус уже объявил о новом представлении. Глашатаи громогласно поведали о нем народу с храмовых портиков, и на особых стенах, предназначенных для оповещения народа, появились соответствующие надписи, сделанные красной глиной. Представление должно было состояться совсем скоро, всего через несколько дней. Так, чтобы удачно заполнить пустоту, вклинившись перед традиционно пышным празднованием дня Баст.

Эта приятная новость вселила в сердца луксурцев радостные предвкушения и ожидания.

Все работы по переделке и улучшению Цирка пошли удвоенным темпом. Даже Конана заразила всеобщая лихорадка, и он с головой ушел в тренировки, стараясь постигнуть правила арены и то оружие, которым здесь бились.

Расколошматив вдребезги несколько манекенов, стоявших на учебном дворе, он перешел к потешным боям с живыми напарниками.

Кое-кто из этих последних принадлежал к особому отряду цирковых рабов. Они были приучены отбиваться деревянным мечом и щитом и уворачиваться от слишком усердных ударов разминающихся гладиаторов.

Киммериец, однако, предпочитал работать не с ними, а с такими же, как он сам, бойцами. Ко всему прочему, это позволяло еще и должным образом оценить их мастерство и умение двигаться. Чаще же всего он сходился с Мадазайей, Мастером Меча. Он проникся большим уважением к хитроумным фингам черного воина и к стремительному, мощному размаху его тупого меча. Каждый день он получал шишкы и синяки (причем за них, естественно, также не пропадало), но сам сознавал, что за такое полезное учение плата была вовсе не велика. Скорее наоборот: знающему человеку эти легкие царапины поведали бы о духовном родстве двоих бойцов, кушита и киммерийца. Обмениваясь ударами, они ни разу не перешли грани, не превратили учебный бой в смертельную схватку.

Вечерами, когда заканчивались утомительные труды, многие гладиаторы, в том числе и Конан, отдыхали и развлекались в пивнушке у одноглазого Намфета, в беззаконных дебрях Внутреннего Причала. При всей своей грязи и нищете заведение Намфета определенно было душевным. Хотя бы потому, что любые чужеземцы — от разношерстной матросни с барж до погонщиков верблюдов из Шема и восточных пустынь — чувствовали себя там как дома. В этой несусветной трущобе гладиатор мог потягивать напитки, сваренные по рецептам его родины, и сплетничать с другими приезжими на своем родном языке.

Опять же, «Прогулочная баржа» располагалась далеко от центральных кварталов, где атлетам не прдохнуть было от цирковых болельщиков, узнававших их на каждом шагу. Ну и, конечно, еще то немаловажное обстоятельство, что, как ни бедна и паршива была пивнушка, хозяином ее являлся отставной гладиатор. То есть человек понимающий. И здесь было принято, что всяческие задиры из числа приезжих крестьян или работяг-грузчиков, либо открыто бросали вызов человеку, пришедшему не по ноздре, либо вовсе его не тревожили. Подло, без предупреждения, обычно не нападали.

В отличие от большинства бойцов, многие цирковые артисты искали знакомства с заметными людьми города. Ладдхью, Бардольф и Рогант хвастались, будто их чуть не каждый вечер зазывают к себе на трапезу богатые коринфийцы и государственные чиновники. Конан про-

себя подозревал, что и Сатильде, верно, по душе пришлось бы подобное приглашение. Как бы то ни было, на сегодняшний день девушка предпочитала общество гладиаторов, тесно, с руганью набивавшихся в колесницы, позаимствованные из утвари Империум-Цирка. Бывало и так, что тигрица Квамба оставалась караулить гнездышко влюбленных, между тем как Конан с Сатильдой уносились на колеснице и до утра куролесили за городскими стенами.

Однажды за выпивкой у Намфета Конан обратился к Игнобольду, немолодому и опытному гладиатору, и спросил его, не знает ли он, какого рода зрелища ожидались по ходу нового представления:

— Опять дикие звери? Или поединки? Навряд ли они отыщут еще таких легковерных чужестранцев, как мы, и сумеют обманом заманить их, ни о чем не подозревающих, на арену...

Игнобольд был смуглым, чернобровым офицером. Когда-то он прибыл в Луксур как охранник одного из бесчисленных караванов и обнаружил, что этот город с его кровавым Империум-Цирком — именно то, что ему нужно было для счастья.

— Я слышал, недавно взяли в плен целую шайку разбойников из Хаурана, — сообщил он Конану, прихлебывая аппрак. — Говорят, это воины из какого-то отряда изменников. Чего доброго, придется позенеть с ними мечами на арене. А не то посадят их в яму вместо крокодилов!

— М-да, — киммериец повернулся к Сатильде, сидевшей с ним рядом. — Хауранцы — отменные воины, — сказал он ей без утайки. — Достойные, верно, будут противники...

К его уху нагнулся еще один из седеющих, покрытых шрамами героев, известный городским болельщикам, как Хальбард Великий.

— Меня, — сказал он, — в этот раз выставят против Саула Крепкорукого, один на один, и ставки уже взлетают до небес!

Будущий соперник гладиатора принадлежал к числу молодых, и в «Прогулочной барже» его не было. Однако Хальбард говорил хриплым доверительным шепотом, так чтобы слышало только несколько друзей, сидевших с ним за столом.

— Не могу сказать, чтобы я хоть капельку боялся этого поединка, — продолжал бывалый боец. — Если хотите знать мое мнение, Крепкорукий — всего лишь дутый высокочка, нахальный молокосос... — Он пожал крутыми плечами, мозолистые пальцы задумчиво теребили мочку поборцовски расплющенного уха. — Но что бы вы думали? Тут на днях подползает ко мне этот хорек Заггар, так называемый собиратель талантов, И давай уговаривать меня проиграть бой! Получи, говорит, какую-нибудь легкую рану и вались на песочек. Обещает, что жизнь мне оставят, да еще и из призовых денег сколько-то потихоньку отсыплют...

Он нахмурился и с мрачным неодобрением покачал головой.

— Стало быть, ты его послал подальше? — спросил Конан, с пристальным вниманием слушавший этот разговор.

— Послал? Ха.. Я пообещал размозжить ему нос и так дать по феске, что башка в портки упадет! — Хальбард сжал гигантский кулак и шарахнул им по донышку бочки. — Чтобы я взялся так вот продавать свою честь! За какой-то там сиюминутный выигрыш!.. Да провались! Мое имя — это все, что у меня есть, вся моя собственность и состояние. Я сказал ему: лучше ты, Заггар, поставь свои денежки на меня, поскольку я откуплю Саула Крепкорукого так, что ему небо с овчинку покажется! А вот теперь поползли слухи, будто поединок хотят отменить... Только, если мое слово что-нибудь еще значит, тому никак не бывать!

На испещренной боевыми шрамами физиономии было написано искреннее негодование. Тут подал голос Мадазайя, сидевший рядом на бочонке.

— Ты бы поберегся, старый друг, — проговорил кущит. — Те, кто ставит деньги, часто пытаются повлиять на исход состязания. Ради длинного шекеля они что угодно наболтают и о

твоей силе, и о твоей честности. Дай им волю, они станут жонглировать нашими именами, как артист булавами... — И Мадазайя опустил широкую ладонь на плечо ветерана. — Придется тебе в нескольких ближайших поединках из шкуры вон выпрыгнуть, чтобы никто не поверил клевете Загара.

— Вот уж верно,— согласился Конан, желая утешить расстроенного собрата. — Держи ушки на макушке, и — удачи тебе! Я надеюсь, что, когда такие, как ты, знаменитые и всеми любимые бойцы отходят от дел, город им назначает достойное содержание?..

Киммериец ждал утвердительного ответа на свой вопрос, но все собутыльники молчали. Их молчание показалось варвару весьма красноречивым, и он вознамерился выяснить все до конца.

— Скажите мне, так ли это? — проговорил он вполголоса. — Уж верно, когда герой покидает арену, он остается безбедно доживать дни в Луксуре? Или отправляется домой, увозя с собой богатство и славу?..

Он совсем не хотел, чтобы его расспросы достигли ушей Намфета: тот как раз пытался наполнять кружки и вести какие-то записи, управляемые одной рукой.

— Я поначалу тоже на это рассчитывал,— сказал Мадазайя. — Я собирался откладывать деньги из своего жалованья и призов, чтобы уйти на покой через несколько лет, если Сет будет ко мне хоть чуточку благосклонен... — Он виновато передернул плечами. — Ты пойми, Конан: мы, гладиаторы, не самый разумный народ, когда касается денежных дел. Если бы мы в этом, как следует разбирались, мы служили бы храмовыми менялами, а не... мясниками на человеческой бойне.

— Ты сам подумай, — подхватил Игнобольд. — Надо же выглядеть, как полагается, и быть щедрым с девочками и друзьями. А поди-ка поживи на сколько-нибудь широкую ногу на те гроши, что нам платят за смертельный риск на арене! Я уж не говорю про держателей ставок. Если тебе удастся получить выигрыш даже с самого верного дела, значит, ты воистину ясновидящий!

— По правде говоря, — невесело подытожил Мадазайя,— за последние шесть лет не могу припомнить ни одного выдающегося гладиатора, который сумел бы задержаться в Луксуре. Есть, конечно, некоторые... сумевшие уехать в Коринфию и Хайборийские страны. И сам Коммодорус... он, говорят, в юности тоже на арене сражался. Но все это исключения. Большинство из нас — полные простаки в делах!

— Вот почему у разумного гладиатора всегда есть советник по денежному вопросу! — пропищал с дальнего конца стола оборвый Джемайн. — Если хочешь, я стал бы вести твои дела, Мадазайя!

Услышав эти слова, Конан в первый момент чуть не пожалел, что предложение было адресовано не ему. Однако в здравом размышлении решил, что нахальный малец, очень возможно, был нисколько не умнее других и, притом жульничал, как Заггар.

Из всех гладиаторов и циркачей, с которыми Конан был знаком, самая крепкая деловая хватка определенно присутствовала у Дата, но молодой сендаец держался сам по себе. Он редко утруждал себя тренировками,— в отличие от Систа и Бафомета, двух уличных хулиганов, приведенных им в цирк. Эта достойная пара появлялась регулярно и упражнялась хладнокровно и энергично. Оба были прирожденными уличными бойцами с трущобных окраин. Парни легко впитывали хитрости и уловки, использовавшиеся на арене.

Дат успел подружиться с евнухом Мемтепом и легко уговорил его взять новеньких, но самого его, похоже, куда более занимали неведомые дела на стороне. Приезжая в таверну вместе с Конаном и его товарищами, он опрокидывал кружечку и скоро удалялся в обществе каких-то весьма темных личностей, чтобы до рассвета скитаться вонючими переулками Внутреннего Причала. Среди здешней шпаны у него уже завелись преданные друзья... и опасные враги, что и

показало одно происшествие.

Стояла поздняя ночь; они возвращались домой на трех колесницах, неровным строем, громыхая колесами по мостовым скопо освещенных улиц. Конан, Дат, Сист, Бафомет, Хальбард, Сатильда и еще три или четыре веселые красавицы возвращались с гулянки, кое-как цепляясь за поручни качающихся повозок. Совершенно неожиданно, всего в нескольких кварталах от оставшихся позади ворот, залитую лунным светом улицу перегородил отряд смутно различимых теней. Засада, по-видимому, была тщательно спланирована. Когда лошади испуганно шарахнулись в стороны и колесницы, проехав юзом, со скрежетом остановились, из потемок посыпались головорезы — одетые кое-как, зато каждый с мечом, топором, либо дубинкой.

Дат, самый трезвый из всех, мигом оценил обстановку и взял командование на себя.

— Строимся спина к спине! — распорядился он отрывисто. — О колесницах не беспокойтесь, им нужны мы!

Конан сразу понял, что парень был прав. Если бы в колесницы были запряжены обученные боевые кони, можно было бы попробовать вырваться из смыкающегося кольца. Но, увы, при них были всего лишь смиренные клячи. А из оружия — короткие мечи да небольшие кинжалы. Конан занял место в строю и отпихнул Сатильду себе за спину, готовясь драться не на жизнь, а на смерть... и услышал, как Дат, выудив откуда-то из-под плаща деревянную дудочку, трижды коротко просигналил.

— Всем держать строй! — сказал он спокойно, и от звуков ею голоса полу值得一ное воинство почему-то начало быстро трезветь. — Не давайте им подобраться вплотную, и все. Никакого героизма, слышали? Ваши цирковые болельщики далеко, любоваться на вас тут некому!

Вообще говоря, ситуация была глупей не придумаешь: какой-то мальчишка, зеленый уличный сорванец, вовсю командовал отрядом опытных воинов гораздо старше себя. Но даже те, кто осознал эту странность, очень скоро про нее позабыли, потому что началась схватка. Со всех сторон полетели камни. Конан почувствовал, как один из булыжников отскочил от лезвия его меча и сильно ранил обнаженное плечо. Рука на какой-то миг отнялась, потекла кровь. Он увидел, как Хальбарду попало в лоб сразу два камня. Пожилой гладиатор замотал кудлатой головой, чтобы в ушах перестало звенеть.

В следующий миг нападавшие молча бросились врукопашную, и нашим героям, плохо вооруженным и еще хуже соображавшим, пришлось нелегко. Киммериец сразу познакомил разбойников с острием своего кинжала, метко пырнув в живот самого первого, кто на него налетел. Здорово мешала необходимость оставаться в строю и еще темнота: он боялся нечаянно поранить своих.

Дат дрался лучше всех. Он оказался готов к любым неожиданностям, и два его топора так и мелькали. Мгновенный бросок — чавканье плоти под лезвием или глухой хруст костей — немедленный рывок привязного ремня — прыжок топорика назад, точно в ладонь. Сражение происходило почти в тишине, если не считать лязга сшибавшихся клинков, редких стонов и шума падавших тел. Никто не выкрикивал боевой клич, слышались только приглушенные проклятия да фырканье напуганных лошадей. Время от времени где-то со скрипом открывались оконные ставни, мелькали огоньки светильников любопытные горожане высовывались посмотреть на стычку. Однако никто не призывал стражу, никто не кричал, требуя прекратить безобразие, происходившее в самом центре спящего города.

Помятых, ошарашенных гладиаторов уже начинали теснить, когда в бой вмешалась посторонняя сила. Со стороны городских ворот долетел топот и шарканье ног: к месту драки поспешили новые участники. Они налетели толпой, пыхтя и ругаясь в потемках. И без промедления набросились на оборванцев, учинивших засаду.

Гладиаторам сразу стало легче. Конан и остальные смогли, наконец, оставить строй и

заняться преследованием врагов. К их величайшему сожалению, различить две уличные банды оказалось весьма нелегко. Конан заметил только темные повязки на головах у их неожиданных защитников. Прошли какие-то мгновения, и обе шайки растворились в ночи, исчезнув, как стаи крыс в придорожных канавах. На улице снова стало совсем тихо. Только где-то далеко слышались команды и звяканье доспехов патруля стражи, безнадежно опоздавшего к месту сражения.

— Все! — прозвучал твердый голос Дата.— Давайте быстренько по колесницам — и домой, в цирк. Сегодня к нам никто больше не привяжется.

Впрочем, сам он с ними не поехал: ушел пешком догонять своих, столь кстати подоспевших приятелей. Конан с остальными вернулись домой, замазали полученные раны, а утром наврали Мемтепу с три короба, сочинив целую историю о том, как отряд доблестных гладиаторов разогнал на пригородной дороге многочисленную шайку грабителей. Евнух был определенно недоволен, ведь он за них отвечал. Он сурово предостерег цирковых бойцов от всяких там вылазок за город и пригрозил переменить расписание схваток. Конан ничего ему не сказал про пораненное плечо, хотя оно у него и болело. Тем более, рука была левая: и не заметишь, как заживет. Вновь увидев Дата в «Прогулочной барже», киммериец наслал на него, требуя разъяснений.

Молодой метатель отвел Конана с Сатильдой в сторонку от остальных гладиаторов и сам оставил свою компанию хулиганья. Усевшись вместе с ними на перевернутую бочку, он обратился к Конану со свойственным ему спокойным цинизмом:

— Здесь, в Луксуре, всякие мелкие жулики, уличные шулера и те ребята, что выколачивают деньги из должников, завели привычку, сбиваться в общие стаи. У них в обычай делиться новостями и приходить друг другу на помощь, когда допекают городские власти или какие-нибудь чужаки...

Конан осторожно кивнул.

— Я бывал в больших городах вроде Аренджуна, — сказал он.— Там целые воровские гильдии процветают.

— Так вот, в огромном городе вроде Луксура, — продолжал объяснять Дат, — преступники объединяется по кварталам, в которых орудует. Таким образом, получается что-то вроде землячеств. — Он провел рукой по донышку бочки, как бы очерчивая приблизительную карту.— Стигийцы всегда заправляли в сердце города — вот тут, около главных ворот. Переселенцы из Коринфии подмяли территорию возле Восточной стены. — Он ткнул рукой в сторону ворот. — Ну, так вот, Империум-Цирк...— Дат указал пальцем в самую середину крышки, — ...занимает очень выгодное положение. Он в самой богатой части храмового квартала, да еще и на макушке холма. Потому-то за это владение спорят так, что только пух и перья летят.

— А что ты скажешь про эту лужу помоев, в которой мы сейчас баражаемся? — спросила Сатильда, имея в виду Внутренний Причал. Она следила за объяснениями Дата с пониманием и хитрецой.

Дат обозначил рукой место у самого края бочонка и спокойно поднял на акробатку глаза.

— Внутренний Причал, — сказал он,— только начинает приобретать влияние и значение, как полноправная часть города. Причем с тесными связями внутри стен. Здесь живут большей частью чужестранцы, но не из Коринфии. Здесь селятся представители племен пустыни, кушиты, уроженцы других Черных держав... и мы, шемиты. — Он улыбнулся. — Я здесь, в трущобах, таких друзей завел!

— Угу, — проворчал Конан, начиная соображать. — Значит, то, что случилось с нами минувшей ночью, было войной уличных шаек? И напали на нас коринфийцы, причем только за то, что мы съездили к Намфету выпить по кружечке с тобой и твоими дружками?

Дат передернул плечами:

— Правильно. Однако не все так просто. Уличные забияки, они, знаешь ли, обожают объединяться вокруг какого-нибудь знаменитого гладиатора. Они все время ставят на своего избранника, носят его цвета, ну и так далее. В нашей группе, в которую входит весь цирк Ладдью, полным-полно иноземцев: ты, Мадазайя, Рогант, Игнобольд и еще всякие разные, включая меня. А коринфийцев — раз, два и обчелся. Поэтому у ребят из Восточного квартала мы отнюдь не ходим в любимчиках.

— Угу, — повторил Конан и задумчиво покачал головой. — Если я правильно тебя понял, они сделают все, чтобы, прирезать нас где-нибудь в темном переулке, не позволив даже дойти до арены?

— Ну... не исключено, что они и лично за мной охотились, — сознался Дат. — Впрочем, какая разница? Я же сказал — опасность миновала.

— Что-то я не очень понимаю, какой во всем этом смысл, — заявила Сатильда. — Город богатый, жизнь бьет ключом, тут тебе и все сто удовольствий, и сильное правительство, что нечасто бывает! Какого демона при такой благодати затевать войну между кварталами?

Дат осушил свою кружку.

— Совершенно верно, — сказал он девушке. — Вот и я все пытаюсь внушить им, что драки лучше оставить для арены. Ну, то есть им, конечно, надо где-то практиковаться. Большинство здешних ребят выросло с мечтой о триумфальных выступлениях в Империум-Цирке. Для них это единственно возможный путь куважению и богатству...

— В бедных переулках северных городов существует масса других возможностей выбиться в люди, — задумчиво проговорил Конан и кивнул на кучку плохо одетых людей, чего-то ожидающих возле порога. — Скажем, воровство, контрабанда, разбой, грабеж... Разве твоим молодцам не хватает каких-то качеств, чтобы заняться такими делами?

— Ты опять прав, — снова улыбнулся Дат. — Здесь всего этого тоже хватает, а возможностей, пожалуй, даже и побольше. Тут ведь можно и подработать, и подворовать на строительстве храмов, усыпальниц и акведуков. Но, видишь ли, Империум-Цирк — это как бы сердце всех и всего. Все к нему неровно дышат или, по крайней мере, небезразличны. Весь Луксур на нем свихнут! — И Дат рассмеялся, забавляясь собственным красноречием. — Вы уж меня простите, ребята. Я сам чужой, а полюбил городишко, как будто тут родился!

— И друзей у тебя полно, — вставил Конан. — Живо они на помощь к нам подоспели!

Он покосился на шайку хулиганов, державшихся в сторонке, но явно охранявших своего вожака.

— Да, — подтвердил юный сендаец. — Они наготове, в случае, если Восточники снова полезут. Хотя на ближайшее время мы с ними вроде разобрались. — Он обвел взглядом нищенское уранство таверны. — Со временем, может, даже повадимся отдыхать в каком-нибудь местечке получше...

Памятуя о ночной засаде и содержательных пояснениях Дата, Конан и Сатильда с тех пор ходили только вооруженными и не поодиночке.

На них, правда, никто не нападал, но слухи о стычках между шайками долетали то и дело. И, еще: появляясь в других частях города, они все время чувствовали на себе взгляды невидимых наблюдателей. И наблюдатели эти были вовсе не из тех, что желают тайком полюбоваться своими героями.

Они, как принято, заводили знакомства, приобретали поклонников. Из этих последних один был особенно интересен: утонченно-развратный северянин по имени Удольф. Он любил шататься по трущобам и нередко, сопровождаемый парой молодых спутников-телохранителей, забредал в пивнушку к Намфету. Он был там не очень-то к месту уже потому, что являлся знатным коринфийцем. Вел он себя очень шумно, а потому торчал еще больше. Очень скоро он

принялся одаривать гладиаторов и выпивкой, и чудесами своего остроумия. Главным предметом его забот оказалась Сатильда. Конан быстро подметил, как взирала его подруга на густую черную бороду и отвисшее брюшко коринфийца, и успокоился, перестав считать Удольфа возможным соперником.

— Ну что, прелесть моя? — обратился к Сатильде этот вельможа. — Готова ли ты выступить завтра перед толпами в Цирке? А ты, могучий Сокрушитель, — повернулся он к Конану, громоздившемуся рядом, — как настроение? Боевое? Я слышал, предсказатели, гадающие по кишкам животных, обещают на завтра новым чемпионам блестательные победы! Справишься, значит, с отрядом перебежчиков-хауранцев?

— Хауранские конники — вояки что надо, — серьезно ответствовал киммериец. — Я надеюсь получить удовольствие от встречи с ними...

И он присосался к своей кружке арака, больше затем, чтобы спастись от дальнейших расспросов.

— Понятно, — добродушно сказал Удольф. — Как все истинные атлеты, ты предпочитаешь не обсуждать подробности своего завтрашнего выступления. Это беспокоит и причиняет лишние волнения. Только мне все равно сдается, что ты раскидаешь всех, кто к тебе сунется. Еще я надеюсь, у тебя хватит ума принять легкую победу, когда тебе ее подадут на тарелочке... — Протянув руку, он коснулся локтя Конана и любовно пощупал твердые мышцы. — Сядь, посиди со мной. Я хотел бы узнать, что ты думаешь о Коммодорусе, этом жалком подобии правителя? Кое-кто считает, что горожанам давно пора было бы устроить восстание и свергнуть его. А ты как полагаешь?

Конан долго молчал, начиная жалеть, что внял приглашению и сел рядом с Удольфом на бочонок. Он постарался, чтобы его сомнений нельзя было прочесть на лице, и между делом позвал Сатильду к себе на колени. О Коммодорусе он знал немногое. И вдаваться в опасные разговоры, затевая поношение местного владыки, отнюдь не желал. Но мальчишка Джемайн, задевавшийся сущим завсегдатаем «Прогулочной баржи» как будто нарочно для того, чтобы досаждать Конану, был, казалось, попросту потрясен словами Удольфа! Он в немом ужасе таращился на коринфийца, пока тот, наконец, не начал сердиться.

— Закрой рот, малыш, — сказал вельможа раздраженно. — А то все мысли вылетят вон, а на их место заползут мухи. Возьми это, юный мошенник, и ступай себе прочь! — Его рука исчезла в складках тоги, а когда вынырнула обратно, в ней был зажат позывывающий кошелек. Он бросил его Джемайну и сказал уже мальчику в спину: — Если ты знаешь свое благо, никогда не вмешивайся во взрослые разговоры! — Проводив его взглядом, Удольф покачал головой и вновь повернулся к своим собеседникам. — До чего надоедливый щенок, как его там? Джемайн, кажется?.. Так вот, когда он меня перебил, я начал говорить, что некоторые в нашем городе считают Коммодоруса обычновенным шутом, который играет мышцами перед публикой и заявляет на всех углах, будто он-де гладиатор! — И Удольф сопроводил эти слова полновесным глотком арака. — С другой стороны, у него полным-полно влиятельных сторонников и в войске, и вообще повсюду. Кое-кто даже полагает, что со временем он не удовольствуется ролью Тирана, а отважится бросить вызов ревнителям традиций и священству и объявит себя Императором. А ведь глупый народ, это точно, рад будет поддаться его обаянию!

Удольф говорил и говорил, проявляя красноречие особого свойства, которое только и бывает присуще аристократам во хмелю. Время от времени он спрашивал мнения своих собутыльников, но не слишком прислушивался к их осторожным ответам, разговаривая, по существу, сам с собой. Его молодые слуги держали рты на замке, глаза у них были трезвые.

— Так что там насчет поединков во время завтрашнего представления? — настаивал Удольф. — Ставки еще не определены; я даже не думаю, чтобы толком утрясли порядок, кто

против кого. Там вообще-то предвиделась схватка между двумя великими чемпионами, но по какой-то причине о ней до сих пор не объявлено...

— Ничего не знаю, честное слово, — вполне искренне сказал киммериец. — Но я бы на твоем месте, ни на кого в этой схватке много не ставил. Ты же сам знаешь, какие хитрости порой пускаются в ход.

Внутри него уже оформлялось некое знание, и он не мог удержаться от намека, хотя бы и такого невнятного.

Наступил завтрашний день, и до самого начала состязаний не было сделано никакого объявления о порядке поединков. Все усложнил, — а может быть, наоборот, упростил? — несчастный случай, произшедший (во всяком случае, обнаруженный) рано поутру. Дело в том, что возле ворот циркового комплекса было найдено бездыханное тело Хальбарда Великого. Без сомнения, гладиатора зарезали воры...

Глава девятая

КРОВАВОЕ РАЗВЛЕЧЕНИЕ

День выступления занялся ясным и солнечным. В тени западной стены Империум-Цирка с раннего утра толпился народ. Люди покупали у уличных лоточников горячий чай с булочками, вполголоса переговаривались и строили догадки относительно предстоявших сражений. Убийство Хальбарда пока держалось в секрете, дабы не вызывать волнений и беспорядков. Его тело провезли внутрь цирковой территории на закрытой тележке сквозь задние ворота, чтобы никто не заметил.

Часа через два, когда толпа заполонила всю улицу перед Цирком, начали впускать народ.

Сразу за внешними воротами продавали входные билеты. Длинные тоннели, полого поднимавшиеся к зрительским местам на арене, были еще заперты. Чтобы пройти к ним, надо было пересечь довольно большую площадку, и здесь уже вовсю трудились артисты, развлекавшие публику вспомогательными номерами. На ковре с золотой бахромой, расшитом яркими символами звезд и планет, сидела коленопреклоненная Иокаста с лицом, покрытым вуалью. Глядя в шар, выточенный из дымчатого хрустала, она предсказывала всем желающим судьбу, а также исход гладиаторских схваток. За широким столом расположился Бардольф, его вотчиной были азартные игры. Расписные карты и кости так и мелькали в ловких руках. В сторонке, за занавеской, можно было насладиться редкостным зрелищем. Заплатившему известную мзду предоставлялась возможность своими глазами увидеть черную тигрицу Квамбу и ученого медведя Буруду. А высоко над головами, на тугих канатах и деревянных брусьях, укрепленных в пространстве между стенами Цирка, творили невероятные чудеса Летучая Женщина Сатильда и ее молодые гимнасты. В общем, артисты из труппы Ладдхью ни в коем случае не давали городским зевакам скучать, а заодно и всемерно способствовали облегчению их кошельков.

Конан поднялся на самый верхний ряд трибун и некоторое время смотрел вниз, следя, как взлетала и ныряла неподражаемая Сатильда. Он видел лица людей, взирающих на нее снизу, видел на рожах зрителей животное влечение и людоедскую жажду крови. В тамбурин, что держала перед собой Яна, исправно сыпались монеты. Возлюбленной Конана предлагалось исполнять все более сложные и опасные трюки. По мере того как солнце поднималось выше, из богатых вилл, многие из которых были расположены в двух шагах, начали прибывать позолоченные носилки и колесницы, запряженные великолепными лошадьми. Это ехали известные, богатые люди. Каждого ждало собственное место на трибуне для привилегированных зрителей. Владельцам носилок и колесниц не надо было приходить заранее и теряться среди быдла в общей толпе.

Конан выделил наметанным глазом богатых коринфийских купцов, жрецов в серых одеждах, военачальников с красивыми и празднично одетыми спутницами. Слуги и стража прокладывали им путь в плотной толпе. Потом внизу, на арене, раздался однократный призыв трубы. Так, по давней традиции, гладиаторов уведомляли о том, что пора было приготовиться к выступлению. Готовился киммериец недолго. Он не просил Мемтепа отложить для него какие-либо доспехи, решив удовольствоваться чешуйчатым килтом для предохранения паха и живота. Здесь не увлекались латами и кольчугами, предпочитая намазывать все тело и волосы густым слоем масла, чтобы соперник не мог вцепиться мертвой хваткой и наделать беды. Слуги помогали гладиаторам умащиваться перед боем, зачерпывая масло из глиняных горшков и услужливо застегивая пряжки ремней. Мемтеп самолично подошел к Конану и заставил его надеть на

голову металлический шлем с большим козырьком, заверяя молодого варвара, что толку от шлема будет побольше, чем от железного килта.

Все это происходило на учебном дворе; к бою в мрачном молчании одновременно готовилось десятка два гладиаторов. Даже лучшим приятелям, вроде Игнобольда, Мадазайи и Роганта, нечего было сказать друг другу перед сражением...

Очень скоро с арены донесся троекратный зов трубы. Значит, публику начали впускать на трибуны. Почти сразу послышался характерный гул, проникавший во все закоулки цирковых построек и заставлявший волноваться обитателей зверинца: шаги тысяч ног, шаркавших по вытертым каменным плитам, и ропот примерно десяти тысяч голосов, что-то восклицавших, ругавшихся, кого-то призывающих посреди всеобщей борьбы за выгодные места.

Этот гул вскоре выровнялся и, отнюдь не исчезнув, пронизал своими вибрациями самые камни Империум-Цирка и даже землю под ногами. Заунывные трубы принялись исполнять замысловатые трели, и гладиаторы двинулись главным тоннелем на арену: им надлежало присутствовать при торжественном открытии сегодняшних игр.

Арена за минувшие несколько дней полностью изменилась. Больше не было ни углублений, ни каких-либо сооружений. Повсюду только свеженасыпанный, ровный белый песок.

Гладиаторы миновали Врата Воителей и вышли на ослепительный солнечный свет. Со всех сторон слышался приглушенный рокот толпы.

Их появление вызвало бурю приветственных криков, прокатившуюся, как волна, по всей чаше Цирка до самых верхних рядов. Потом крики стихли, раздались короткие, повелительные сигналы трубы, означавшие выступление влиятельного вельможи.

— Граждане Луксура! Добро пожаловать на сегодняшние игры! Я учредил это представление, дабы воздать честь могучим героям, как новичкам, так и всеми любимым, прославленным чемпионам, что орошают нашу арену своим честным потом и священной кровью. Радостно видеть, сколь много наших сограждан пришло выразить им свое уважение!

Говоривший был не кто иной, как сам Тиран. Гордый Коммодорус стоял на своем возвышении у края арены. Его плечи облекала белая тога с золотой каймой, свисавшая красивыми свободными складками, дабы подчеркнуть совершенство подтянутого, крепкого тела. Под тогой красовались боевые доспехи: поножи до колен, бронзовый нагрудник и чешуйчатый килт, а у пояса в ножнах висел короткий меч. Уж верно, подобный наряд был выбран не случайно и вполне соответствовал похвальбе Коммодоруса, якобы когда-то бывшего гладиатором.

— Что же касается распорядка сегодняшних зрелищ, — продолжал Тиран, — я весьма сожалею, но окончательная распись поединков была составлена лишь нынче утром и не была выведена заблаговременно. Надеюсь, однако, что каждому из вас уже представилась возможность сделать ставку на того гладиатора, который представляется ему наиболее достойным! А теперь позвольте мне с величайшим сожалением объявить, что означенной задержкой мы до некоторой степени обязаны печальнейшему событию, а именно, трагической гибели одного из наших прославленных победителей. Мы знали его под именем Хальбарда Великого...

Это надгробное слово вызвало немалый шум на трибунах. Всеобщим вздохом горя его трудно было назвать. Люди обсуждали непредвиденную перемену, испытывали неизбежное разочарование и строили новые планы, прощаясь с чем-то привычным и знакомым.

Конан, стоя вместе с другими гладиаторами в последнем клочке тени у восточного барьера арены, воспользовался минуткой относительного спокойствия и присмотрелся к зрителям, плотно обсевшим скамьи. Он сразу заметил, что последние изменения в устройстве арены, которым он недавно был свидетелем, завершились, и нижние ряды почетных сидений на западной стороне Цирка теперь прикрывала каменная терраса с высокими арками.

Приглядевшись, Конан рассмотрел там знакомые физиономии из труппы Ладдхью, в том числе Сатильду, еще не снявшую гимнастического костюма. Стало быть, акробатов пригласили внутрь, чтобы они составили компанию богатым и знатным, пока будут длиться гладиаторские бои. Тут снова воцарилась тишина: Коммодорус продолжал свою речь.

— Отдавая скорбную дань безвременной смерти героя, не будем все-таки забывать, что сегодня у нас праздник! Возрадуемся отваге молодых бойцов, лишь недавно сумевших о себе заявить, возрадуемся искусству акробатов, провидцев и невиданных зверей из труппы мастера Ладдхью. Эти замечательные артисты решили продлить срок своего пребывания в Луксуре, чтобы восхищать нас снова и снова! Поприветствуем же их!..

Трибуны послушно разразились рукоплесканиями.

— А еще, — продолжал Коммодорус, — сегодня мы имеем честь принимать высокого гостя. К сонму блестательного духовенства и военачальников, вельмож и ученых светил, каждый раз посещающих наши скромные торжества, добавился почетнейший гость — Верховный Управитель Бальбал. Мы все знаем Бальбала как достойного избранника церкви и города, главного распорядителя стражи и судов. Добро пожаловать, Бальбал!

Он сделал широкий жест рукой, и с почетного сиденья на балконе поднялся невысокий полный человек. Он был облачен в пурпурную тугу, на голове блестел позолоченный шлем с высоким гребнем. Было заметно, как ерзal этот шлем, неплотно держась на лысеющей голове. Бальбал производил впечатление скорее чиновника, нежели непреклонного борца за правопорядок. Он даже не попытался обратиться к шумной толпе, отдававшей тем, что помахал, рукой, и вновь скрылся среди свиты Тирана.

— Итак, начнем представление! — объявил Коммодорус, когда Бальбал отступил в глубину балкона. — Но сперва, друзья мои, позвольте спросить: что каждый из вас думает о вооруженных грабителях? Я имею в виду изменников, самовольно покинувших армию своего королевства, дабы наживаться разбоем, грабя торговые караваны, путешествующие между могучей Стигией и нашим возлюбленным государством-побратимом — Коринфиеей. Как, повышающему, что следует делать с такими разбойниками?

Толпа своего мнения отнюдь не скрывала. Раздался дружный рев, от которого затряслись скамьи. Тысячи людей гневно потрясали в воздухе кулаками.

— Как вы считаете, сограждане, — продолжал Коммодорус, — способны ли эти налетчики, трусливые хауранские дезертиры... — право, они всего лишь трусы, несмотря на всю свою жестокость и подлость! — способны ли они одержать победу над славными героями нашего Цирка? — Тиран сложил на груди руки. — Помните, они знают наше правило: пленник, одержавший победу, получает свободу...

Его последние слова почти заглушил ужасающий гвалт: зрители вопили, размахивали руками, кто-то вскачивал на ноги и, одолеваемый жаждой крови, чуть ли не падал вниз, на арену.

— А теперь — тихо! — приказал Коммодорус. — Сейчас Храмовый Первосвященник Некродиас произнесет молитву и призовет Богов. Потом выведут пленников, и мы с вами увидим, кто победит!

Лысый старый Первосвященник скрипучим голосом заговорил на древнестигийском; слова и фразы казались совершенно непроизносимыми — язык сломаешь.

Тем временем у противоположного края арены начались какие-то приготовления. Там находились те самые ворота, сквозь которые в день своего прибытия выехал на заклание цирк Ладдхью. Теперь Конан знал, что люди называли этот проход Вратами Бросающих Вызов. Вот они распахнулись, и на арену вырвалась разношерстная команда — кто верхом на лошади, кто пешком.

Все это были рослые воины с правильными чертами лица, одетые так, как одевались в горах

и в пустыне. Но как ни засалены были изорванные одеяния, все-таки преобладали желто-коричневые цвета Хауранского войска. Кое на ком еще виднелись остатки тамошних доспехов с облезшим серебряным покрытием: у одного шлем, у другого щит, у третьего кольчуга, изредка — поножи или боевые рукавицы. Что касалось оружия, Конан приметил только мечи и кинжалы. Луков и длинных пик, присущих конникам, видно не было. К тому же из двух десятков пленников на конях сидело не более полудюжины. Несколько лошадей казались тощими и наполовину загнанными, а те, что выглядели свежее, были явно плохо обучены и не привыкли к своим наездникам. Сами воины тоже производили впечатление измученных и голодных. И, тем не менее, это были бойцы как на подбор: тощие, жилистые, насквозь прожаренные солнцем пустыни.

Они выбрались на арену и кое-как встали строем, с конниками по краям. Выстроились и гладиаторы. Среди них не было всадников, но с боков на арену выехали две колесницы, запряженные четверками коней, каждая с опытным возницей. На ту и другую колесницу без промедления забралось по двое гладиаторов с копьями и мечами. Среди них были Рогант и Мадазайя. Конан остался пешим: ему больше нравилось, когда его движение зависело только от него самого. Вот боевые повозки разъехались в стороны для вящей свободы маневра, и строй гладиаторов ожила. Цирковые бойцы выкрикивали оскорблении и угрозы, размахивали оружием (еще и затем, чтобы продемонстрировать мышцы).

Хауранцы, напротив, двигались вперед молча, сохраняя привычную фалангу, прикрытую с боков верховыми. Предчувствие не обмануло Конана: противник был и вправду нешуточный. Цирк погрузился в тишину. Ее нарушали лишь отдельные выкрики и замысловатые проклятия, долетавшие с трибун. Два строя постепенно сходились. Каждый из бойцов уже наметил себе первую жертву и теперь приглядывался к сопернику, пытаясь оценить его силу. Потом вдруг хлестнули кнуты, и две колесницы рванулись с места вскачь. Хауранские всадники, двигавшиеся по бокам пешего строя, пустили в ход шпоры, послав коней навстречу, а пешие с молчаливой яростью бросились вперед. Скоро зазвенела сталь, и раздались крики.

Всадники сшиблись с колесницами, но остановить их не смогли: те своей тяжестью отбросили наездников прочь, тем более что большинство отшвырнувших коней, и так-то мало годилось для битвы. Пешие хауранцы вновь показали отменную выучку: вмиг сомкнули ряды и устояли перед натиском гладиаторов. Однако колесницы уже развернулись и начали раз за разом проноситься совсем близко от них. Из двоих воинов, стоявших на каждой, один орудовал мечом, другой метал дротики, причем почти в упор. Пешему строю почти невозможно выдержать такую атаку. На горцев нападали то сзади, то спереди, вынуждая либо прикрываться щитами от дротиков, либо ломать строй и бежать. Так в скромом времени и произошло, и гладиаторы с ревом устремились вперед, врываясь внутрь прогнувшейся фаланги.

Конан оказался носом к носу со смуглым широколицым воителем, чью верхнюю губу рассекал старый косой рубец. Дрался хауранец искусно, отбивая выпады Конана ржавым стальным щитом и стараясь его достать длинной кривой саблей. Киммериец сразу сообразил, что этот малый был бы гораздо опаснее, если бы сидел в седле. Ноги у него работали далеко не так проворно, как это требуется фехтовальщику. Может, с непривычки слишком долго тащился пешком, а может, избили в плenу. Конан пнул его в колено, заставив споткнуться, потом нанес гулкий удар по шлему и обошел хауранца сбоку. Конец его меча проник под заднюю пластину вражеской брони, и короткий тычок снизу вверх оборвал земную жизнь хауранца. Конан еще не успел высвободить меч из обмякшего тела, когда к нему подлетел всадник. Киммериец немного запоздал вскинуть обагренный кровью клинок, но, к счастью для него, наказания не последовало: пугливый, необученный конь скакнул в сторону чуть-чуть раньше, чем следовало. Меч всадника прошел слишком высоко и скользнул по клинку Конана. Ругаясь, всадник

развернул непослушное животное и взмахнул мечом, намереваясь добить киммерийца. Конан ждал его, низко припав к земле: пусть, как следует, нагнется в седле. Когда же вражеский меч пошел вниз, Конан не стал его отбивать, а, наоборот, метнулся навстречу, оказавшись так близко от лошади, что грива стегнула его по лицу. Крепко ухватив запястье опускавшейся вооруженной руки, Конан мощным рывком вытащил противника из седла. Надо отдать должное хауранцу: грохнувшись на песок, он не остался беспомощно лежать плашмя, а сразу перекатился и даже не выпустил меча из руки. Мгновенно вскочив на ноги, он обрушил на Конана град свистящих ударов.

Вот только противник ему достался не по зубам. В ударах хауранца не было достаточной силы: то ли сказалось падение с лошади, то ли прежние раны были тому виной. Сделав вид, что раскрылся, Конан заставил спешенного всадника сделать слишком дальний выпад и потерять равновесие на мокром песке... И тотчас нанес ответный удар, прикончив хауранца милосердным, быстрым движением.

Вокруг стоял жуткий вой и лязг боя, но Конану показалось — или не показалось? — будто в момент гибели всадника одобрительный рев трибуна сделался чуточку громче. Его слуха коснулись даже отдельные крики, каким-то образом прорезавшие всеобщий гвалт.

— Конан!!!.. — пронзительно вопили какие-то почитатели.

— Да здравствует Конан Сокрушитель!!!..

Киммериец стащил с головы неуклюжий шлем и ответил на приветствия, тряхнув промокшей вороной гривой.

Бой между тем близился к завершению. Хауранцы рассыпались по арене,, и те, кого не переехали колесницы, гибли под мечами гладиаторов, действовавших слаженно и безжалостно.

Всадники еще пытались помочь своим пешим товарищам, но напарнивались на копья или оказывались без лошадей, и ссаженных конников тут же ловили и рубили буквально на части.

Большинство хауранцев погибло, сражаясь, посередине арены. Только двое бросили наземь оружие и побежали к воротам. Но как они ни кричали, как ни колотили в них кулаками, ворота оставались закрытыми. Вскоре подоспели колесницы и прикончили беглецов. К неописуемому восторгу толпы, наблюдавшей их гибель в трех шагах от себя...

Конан не стал принимать участия в расправе над обреченным врагом. Оглядев арену, он ощутил странное разочарование. Верхом, на воле, в своих родных предгорьях хауранцы славились как поистине непревзойденные воины. Здесь, в Цирке, это были несчастные пленники, сломленные если не духовно, то физически. После того, как их морили голодом, и пешими тащили сотни лиг по раскаленной пустыне, они мало что могли противопоставить сытым и хорошо тренированным гладиаторам. Словом, бой показался Конану определенно нечестным. Вместо битвы, достойной мужчин, на арене происходила какая-то показуха.

Что до гладиаторов, все они остались живы и на ногах. Те, кто был, с позволения сказать, ранен, мог похвастаться разве что помятой рукой или ногой или кровавой ссадиной на голове.

Вот вышли со своими крючьями и тележками жрецы в красных одеждах и начали убирать мертвых, а цирковые бойцы возобновили строй. И под громоподобные аплодисменты всего цирка развернутой шеренгой встали перед балконом Тирана.

— Великолепно! — провозгласил Коммодорус, утихомиривая разошедшуюся толпу широкими, повелительными жестами оратора. — Изменников постиг заслуженный конец, не иначе, предопределенный самими Богами, а наши герои в который раз покрыли себя славой, подтвердив свою непобедимую мощь! — И он торжественным движением ответил на салют гладиаторов, стоявших внизу с мечами наголо. — Мы приветствуем вас, герои Луксур!

Взрыв восторга, сопроводивший эти слова, далеко превзошел все, что Конан до сих пор слышал на этой арене. Зрители не просто аплодировали, — они еще и вовсю топали ногами по

каменным плитам. Ничего удивительного, что Цирк задрожал. Даже песок на арене ощутимо зашевелился — так дрожит поверхность воды, готовой вот-вот закипеть в медном кotle.

— А теперь — развлечение попроще, — продолжал Коммодорус, когда буря несколько стихла. — Наш почтенный гость, Управитель Бальбал, согласился принять в нем участие вместе со мной. Сейчас мы спустимся на арену!

Тут опять начался топот и крик, послышался свист и веселые выкрики. По всей видимости, то, что собирался предпринять Коммодорус, было знакомо и привычно зрителям и весьма ими любимо. Но ничего необыкновенного, сущего острые ощущения, не содержало. Приготовления уже шли полным ходом. На арену вытащили огромную передвижную лестницу, покрытую ковром и окаймленную позолоченными перилами. Добрых два десятка рабов собирались установить ее около Врат Героев, чтобы Тиран и кто там еще пожелает могли без труда сойти вниз, на песок. А потом вернуться назад.

Тем временем гладиаторы удалились к стене арены, где уже стояли столы и скамейки, а рабы выставляли напитки и блюда с легкой закуской. Слуги вооружились кувшинами и губками и принялись отмывать загорелые тела бойцов от пота, крови и налипшего песка, одновременно помогая начищать оружие и доспехи. Солнце висело прямо над головами, жара стояла невыносимая. Многие воины рады были избавиться от разогревшихся металлических пластин доспехов и удушливых стеганых курток. Рабы полными кувшинами окатывали их водой, и происходило это под восторженно-игривые вопли зрителей, сидевших на ближайших рядах. Вернее сказать, зрительниц: здесь сидели в основном жены богатых луксурцев и их смазливые дочери, и все они тянулись вниз, поближе к своим любимцам, самым нескромным образом повисая на ограждении. Оттуда, где расположился Конан, Сатильды не было видно. Киммериец только надеялся, что она успела заметить: ни он, ни Рогант нисколько не пострадали.

Служители, вышедшие на середину арены со скребками, лопатами и тележками, запряженными осликами, уже прибрали напитанный кровью песок и лошадиные «яблоки». Теперь там полным ходом шли новые приготовления. Рабы раскатывали длинный ярко-малиновый ковер, простиравшийся от подножия передвижной лестницы почти до центра арены. Там поставили два мягких дивана и столик с напитками.

Вот громко залились трубы, загремели барабаны, и по лестнице спустилось двое мужчин.

Коммодорус шел горделивым, упругим шагом, держа в руке лук. На плече у него висел полный колчан стрел. Полнотелый Бальбал, в противоположность Тирану, был почти смешон. Он двигался неуверенно, неуклюже и спускался вниз явно без особой охоты. Его руку оттягивало длинное копье, слишком громоздкое и тяжелое для Управителя. Вряд ли он сумеет как следует метнуть его в цель. От него вообще не приходилось ожидать особенной прыти: даже крутые ступени были для него заметным препятствием — к полному восторгу толпы. У обоих мужчин также были мечи, висевшие в ножнах на поясе. Позади следовали два дворцовых стражи с длинными алебардами. Достигнув нижних ступеней, Тиран отдал короткую команду, и стражники замерли, вытянувшись. Они не последовали на арену за господами. Коммодорус сразу направился по ковровой дорожке к столику и диванам, казавшимся маленьким островком роскоши посреди моря песка.

Верховный Управитель едва за ним поспевал. Выйдя на середину, Тиран и Бальбал не стали садиться, напротив, они как будто чего-то настороженно ждали. Народ аплодировал, отмечая про себя, как несхожи были двое мужчин. Потом трибуны притихли, а в дальнем конце арены начала открываться дверь. Она располагалась в одном из «носиков» овала. Именовали этот проход Вратами Зверей.

В темной дыре замаячили бесформенные тени. Потом на солнечный свет вышли три зверя. Это были степные львы, рыжевато-бурые, с черными гривами и темными кисточками на хвостах.

Они выскоцили наружу почти одновременно, ворча и огрызаясь один на другого, и на невидимых служителей, погонявших их вперед. У самого порога Врат лев, бежавший последним, всерьез набросился на предпоследнего. Раздалось яростное рычание, когти полоснули с треском, напоминавшим звук рвущейся парусины. Драку пресек низкий, повелительный рев вожака. Три зверя двинулись вперед, осматривая песчаное пространство блестящими глазами, привыкшими обшаривать горизонты южных саванн...

Они недолго задерживались под стеной: крики зрителей и мусор, сыпавшийся сверху, пришли к хищникам не по вкусу. Раздраженно рявкая, они пробежали вперед на полусогнутых лапах, примериваясь к единственной дичи, представшей их взглядам. А именно, к правителю Луксура, вдвоем со своим полнотелым сотоварищем ожидавшему их посередине арены.

Несмотря на порядочное расстояние, Конан без труда разглядел, что пленные хищники были измучены голодом. Ребра так и торчали на их гибких боках, покрытых шрамами и отметинами, оставленными поимкой и перевозкой. Киммерийцу доводилось видеть более крупных степных львов, но таких целеустремленных — еще никогда. Они надвигались на «дичь» короткими перебежками, все время, бросаясь из стороны в сторону, явно для того, чтобы сбить с толку свои жертвы и постепенно подобраться достаточно близко для прямого броска.

Коммодорус взирал на опасных хищников спокойно и с подчеркнутым безразличием. Он даже повернулся к столу и налил себе прохладительного в высокий бокал. Бальбалу же было определено не по себе. Бедняга так и прирос к месту, вцепившись двумя руками в слишком длинное копье. Он судорожно крутился туда и сюда, и конец копейного древка неловко чертил по песку. Было видно, как дергался гребень его шлема, когда он поворачивал голову. Страх заставил его отбросить всякое достоинство.

Когда Коммодорус предложил ему бокал, он отказался, нервно взмахнув дрожащей рукой, и с величайшей тоской оглянулся на лестницу, устланную коврами. Это проявление страха вызвало презрительные перешептывания на трибунах. Бальбал вряд ли слышал. Он более не сводил взгляда со степных львов, припадавших к песку в опасной близости от его пухлого уязвимого тела...

Сидя под стеной арены, Конан слышал отдельные выкрики из толпы.

— Беги, Бальбал! Беги, трясущаяся медуза! — подал голос какой-то острослов. — Удирай, пока свою тогу не промочил...

— И кто тебя только поставил командовать городской стражей? — насмехался другой.— Смотри, львы сожрут!

— Как он дрожит! Сейчас сандалии свалятся! — прозвучал пренебрежительный женский голос. — А если бы кочевники ломились в городские ворота? Коммодорус — это, я понимаю, мужчина! Любо-дорого посмотреть! Вот уж кто знает, как надо драться!..

Как раз при этих словах Тиран натянул свой мощный лук и выпустил первую стрелу. Она попала во льва, подобравшегося совсем близко слева. Зверь так и взвился в воздух от боли и изумления. И завертелся, яростно кусая собственный бок.

Обеспокоенные такой неприятностью, два других льва затрусили вперед. Вторая стрела Коммодоруса угодила переднему прямо в грудь. Лев остановился как вкопанный. Потом рухнул на песок. Он был мертв.

Публика от души аплодировала. Еще звучали рукоплескания, когда хищник, подбитый первой стрелой, прыгнул так стремительно и внезапно, словно вовсе и не был ранен. Приземлившись у самого края ковра, зверь собрался в тугой жилистый ком и рванулся прямо на врагов, перевернув при этом обтянутый шелком диван.

Коммодорус поспешил вскинуть лук, и стрела поразила льва на лету. Она вошла ему в горло, так что снаружи осталось торчать лишь яркое оперение, но прыжка, конечно, не остановила.

Тяжелое, бьющееся в конвульсиях тело рухнуло между стрелком и его перепуганным спутником.

Удар лапы умирающего животного сшиб Коммодоруса с ног и выбил лук у него из ладони. Лук отлетел далеко прочь, ударяясь оземь, то одним концом, то другим, тетива порвалась.

Третий лев, полный ярости и сил, быстро бежал вперед, готовясь к прыжку. Бальбал пригнулся в каком-то подобии стойки, держа торчком свое бесполезное оружие. Он не смел повернуться спиной к опасности и попробовать убежать на лестницу. Он понимал, что все равно не успеет.

Коммодорус, привыкший действовать быстро, мигом вскочил на ноги. Выхватив тяжелое копье из обмякших рук Управителя, он живо опустил блестящий наконечник и крепко утвердил в песке черенок. В этот самый миг лев прыгнул, издавая громоподобный рев.

И напоролся прямо на стальное острие. Древко копья изогнулось и проехало по песку, но не сломалось.

Трибуны снова сошли с ума, сотрясая воздух приветственным криком. Коммодорус вскинул руки, приветствуя зрителей. Он держался с полным спокойствием, так, словно ничего из ряда вон выходящего не произошло. Управитель Бальбал сначала попятился от обмякших туш хищников, потом повернулся и заковылял по ковровой дорожке, не обращая внимания на вопли толпы и думая только об одном: как бы скорее унести ноги с арены. Тиран еще какое-то время красовался, поставив ногу на труп льва. Потом быстрым шагом догнал своего гостя, и уже вдвоем, забрав с собой стражу, они вновь поднялись на балкон.

— Вот так наш Тиран добивается народной любви, — заметил сидевший рядом с Конаном Игнобольд. — Он одерживает нетрудные победы, а заодно унижает своих политических противников и разных подхалимов, если они ему не нравятся. Все чиновники, ясное дело, до смерти боятся арены, но поди откажись!.. Будет еще хуже, если народ начнет презирать...

Вскоре лестницу унесли, а мертвых львов уволокли конные упряжки, и был объявлен первый из послеполуденных поединков. Конану не довелось загодя ознакомиться ни с устными, ни с письменными объявлениями. Тем не менее, он с большим интересом следил, как Саркард, по праву считавшийся одним из лучших фехтовальщиков Империум-Цирка, сошелся с иноземным борцом по имени Ксотар Душитель.

Они встретились посередине арены, ибо Ксотар, не участвовавший в утреннем сражении, вошел через Врата Победителей. Ксотар, невысокий, коренастый, с необыкновенно толстой шеей, отличался оливково-смуглой кожей обнаженного торса: такой оттенок присущ был туранцам. Душитель разминался на ходу, так что по мышцам рук и груди пробегало волнообразное напряжение. Трудно было сказать, готовился ли он к бою или просто красовался перед зрителями.

На Саркарда его упражнения не произвели видимого впечатления. У фехтовальщика был при себе меч, тогда как единственным оружием Ксотара был короткий хлыст, заткнутый за пояс.

Конан, однако, обратил внимание, что меч был тяжелым и длинным, — такой больше подходит для того, чтобы рассекать кольчуги и латы, а не пришипливать в быстром выпаде почти нагого противника. К тому же Саркард, хоть и расстался со шлемом и щитом, все-таки не снял кольчужной рубашки, и она, должно быть, в некоторой степени отягощала и стесняла его.

Вероятно, Саркард не собирался доводить дело до ближнего боя и надеялся, что сумеет удержать противника на должном расстоянии...

Бойцы отдали салют Коммодорусу — и сошлись. Как и предвидел Конан, гибкий борец без особого труда ушел от могучего размаха меча... еще и еще раз... а потом проник под руку соперника, и тому не удалось достать его возвратным движением клинка. При этом хлыст свисал в руке Ксотара и казался почти безобидным, пока борец не хлестнул им снизу вверх, метко попав Саркарду в лицо и на какое-то время его ослепив.

Когда тот проморгался, было слишком поздно. Одна рука Ксotара уже обвилась змейей вокруг его шеи, другая вцепилась в звенья кольчуги. Саркад вынужден был упасть на колени. Он еще попытался замахнуться, но его рука дрогнула, а потом и вовсе выпустила оружие. Ксotар слишком хорошо знал, что делал. Он умело использовал свой вес, прижимая фехтовальщика к земле.

Рев толпы покрыл все прочие звуки. Люди размахивали руками, раздавался слаженный, ритмический топот множества ног. Кто-то мчался по проходам между рядами. Наверное, подумалось Конану, это спешили получить свой выигрыш те, кто ставил на Ксotара. Борец удерживал Саркада уже достаточно долго: наверняка ему засчитывают победу!

Минуло невыносимо долгое мгновение, и вот, наконец, Душитель ослабил захват и поднялся.

Один его противник остался лежать на песке, обмякший, ужасающее бледный... и, вне всякого сомнения, мертвый. Конан поневоле задумался над тем, что же могло его погубить. Он не заметил никакого удара ножом, не было и крови.

Если бы хрустнули позвонки, киммериец непременно услышал бы этот хруст даже среди всеобщего шума. Да и в предсмертной агонии Саркад не корчился...

Конан сидел на жарком солнцепеке, и все-таки в спину словно бы потянуло жутким ледяным сквозняком. Он видывал на своем веку немало поединков и битв. Но ни разу еще при нем не удушили человека так умело и быстро!

Ксotар еще постоял над поверженным телом, на забаву толпе напрягая руки, похожие на толстые витые канаты. Потом важным медленным врагом удалился с арены. Новый поединок начался не сразу: надо же было позволить улечься радостному возбуждению на трибунах, дать зрителям время переварить новые впечатления.

В следующей схватке сошлись Сист (парень из цирковых новобранцев, приведенных Датом из трущоб Внутреннего Причала) и еще один – не слишком примелькавшийся гладиатор по имени Калликс. Сист по традиции изображал так называемого «рыбака». Его вооружение состояло из остроги, сети, снабженной грузилами, и ножа для потрошения рыбы. Конан видел, как парень тренировался во владении этим оружием. Не подлежало сомнению, что у него был богатый опыт рыбной ловли на речных отмелях. А может быть, и портовых драк... Его сеть так и носилась в воздухе, то свистя, как плеть, то пузырясь и опадая; Сист уверенно грозил ею сопернику, ничуть не боясь запутаться сам.

Юный Калликс был снабжен щитом, шлемом, копьем и мечом в ножнах. Когда начался бой, он, несмотря на кажущееся превосходство в вооружении, сразу обнаружил, что прорываться сквозь своеобразный заслон летучей сети трудно и небезопасно, а потому вынужден был все время отступать.

Потом он сделал ошибку: метнул копье. Делать этого ни в коем случае не следовало, ибо только копье и не давало Систу подобраться к нему вплотную. Ловкий уличный боец легко увернулся от копья и, пока его замешкавшийся противник вытаскивал из ножен меч, подскочил к нему вплотную. Первый взмах сети Калликс кое-как отвел своим коротким клинком, но оказался совсем не готов к удару тяжелых свинцовых грузил, с глухим лязгом шарахнувших его сбоку по шлему. Калликс потерял равновесие, качнулся вперед и тут же споткнулся, запутавшись в ячейках сети. Длинная зазубренная острога тотчас метнулась вперед, пронзив человеческое тело так же быстро и безжалостно, как какую-нибудь бьющуюся рыбешку.

Сист принял оглушительные поздравления толпы спокойно, с каменным лицом. Добив жертву коротким ударом ножа, он высвободил острогу и сеть. И, едва удосужившись поднять голову навстречу шквальному обвалу рукоплесканий, удалился через Врата Героев.

— Блистательная победа! — сказал Коммодорус с балкона. — А теперь — третья и

последняя схватка! — Слова Тирана на всякий случай повторяли глашатаи, расставленные вдоль всего барьера арены. — Итак, высоко ценя труппу досточтимого Ладдхью, мы выставляем их нового бойца, Конана Сокрушителя, против всем известного чемпиона, Мадазайи Стремительного, называемого также Мастером Меча...

Для Конана эта новость прозвучала точно раскат зловещего грома. То есть он, конечно, наполовину ожидал, что сегодня ему вновь придется сражаться. Уберегая себя от лишних переживаний по этому поводу, он даже не стал интересоваться очередностью поединков. Но чтобы его первым противником на здешней арене оказался именно Мадазайя... так скоро... и уже ничего не переменишь, ничего не удастся придумать...

Многие гладиаторы были славными ребятами и добрыми приятелями, но в чернокожем кушите он ощущал поистине родственную душу. И Конан решил про себя: нет уж, ни убивать, ни серьезно калечить Мадазайю он не станет. Чего бы это ни стоило ему самому.

Киммериец вышел на середину арены, застегивая шлем (тот действительно давал кое-какую тень и к тому же скрывал выражение лица), и попытался встретиться с другом глазами. Не получилось. Его противник отрешенно шагал, опустив голову и глядя себе под ноги. Рядом с кушитом семенило двое цирковых рабов: один якобы протирал его щит, украшенный черной эмалью, другой наводил последний глянец на золоченые бляхи широкого металлического пояса, — безобидная показуха, простительная доселе непобежденному чемпиону. Конан все время косился на них краем глаза и спустя некоторое время испытал странное ощущение: ему стало казаться, будто рабы не столько возились с доспехами Мадазайи, сколько вели его к месту сражения. Можно подумать, без посторонней подмоги он туда не дошел бы! Они сопровождали его до самой середины арены, где уже потрудились уборщики, не оставившие на белом песке ни следа крови. Они чуть ли не поддерживали кушита под руки, помогая повернуться в сторону Тирана и приветственно поднять меч. Конан, блуждая обычай, сделал то же. Только тут рабы оставили их наедине и убежали к краю арены.

Стоя лицом к лицу с Мадазайей, Конан вдруг увидел, что ему не показалось: кушит действительно не вязал лыка! Чернокожего воителя опоили, без сомнения, подмешав какого-то дурмана в питье, которым их угощали после сражения с хауранцами... Он вроде бы держал меч наготове, но взгляд был тупым и безразличным. Между мыслью и действием пролег непреодолимый барьер...

Конан на пробу скрестил с ним мечи, желая разведать, осталось ли что-нибудь от мастерства несчастного Мадазайи. Кушит оборонился от его выпада, но так медленно и неуклюже, что столкнувшиеся мечи вместо звонкого лязга издали какой-то стук. Мадазайя был почти парализован. Он едва двигался!

Киммериец принял лихорадочно соображать. Кому-то понадобилось ослабить Мадазайю, отнять у него великолепное искусство фехтовальщика. Но кому?.. И зачем?.. Тут он вспомнил недавние жалобы Хальбарда, его внезапную смерть... и его осенила догадка. Мадазайя, знаменитый Мастер Меча, был, конечно же, фаворитом в поединке против никому не известного киммерийца из цирковой труппы Ладдхью. Все ждали непременной победы кушита, а значит, поставив на него, больших барышей собрать было нельзя. А вот если кто-нибудь поставил деньги на Конана, неожиданный проигрыш Мадазайи мог принести тому человеку целое состояние.

В общем, дело обстояло как раз так, как и предостерегал сам Мадазайя: тот, кто завоевал признание и славу, должен многого опасаться...

... Поединщики топтались и медлили, и зрителям это не нравилось. Они ждали стремительного кровавого действия, но приходилось довольствоваться лишь вялым и редким скрежетом клинка о клинок.

— Деритесь, трусы! — начало раздаваться с трибун.

— Давай, круши Сокрушителя, отважный кушит! Я на тебя деньги поставил!

— Эй, вы! Вас туда зачем выставили? Драться или танцевать?

— Кровь... Где кровь? Мы хотим крови!..

Постепенно луксурцы перешли от слов к делу: на арену полетели камни и всяческие отбросы. Конан понял, что придется биться всерьез. Не то, пожалуй, толпа перестанет довольствоваться ролью зрителей, хлынет через заграждение и, чего доброго, разорвет обоих на куски.

— Шевелись же ты!.. — прошипел он, ударяя по мечу Мадазайи. — Приди в себя, дружище! Надо изобразить хоть что-нибудь, чтобы унялись эти стервятники!..

Он заскакал назад и вперед, делая якобы выпады и якобы защищаясь, отшвыривая меч Мадазайи то влево, то вправо. Кушит рассеянно возвращал клинок в исходную позицию — перед лицом.

Усилия Конана только вызвали новый град насмешек.

— Да убей ты его, что возишься! — кричали с трибун. — Зачем держать его в Цирке, если он не хочет сражаться? А с ним и тебя, труса жалостливого...

С киммерийца ручьями лил пот, больше от отчаяния, чем от жары. Он чувствовал себя беспомощным, как таракан, угодивший на раскаленную сковородку.

— Мадазайя!.. — сипло повторял он. — Дерись!.. Ну же!..

Пытаясь пробудить внимание кушита, он крепко огрел его плащмя по шлему, — раз, другой, третий.

— Просыпайся, дубина! Ты что, такой же бесполезный мешок, как и все ваше черномазое племя? Сражайся, гад, пока я пинками не загнал тебя назад в вонючие джунгли...

Удары и самые мерзкие оскорблении сыпались щедрым градом, и наконец Конан воспрянул духом, заметив, как что-то изменилось в его выражении черного лица, наполовину скрытого забралом. Потом он увидел, как внезапно сузились глаза Мадазайи, а ноздри начали раздуваться... И вот, наконец, меч ожил в руках Стремительного и зазвенел о клинок Конана, точно молот о наковальню. Зрители взревели и завыли от восторга, точно стая диких животных.

— Вот так-то лучше, — отражая удары, подзадоривал друга киммериец. — Пусть получат за свои деньги то, чего хотели. А потом прикинемся, будто один из нас тяжело ранен...

Но в следующий миг Мадазайя настал на него так, что Конан прохрипел сквозь забрано:

— Потише, парень, вот ведь разошелся! Потише, тебе говорят!.. Зачем мне или тебе тут помирать?..

На его беду, отрава, подсыпанная в питье чемпиона, продолжала действовать. Мадазайя, хоть и пробудился к активным действиям и вновь обрел былую энергию, все так же пребывал во власти дурмана. Он ничего не слышал, а если и слышал, то смысл до него не доходил. Он и не думал прекращать безумного натиска, гоня Конана назад свистящими взмахами меча.

— Хватит, олух!.. — безуспешно взывал к его помраченному разуму киммериец. — Мало ли чего я наговорил, я же ничего такого не имел в виду!..

Конан уже ощущал мучительную усталость и гадал про себя, надолго ли его хватит: отражать бешеные удары делалось все трудней.

— Притворись, что бьешь низом, — взмолился он, — а я упа... о-о-ох!..

Он еще не договорил, а меч Мадазайи уже метнулся к его телу на высоте пояса. Конан загородился клинком, но положение было весьма неудобное, меч кушита проскрежетал по металлу и все-таки достал ближним краем незащищенное тело. По груди Конана потекла кровь, он кувырком полетел на песок.

— Мадазайя! О, Мадазайя!!! — вопили со скамей те, кто ставил деньги на чернокожего.—

Изруби в кровавые куски этого никчемного северянина!.. Да здравствует наш любимец, Мадазай Стремительный, Мастер Меча!..

Конан, терзаемый болью от раны, сам не был твердо уверен, оказалось ли его падение подстроенным — или все-таки настоящим. Он преисполнился самых черных предчувствий относительно того, что должно было сейчас произойти.

Свирепый соперник грозно возвышался над ним, глаза горели в прорези уродливого шлема. Вот взвился над головой тяжелый меч, вот достигли апогея вопли толпы... Конан неуверенно поднял клинок для защиты и приготовился, если удастся, хотя бы лягнуть Мадазай и тем спасти свою жизнь...

Меч кущита обрушился вниз по широкой дуге, вколотив клинок Конана в белый песок. Ножища в плетеной сандалии наступила киммерийцу на локоть, пригвоздив его правую руку.

Восторженные зрители безумствовали.

— Победил, победил, все в порядке! — пробормотал Конан, внимательно следя, не размахнется ли Мадазай для добивающего удара.— А теперь слез бы ты с меня, парень, а я притворюсь мертвым. Притворись, что ты меня уже убил!

Раны у него были вполне поверхностные, но кровь лилась вовсю. Он догадывался, что со стороны его тело выглядело так, словно над ним потрудилась стая стервятников.

Мадазай опустил меч и приставил его к груди Конана. Так, что тело ощущало зловещий холодок стали, а конец клинка окрасился кровью из раны. Потом кущит высоко воздел окровавленный меч, знаменуя победу. Империум-Цирк буквально бился в судорогах, тысячи голосов славили своего любимца.

— Это, — негромко сказал Мадазай, — научит тебя, киммериец, следить за тем, что болтает твой поганый язык...

Он убрал ступню с локтя Конана, и по тому, как он двигался, варвар понял, что Мастер Меча был еще не вполне тверд на ногах. Тем не менее, Мадазай весьма удачно изобразил торжество победителя. Он сорвал с головы шлем и, высоко подняв меч, медленно повернулся кругом.

К шуму трибун между тем добавилась суeta: горожане, возбужденные представлением, помчались получать свой выигрыш. Кто-то бежал к выходам, кто-то — к ограждению арены. Иные переваливались через барьера, приземлялись внизу и спешили к выжившим гладиаторам.

Двое цирковых служителей вернулись за Мадазай. Вид у обоих был такой, словно они сомневались, не примерещился ли им исход поединка. Их, впрочем, почти сразу отмела в сторону орава вояющих болельщиков, заклубившаяся кругом кущита. Песок, поднятый десятками бегущих ног, пылью осел на распостертое тело еще лежавшего Конана. Подхватив на руки своего героя, болельщики несколько раз с триумфом пронесли чернокожего победителя вокруг его «безжизненной» жертвы. Конан, смотревший сквозь ресницы, видел, как Мадазай пошатывался у них на плечах. По счастью, двое рабов, лелеявших неведомые замыслы, так и не смогли до него дотянуться. Вскоре они смекнули, что ничего не получится, и отступились.

Поклонники; решил Конан, сумеют наилучшим образом позаботиться о своем кумире. А там развеются и остатки дурмана, которым опоили кущита. Еще немного, и почему бы не встать и не затеряться в толпе...

Тут кто-то начал хватать его за руки и за ноги, и Конан открыл глаза, залепленные кровью и песком. Над ним склонились двое жрецов в багряных одеждах. Их молодые лица были угрюмы, а поблизости стояла ручная тележка.

— Брысь, вампиры! — зарычал на них Конан, стараясь, впрочем, не привлекать лишнего внимания. — Жадное Сетово отродье! Собрались мумилю из меня сделаться. Погодите уж, пока я помру!..

И он поднялся на ноги, оставив шлем и меч на песке и прикрывая одной рукой разодранную

грудь. Служители мертвецкой безразлично пожали плечами и молча удалились, забрав свою тележку. Что касается зрителей, то лишь немногие выказали какое-то удивление, заметив неожиданное «воскресение» киммерийца. Тем не менее, Конан постарался скорее затесаться в гуще толпы — от греха подальше.

... И внезапно подумал о Сатильде! Если она смотрела с трибун, то, должно быть, сочла его действительно мертвым. Или серьезно раненным. Он посмотрел вверх, но не смог найти ее взглядом. Ложа, в которой он давеча заметил ее, была пуста. Ставяясь не привлекать особого внимания, он оглядел передний ряд сидений вдоль всего овала арены. Сатильды не было. Он даже усомнился, видела ли она его поединок с Мадазайей.

Пока он дрался с кущитом, ему было не до того, чтобы высматривать акробатку. Может, к тому времени она успела покинуть трибуну?..

Толпа уже направлялась к Вратам Героев. Там, где недавно отдыхали гладиаторы, не занятые в единоборствах, давка творилась неописуемая. Полоумные зрители спустили с ограждения, нарочно припасенные веревочные лестницы, и со всех ног бежали прикоснуться к своим кумирам. Женщин было не меньше, чем мужчин. Может, там и Сатильда?..

Конан начал проталкиваться вперед...

— Для мертвеца ты выглядишь довольно-таки озабоченным, — произнес рядом с ним насмешливый женский голос. — А мне-то внушали, будто мертвые отрещаются от мирских забот...

Голос был чувственный, глубокий, — такие часто бывают у рыжеволосых. Конан обернулся, чтобы испепелить назойливую зрительницу мрачно-угрожающим взглядом. Но за первым взглядом последовали еще и еще: такова оказалась ее роскошная красота, слегка стесненная шелком с золотыми пряжками и самоцветами. Наряд стигийки состоял из облегающих штанишек и блузки.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что все облачение представляло собой один кусок ткани, облегавшей прекрасное тело наподобие второй кожи. Лицо, густо накрашенное и обрамленное короной медных от хны завитков, казалось маской Богини из храма Иштар. У женщины не было возраста: время, по-видимому, попросту не касалось ее. Стигийка показалась Конану драгоценной игрушкой в изящной полупрозрачной обертке.

— Да, похоже, ты не так уж и мертв, — сказала она. — Я действительно вижу какие-то признаки жизни или мне кажется?

Теперь она была совсем рядом с ним и откровенно рассматривала его с головы до ног. Он тоже посмотрел на себя. Вид у него был еще тот: весь в крови, поту и песке, из раны на груди еще сочилась липкая жидкость. А всю одежду составлял бронзовый пояс гиревика да юбочка-килт из железных листков.

— А тебе, стало быть, нравятся мертвецы? — в свою очередь спросил он рыжеволосую.

— Иногда мне случается вдохнуть в них жизнь, — ответствовала она. — А еще я даю им причину подольше оставаться в живых. — Взяв киммерийца за руку, она провела его Вратами Героев. Конан, немного посопротивлялся, но больше для виду. — Пошли, перевяжем царапины...

— Как тебя зовут? — спросил киммериец. — И еще: ты так заботишься обо всех гладиаторах или только о неудачниках?

— Я — Вивит, — представилась она. — И я думаю, что из всех здешних чемпионов Конан Сокрушитель менее всех склонен оказываться в неудачниках. Разве что он сам пожелает проиграть бой...

— Похоже, — проворчал он, — ты пристально за мной наблюдала.

И он, идя рядом с ней по тоннелю, слегка обнял Винит, притворяясь, будто опирается на ее гибкие плечи, хотя на самом деле никакая опора ему не требовалась.

— У некоторых знатных стигиек есть обычай, — начала объяснять его спутница. — Если эти женщины располагают свободным временем и притом не связаны соображениями долга, они выбирают себе любимца среди гладиаторов, чтобы оказывать ему всяческое покровительство... — Она набрала полную грудь воздуха, словно принимая какое-то решение, и продолжала: — Эта помощь и покровительство может проявляться очень по-разному. Скажем, впервые увидев своего избранника, женщина может бросить ему кошелек золота...

— Вот как! — сказал Конан и понимающе кивнул.

Деньги, которые он обычно таскал при себе, сейчас лежали в тайнике, в домике, где они жили с Сатильдой. — Ты имеешь в виду, это вроде того, как богатые люди помогают наезднику содержать призового скакуна. А скажи-ка мне, Вивит, что обо всем этом думают мужья тех благородных дам, что покровительствуют нашему брату?

Вивит улыбнулась, уютно устраиваясь у него под рукой.

— Лично мой муж, — сказала она, — от всего этого очень, очень далек. Он, видишь ли, купец родом из Коринфии. Он все время ездит туда с караванами и отсутствует по целому году. Это сберегает мне уйму времени и сил, чтобы как угодно развлекаться.

— Ясно, — проворчал киммериец.

Больше сказать ему было особо нечего.

Он прошел вместе с Вивит через сад, в тени которого рука в руке гуляли мужчины и женщины. Иные из гладиаторов уже обнимали какую-нибудь поклонницу, а то и двух сразу, другие утоляли жажду вином, щедро лившимся из бутылей и бурдюков.

Непосредственно к баням примыкал крытый павильон, служивший для переодевания, а заодно и для врачебной помощи раненым. Здесь помещались массажные столы и скамьи, горячие и холодные ванны. Врачи-невольники бесплатно раздавали из каменных кувшинов мази и притирания. И в теплом бассейне, и в павильоне было уже полным-полно атлетов и их гостей. Конан надеялся отыскать здесь Сатильду, но ее по-прежнему нигде не было видно. А Вивит и не думала от него отставать.

— Сядь вот на эту скамью и сиди смирно, я сейчас принесу воды с пихтовой живицей, — распорядилась она. — Это поможет заживлению ран и не даст им воспалиться. — Она убежала давать распоряжения врачам и вскоре вернулась с тазиком ароматной дымящейся жидкости. — Теперь приляг, а я всю эту дрянь с тебя смою... — Конан повиновался, и мягкие пальчики двинулись в путь по его ребрам, размазывая горячее пощипывающее лекарство. — Благодарение Отцу Сету! — радовалась Вивит. — Раны не так глубоки...

Она терпеливо обмывала его тело, счищая кровь и песок и нисколько не беспокоясь, что запачкает при этом свое собственное шелковое одеяние.

— Эта жестяная чешуя больше тебе ни к чему, — заявила Вивит, принимаясь за металлический килт. — И эта жалкая тряпка. Только мешает!

Она обрабатывала края раны с бесконечной заботой и нежностью, хотя киммериец не выказывал никаких признаков боли. Когда длинный неглубокий порез был должным образом очищен и промыт, Вивит умело наложила припарку из какой-то травяной мази и перевязала ему торс хлопчатой лентой, обхватив шею, грудь и живот.

— Вот так, — сказала она. — И не сползет, и двигаться тебе не помешает.

Конан посмотрел на повязки и заметил:

— До мумии еще не дошел, но наполовину приблизился.

— Ну, уж не наполовину! — возразила она. — А теперь перевернись-ка на живот. Какие у тебя мышцы! И как они, должно быть, устали после сражения! Небольшое растирание тебе определенно не повредит. Я как раз припасла немножко лекарственного масла из восточного Шема... Правда, здорово пахнет?

Недолго думая, Вивит уселась на киммерийца верхом и взялась за работу. Нежась под ее ладонями, Конан отметил про себя, какое праздничное настроение царило вокруг. Из бассейна доносился хохот и плеск воды, хриплые голоса гладиаторов мешались со звонкими и высокими женскими. Было многолюдно и в самом павильоне: повсюду лежали и сидели атлеты, окруженные жмущимися к ним, отчаянно заигрывающими поклонницами. Кое-где в укромных уголках виднелись клубки сплетавшихся тел и раздавались страстные вздохи. Кто-то за кем-то гонялся нагишом, хмельной и веселый.

— Теперь лучше? — осведомилась Вивит. — Ну-ка перевернись: может, у тебя и с другой стороны что-то болит? Ты знаешь, мое масло прямо-таки творит чудеса. Оно придает силу мускулам и омолаживает плоть, оно...

— Конан! Ты ранен?..

С другой стороны помещения к ним приближалась неизвестно откуда взявшаяся Сатильда. Вивит волей-неволей пришлось прекратить свои заботы.

— Я понятия не имела, что тебя опять заставят сражаться! — подойдя вплотную, взволнованно продолжала гимнастка. — Вот я и ушла с игр пораньше, вместе с государем Альцестием и его свитой. Потом, смотрю, твое имя на объявлениях! Я бегом назад...

Оставив в покое намасленные бока киммерийца, Вивит повернулась к Сатильде.

— Ты, наверное, акробатка! — сказала она. — Ничего удивительного, если Альцестий решил за тобой приударить. Ему нравятся худенькие чужестранки.

— Я не поехала к нему на виллу и даже в носилки с ним не садилась, — сказала Сатильда.

— Я так перепугалась, когда узнала... Конан, у тебя все в порядке?

— Раны не тяжелые, — хозяйственным тоном ответила Вивит, загораживая ей дорогу. — Я их уже перевязала. Теперь ему надо хорошенко отдохнуть, возможно, принять целебную ванну, и...

— Вивит, Сатильда, — сказал Конан, слезая со скамьи.

Блюдя скромность, он уже застегнул на себе свой боевой килт.

— Спасибо вам обеим за ваше благосклонное внимание. Честно говоря, я на ногах не стою и с удовольствием уберусь поскорее из этого сумасшедшего дома... — И он мотнул головой в сторону веселой оргии, вовсю разворачивавшейся в двух шагах. — Но если вы собирались помочь страждущим, то, пожалуй, дело найдется....

При этом он смотрел на рослого, мускулистого мужчину, сидевшего на скамье у двери по ту сторону павильона. Это был Мадазайя, которого восторженные болельщики принесли сюда на руках. Мастер Меча снова обмяк и тупо смотрел перед собой. Полудетые красотки останавливались полюбоваться им, погладить бугрящиеся могучими мышцами плечи. Чернокожий исполин никак не отзывался на ласки, и девушки отходили прочь, полагая, что он попросту пьян.

— Наш друг никак не очухается от дурмана, которым его опоили перед поединком, — сказал Конан, ведя за собой женщин к беспомощному Мадазайе. — Должно быть, крепкого зелья ему намешали. Давайте-ка заберем его отсюда и позаботимся, чтобы никто не обидел, пока приходит в себя. Отведем его в нашу труппу: авось Бардольф или Ладдхью что-нибудь изобретут...

Глава десятая

«О, МИЛОСЕРДНЫЙ ТИРАН...»

Согласно давней традиции, на следующий день после цирковых игрищ состоялись похороны. Убитого Хальбарда для успокоения умов объявили погибшим на тренировке. Его погребли в стене Цирка, в одной нише с двумя новичками — Саркадом и Калликсом. Эги двое еще не успели заработать широкой известности, так, что им в некотором смысле повезло. Если бы не Хальбард, они таких посмертных почестей вряд ли бы удостоились.

Толпа, собравшаяся в утренней тени под западной стеной Империум-Цирка, была невелика. Плачущие родственники, Мемтеп с кучкой служителей арены, несколько держателей ставок и местных вдов, не пропускавших случая порыдать на похоронах, — вот и все, кто стоял перед каменной аркой и ждал, чтобы в ней установили мумии, а потом замуровали отверстие.

Чуть-чуть запоздав, явилось несколько гладиаторов, в том числе Конан. Их приход вызвал некоторое оживление в толпе, но в основном потому, что вместе с мужчинами пожаловала Матильда и привела на золоченом поводке свою ночную тигрицу.

Конан тоже снискал некоторую долю внимания. Он заметил, как любители делать ставки приглядывались к его повязкам, стараясь определить по ним, серьезны ли раны. Впрочем, другие гладиаторы выглядели немногим здоровее его: в основном потому, что накануне вечером они допоздна кутили в «Прогулочной барже» и, как следует, нализались, Мадазайя, Мастер Меча, держался на ногах без посторонней подмоги, мрачно терпел общество Конана и предвкушал, как разыщет подмешавших отраву ему в питье.

— А где Заггар? — поинтересовался Конан, обводя взглядом печальное собрание. — Почему он не здесь? Он же вел дела Хальбарда, или я ошибаюсь? Еще уговаривал его проиграть вчерашний поединок...

— Если тебе попадется этот хорек, не рви его сразу на части, — зловещим тоном попросил Мадазайя. — Оставь и мне немножко. Я бы с удовольствием задал ему пару вопросов...

Жрец Сета, облаченный в серое, уже завел нескончаемую и абсолютно невразумительную молитву на древнеэтигийском. Мумию Хальбарда как раз поднимали стоймя с помощью веревки. Из плотно намотанных льняных саванов на груди выглядывала узорчатая бронзовая рукоять декоративного меча, полагавшегося по ритуалу. Конан обратил внимание на то, что Хальбард, превращенный в мумию, выглядел гораздо стройнее, чем был при жизни. А подметив, с какой легкостью перебирали веревку двое рабочих, стоявших на деревянных козлах, киммериец окончательно убедился: жрецы в красном избавили старину Хальбарда от порядочной части его веса...

Рабочие, трудившиеся внизу, были из той же команды, что давеча готовила всякие новшества на арене. Конан заметил, как один из остоловов изготовился помочиться в кадку с раствором, предназначенным для замуровывания Хальбарда. Киммериец наградил его таким убийственным взглядом синих глаз, что олух быстренько отступил прочь, пробормотав извиняющимся тоном нечто вроде «помогает схватыванию раствора».

Наконец все три мумии установили стоймя, закрыли ивой плетенкой и наложили известку.

Напротив лица каждого из троих героев приделали гипсовую посмертную маску, отличавшуюся идеальным сходством с оригиналом. Когда раствор окаменел, проворные резчики вырубили имена и нанесли рельефный узор из скрещенных мечей и извивающихся змей. Могила, правда, оказалась расположена высоковато на стене, так что все подробности снизу рассмотреть

было трудно. Однако прийти поклониться и полюбоваться никто не мешал. Просто одно из сотен других погребений героев. Не больше, но и не меньше.

Из всех собравшихся на траурную церемонию лишь один человек обладал какими-то животрепещущими новостями и был не прочь ими поделиться. Бородатый толстопузый вельможа Удольф, сопровождаемый двоими телохранителями, стоял с краю толпы. Он приветствовал Конана и его друзей кривоватой улыбкой. Вид у него был несвежий и помятый, но не более, чем всегда. Видимо, во время вчерашнего дебоша он все же не перешел обычных для себя пределов разврата.

— Итак, — заметил он не без некоторого цинизма, — еще три лица украсили Стену Погребений. Еще три жизни брошены в кровавую денежную мельницу, именуемую Империум-Цирком...

— Еще троим не удалось попытки завоевать богатство и славу, — поглаживая шею тигрицы, отозвалась Сатильда.

— Славы у Хальбарда было более чем достаточно, — заявил Мадазайя. — Он одержал очень много побед. Вот только счастья вне арены они ему не принесли. Скорее даже наоборот!

— Увы, так часто бывает с непобедимыми гладиаторами, — сказал Удольф и бросил на кушита многозначительный взгляд. — В обычной жизни их прославленное мастерство нередко доводит их до беды. Вечно они ссорятся не с теми, с кем надо бы.

— Ну и с кем, интересно бы знать, поссорился Хальбард? — спросил Конан. — И из-за чего? Осмелюсь предположить, что-нибудь связанное со ставками?

— Вон те охотники за сведениями не пожелали мне ничего рассказать, — Мадазайя кивнул вслед быстро удалявшимся «жучкам». — Утверждают, будто ни о чем понятия не имеют. Хотелось мне треснуть их головами друг о дружку, но как-то неловко. Все-таки похороны...

— Наверняка есть кто-нибудь, кто что-то знает, — проворчал Конан, задумчиво поглядывая на Удольфа. — Весь вопрос в том, как его отыскать!

Телохранители вельможи подались вперед при этих словах, но Удольф улыбнулся и жестом заставил их успокоиться.

— Я полагаю, за некоторыми ответами вам далеко ходить не придется, — сообщил он друзьям. — У вашего юного приятеля Дата имеются глаза и уши в каждом переулке, в каждой пивнушке Луксура. Многие сверстники Дата, живущие здесь, почитают его своим вожаком...

— А это мысль! — кивнул киммериец. — Надо будет его расспросить!

Ритуальные причитания и биения себя в грудь, знаменовавшие конец церемонии, уже шли своим чередом. Большинство гладиаторов, вызванных сюда Конаном, отправились по домам досыпать. Мадазайя собрался по их стопам: он был еще слаб после вчерашнего отравления.

Удольф же отозвал в сторонку Конана и Сатильду. Несмотря на ранний час, сна у него не было ни в одном глазу.

— Вот что, ребята, — сказал он им. — Лично я не собираюсь заваливаться на боковую и дрыхнуть до полудня. Настал день, и я свеж: мне достаточно переодеться. Если вы не против отправиться ко мне посмотреть виллу и разделить со мной поздний завтрак — милости прошу. Идемте, окажите мне честь! Я имею в виду всех троих, — добавил он, указывая на тигрицу.

Конан и Сатильда переглянулись и не стали отказываться. Конан не сильно-то боялся вельможи и двоих его телохранителей и притом знал, что Сатильда вполне в состоянии о себе позаботиться. Да какая опасность вообще могла им грозить, пока с ними Квамба?

Удольф без промедления повел их по улице, огибавшей Империум-Цирк. За Вратами Приговоренных она сбегала вниз по склону холма, мимо живых шпалер и садовых оград. Именно здесь, на самом углу, один из спутников Удольфа достал ключ и отпер неприметную заднюю дверь.

Внутри, вокруг журчащего каменного фонтана, буйствовала роскошная зелень. Повсюду виднелись мраморные скамьи и мозаичные столики. Сквозь позолоченные двери террасы можно было рассмотреть великолепную столовую, уставленную бесценными сокровищами из дальних стран. А ведь это был всего лишь крохотный уголок настоящего дворца, вздымающегося вверх еще на три или четыре этажа! Окна закрывали прекрасные решетки, блестевшие золотом. Конан присмотрелся и решил, что даже они сами по себе стоили больше, чем королевские сокровищницы иных западных государств.

Удольф провел своих гостей во внутреннюю гостиную, столь же роскошную, но несколько более домашнюю. Усадив Конана и Сатильду на возвышении, заваленное бархатными подушками (тигрица Квамба предпочла шкуру зебры возле алебастрового очага), вельможа скинул грязный плащ на руки одному из прислужников.

— Вот теперь я могу расслабиться и побывать самим собой! — сказал Удольф.

Сунув руку под шелковую тунику, он вытащил наружу толстую стеганую накладку, и оттопыренный живот внезапно исчез, став подтянутым и плоским. Наклонившись к полированному зеркалу, Удольф отодрал от лица косматую черную бороду, парик и густые усы и побросал все это на туалетный столик. Когда он вновь повернулся к гостям, это был коринфиец с правильными чертами лица и кудрявыми светлыми волосами.

Это был Коммодорус, прославленный луксурский Тиран.

Тигрица, должно быть, смутно почувствовала беспокойство хозяйки. Приподняв угольно-черную голову, она басовито замурлыкала, но это мурлыканье могло сойти и за рычание. Несколько мгновений прошло в неловком молчании.

Первым заговорил Конан:

— Если я правильно понимаю, ты переодеваешься и в таком виде посещаешь худшие гадюшники и притоны своего города. И там трешься между неимущими чужеземцами и угнетенной беднотой, заводя крамольные разговоры против себя самого...

Коммодорус обезоруживающе улыбнулся:

— А что, разве есть лучший способ выяснить действительные настроения в народе? Потому, лучше выслушивать то, что перевирают на свой лад храмовые соглядатаи, да всякие лизоблюды и подхалимы?

— Но разве ты не боишься, Государь, — подала голос Сатильда, — что кто-то прислушается к той крамоле, которую ты сам разносишь, и устроит заговор, пожелав свергнуть твоё правление? Или ты берешь на заметку таких шептунов, а потом присылаешь за ними стражу?..

— Это все чепуха, — небрежно бросил Тиран и отступил за инкрустированную деревянную ширму переодеться.

Вскоре он появился оттуда в чистой тоге по колено длиной. Она красиво облегала его мускулистое тело.

— Милая моя, — продолжал он, — я несколько не опасаюсь, будто болтовня каких-то пьяниц в таверне способна подорвать мою власть. Для этого у нее слишком прочные корни: любовь моего народа, могучие союзники и несметные богатства, о которых новичкам трудно строить даже приблизительные догадки... — Он рассмеялся, продемонстрировав крепкие белые зубы. — Но не будем терять время: я обещал покормить завтраком всех вас троих. Лично я обыкновенно завтракаю на бельведере...

Он отпустил телохранителей и отдал соответствующие распоряжения слуге, возникшему на пороге. На голове у слуги был тюрбан, одежду украшали кисточки. Раб удалился, и Коммодорус повел гостей внутрь огромной виллы. Конан, Сатильда и Квамба проследовали за ним по центральной галерее, потом вверх по винтовой лестнице, мимо сверкающих окон и распахнутых дверей роскошных чертогов. Достигнув самого верха, они прошли под прозрачным навесом из

затемненного стекла с полированными серебряными переплетами и оказались на крыше. Крыша эта сама по себе была чудом: здесь вились, давая тень, виноградные лозы, стояли диваны и мягкие кресла. Гостей уже ждал накрытый стол, заставленный фруктами, сырами невиданных сортов, всевозможными мясными блюдами и нежным печеньем. Сидя за столом, можно было любоваться прекрасным видом на изрядную часть Луксура, в том числе громадой Империум-Цирка, стоявшего через улицу.

Тиран пригласил Конана и Сатильду разделить угощение, что они и сделали. Квамба растянулась на полу. Ей были предложены сырье яйца; она раскалывала скорлупу и подбирала содержимое языком с полированной мозаики пола.

— Вот мои владения, — сказал Коммодорус, облокотившись на резную каменную балюстраду, и жестом, обводя всхолмленное пространство города, ограниченное массивной стеной.

Воздух над крышами только-только начинал дрожать от дневной жары.

— А вот, совсем рядом с нами, их центр... — И он изящным жестом привлек внимание гостей к тяжеловесной округлости Империум-Цирка, до которой с того места, где они расположились, можно было доплюнуть. — Не все это понимают, но в определенной степени именно в нем средоточие моего могущества. Меня утвердили на вершине власти шесть лет строительства и улучшения Цирка!

Сатильда, лакомившаяся медовой булочкой, вежливо спросила:

— Если я не ошибаюсь, шесть лет и составляют большую часть оговоренного срока твоего правления, Государь?

Коммодорус одарил ее ослепительной улыбкой:

— Семь лет назад, в день праздника Баст, меня избрали Тираном Луксура с семилетним сроком правления. В то время я был почти неизвестен своим будущим подданным, и выбрали меня в основном за мое положение в среде коринфийских купцов. На самом деле мне была уготована роль жалкой пешки в руках стигийского жречества. Я должен был обеспечить им влияние при дворе западных владык, навести дипломатические связи, распространить их бесовскую религию в виде тайных сект по всему миру, не гнушаясь ни убийством, ни подкупом, ни обманом... — Он тряхнул головой, словно вспомнив что-то смешное и несколько постыдное, и продолжал: — Но с тех пор город процветает. Неизмеримо выросла торговля, улучшилась оборона, а территория, с которой мы собираем дань, расширилась далеко на юг... Мое имя произносят среди плеяды величайших правителей, которых до нынешнего дня видел Луксур, все равно, как они назывались: царями, князьями или тиранами. А простые горожане любят меня за то, что я таков, каков есть. За то, что они меня видят лицом к лицу на арене Империум-Цирка...

— Значит, — удивилась Сатильда, — ты возишься с Цирком, ибо он для тебя — только средство?..

— Вот именно. Приглядитесь к самой форме здания! Разве оно не похоже на гигантский рупор, через который я обращаюсь к народу? На большую плодородную долину, которую я засеваю семенами своего влияния? Вы видите перед собой величайший инструмент, которым когда-либо делалась политика... ну, может быть, исключая бесплатную раздачу зерна. И потому я полагаю, что у жрецов и вельмож просто не будет другого выбора, кроме как на предстоящем празднике Баст вновь назначить меня Тираном Луксура. Только теперь не на семь лет, а пожизненно.

— А еще, — сказал Конан, — как, наверное, это удобно — иметь возможность скормить своих противников диким зверям на арене...

— О, нет, нет, мой дорогой Сокрушитель, — поправил его Коммодорус. — Я нахожу, что гораздо полезнее их унижать, а не уничтожать. И не только противников, но и слабых союзников

вроде Управителя Бальбала. Вы видели вчера наше маленькое представление? — И он, улыбаясь, подождал, пока они не кивнули. — И, конечно, вы слышали от людей, что я когда-то блистал на аренах благородной Коринфии? Еще до того, как попал в Стигию? Ну, вообще-то... — тут он лукаво подмигнул им обоим, — не надо верить всему, что люди болтают. Тем не менее, в Коринфии я служил в королевской гвардии, в тяжелой пехоте, и сноровки пока еще хватает морочить голову моим горожанам. Что их впечатляет больше всего? Насилие. Хорошо, вот вам насилие, сколько угодно и какое угодно...

— В самом деле, — со сдержанным восхищением поддакнула Сатильда, — зрители были в восторге от твоей... охоты на львов. Хотела бы я, чтобы мне за мои акробатические трюки так аплодировали!

— Когда-нибудь будут, — сказал Тиран, и доброе пожелание прозвучало вполне искренне. — Однако нынче все внимание толпы должно быть сосредоточено только на мне. Все дело в моем грядущем переизбрании и некоторых шагах, которые я намерен предпринять, дабы упрочить свое царствование. Я хочу, чтобы все были на моей стороне, и в особенности войска. Видите ли, на каждом представлении сидят и аплодируют высшие офицеры. Или, на худой конец, их любовницы. Я завоевываю их уважение, показывая, на что я способен. Это же относится и к местной знати... — Он махнул рукой в сторону роскошных строений, окружавших его виллу. — Им надоел мелочный присмотр и бесконечные поучения заплесневелых жрецов. Они тянутся к заморским товарам и желают свобод, подобных тем, что царят у нас в Коринфии. Они ценят передовое правление, не чурающееся общения с иноземцами. Я сам изо всех сил насаждал дух открытости и свободы, и переселенцы из Коринфии поддерживали меня... все эти купцы и ремесленники, мастера и распорядители работ, приехавшие сюда помочь в преобразованиях...

— А что беднота? — спросила Сатильда. — Бедняки тоже поддерживают тебя?

Коммодорус улыбнулся:

— С тех пор, как Луксур повернулся к миру лицом, жизнь здесь немало улучшилась. В храмы Митры и Иштар стекаются новообращенные. Те самые мастера, что выстроили для меня Цирк,озвели для города акведуки, новые оборонительные сооружения и лучшие в стране общественные и частные здания. Разве могло все это не сказаться благотворно на жизни низших слоев? К слову сказать, местным зодчим было бы не под силу создать подобные чудеса. Слов нет, стигийские памятники велики и куда как впечатляют, но, если вдуматься, это просто каменные нагромождения с тоннелями, пробитыми внутри. Где тонкость замысла, где изыск истинной архитектуры?.. — Тиран передернул плечами. — Конечно, нелегко заставить туземных рабочих все делать как надо, да еще пресекать жадность и разворовывание строительных материалов... — Он вновь улыбнулся гостям, вспоминая благополучно преодоленные трудности. — Вот такими мелочами я и занимался последние несколько лет. Но, как мне кажется, результат того стоил...

К тому же, понимаете ли, именно простолюдины за это время переменились больше других. У них появились какие-то новые надежды и ожидания. Тут и посещения Цирка, и тысяча мелких штрихов в каждодневной домашней жизни. Теперь они нипочем не захотят вернуться под власть фанатичных жрецов, к той безрадостной жизни, которую когда-то вели... которую, вернее сказать, им тысячелетиями навязывали. Они познали вкус общения с другими людьми, непохожими на них самих, узнали чужие обычаи и научились их уважать. Я увел их так далеко от прошлого, что теперь они вряд ли пожелаю вернуться. И потому я уверен, что на празднике Баст они поддержат меня, а не закоснелых жрецов!

Конан выслушал эту великолепную речь и проворчал:

— Зато деревня, насколько я понял, по-прежнему свято чтит Сета, своего древнего Бога.

— Это так, — с некоторым раздражением кивнул Коммодорус. — Вполне подходящая вера

для неумытых крестьян. — Загорелая рука обвела пространства, таившиеся в туманной дымке за городской стеной. — При каждом великом городе неизбежно должна существовать обширная сельская местность, обитель таких вот непросвещенных душ. Она поставляет городу пропитание, дань... и здоровые, сильные человеческие тела. Я не собираюсь трогать неразвитую веру селян, доколе она помогает удерживать их в повиновении и побуждает трудиться. Если им угодно обожествлять низких животных, вроде змеи, кошки и аиста, пускай на здоровье им поклоняются. Хотя подобное поклонение вызывает смех у любого, кто хоть раз молился нашим хайборийским Богам в их человеческом обличье... — Он опять рассмеялся, вспомнив что-то хорошее. — Было у нас одно затруднение, когда Цирк едва зарождался. Некоторые жрецы возражали против заклания на арене освященных животных и называли это кощунством. По счастью, здравый смысл все же возобладал, и теперь жители Луксера нередко видят, как смертные убивают их тотемных зверей. Станут ли они после этого по-прежнему считать их священными? Рано или поздно младенческая вера народа уступит место новой, более просвещенной... Так вот, отвечая на твой вопрос, — заключил Коммодорус, — я должен сказать, что реформам, происходящим в городе, вовсе ни к чему влечь за собой реформы в деревне. Тем более что и жрецам Сета надо оставить mestechko. А сущность города пребудет такой же, какой была всегда... Вы ведь понимаете, о чем я говорю?

Сатильда вопросительно смотрела на него, а Тиран пояснил:

— Город — это место, где умирают. Когда происходит потоп или разражается голод — а это бывает и без всяких внешних причин, просто из-за перенаселения, — деревенский люд непременно стекается в города. Все они хотят если не разбогатеть, то, по крайней мере, выклянчить пропитание из тех житниц, куда год за годом посылали свой урожай. Но постепенно они умирают — одни от голода, другие от болезней, третьих убивают преступники, или они сами накладывают на себя руки...

Не забудем также про войну, человеческие жертвоприношения, несчастные случаи на строительстве... и Цирк, конечно. Те, кому везет меньше, гибнут просто от невыносимых условий жизни в трущобных кварталах... Вот так он и скапливается здесь, весь этот телесно стойкий и крепкий, но едва осознающий себя избыток сельской Стигии, Стигии садов и хлебных полей. Тысячи, десятки тысяч стремятся найти себе место внутри городских стен, а город и так уже перенаселен, ведь в обычных условиях он разрастается едва ли на тысячу домов в столетие... И на что только они надеются? Ну, да, бывают счастливчики, которым удается растолкать остальных локтями, а некоторые добираются даже до высоких чинов. Но, как правило, большинство погибает. И так было всегда!

Тиран широко развел руки. Выслушав столь безрадостную речь, Конан и Сатильда долго молчали. И в самом деле, сказать было особо нечего. А потому хозяин виллы, выбрав себе сочный фрукт и неторопливо жуя его, продолжал говорить:

— Ваш мрачный вид, друзья мои, неуместен: на самом деле все обстоит не так уж скверно. Во дни, предшествовавшие моему правлению, жрецы Сета с наступлением темноты выпускали на улицы питонов и леопардов. Любой несчастный, не сумевший найти укрытия на ночь, оказывался растерзан и пожран, будучи, таким образом, принесен в жертву Богу-Змею. Мне пришлось вступить в острые разногласия со священством, но этому обыкновению был положен конец... — И Коммодорус выкинул за бортик крыши огрызок. — Да! Это напомнило мне кое о чем. Я хотел бы знать, что вы думаете о новом борце, этом Ксотаре, которого еще называют Душителем? Он неплохо выступил недавно — было на что посмотреть!

— Вне арены, — сознался Конан, — я его не встречал. Но вот встречи с ним внутри нее я бы с удовольствием избежал!

— Сам Первосвященник Некродиас выставил его на поединок, — с неудовольствием

заметил Коммодорус. — Ксотар, насколько мне известно, ставленник и любимец священства. Говорят, он учился бороться и применять какие-то тайные приемы в некоем монастыре далеко в восточных горах. Все его победы считаются ритуальными умерщвлениеми, жертвоприношениями его Богу, вроде того, как если бы человека заели храмовые змеи... — Тиран раздраженно передернул плечами. — Он быстр и силен, но у храмовых бойцов обязательно бывают слабые места. Я сам не дурак побороться, и решусь даже сказать, что побил бы его. А ты? — обратился он к Конану. — Как, по-твоему, ты смог бы?..

Истинному борцу следовало избегать любых ловушек, в том числе и в разговоре, и потому Конан ответил уклончиво:

— Надеюсь, мне никогда не придется выяснять этот вопрос...

— Вот мы и добрались, — сказал Коммодорус, — до дела, которое я хотел предложить.— Он смотрел пристально, не отводя глаз от своих гостей. — Я видел, киммериец, как ты дерешься. Я берусь утверждать, что на арене найдется не много бойцов, а может, и вовсе ни одного, кто превзошел бы твое искусство и твою силу. — Он улыбнулся. — Вчера для меня было совершенно очевидно, что ты всего лишь играл с Мастером Меча в вашем с ним поединке и отнюдь не потерпел того поражения, которое тебе засчитали... — Тут Конан открыл рот, словно собираясь возразить, но Тиран только отмахнулся. — Меня ты не обманешь, он действительно дрался точно в воду опущенный. А ты показал свою верность дружбе. Я увидел это и оценил твою жертву. Но я хочу сказать о другом.

Дело в том, что я хотел бы принять более деятельное участие в одном из предстоящих зрелищ, возможно, рубиться в общем сражении, плечом к плечу с другими гладиаторами. Это достойным образом увенчало бы мою гладиаторскую карьеру... — он заговорщики улыбнулся, — и прекратило ненужную болтовню, что я, дескать, не настоящий боец, а всего лишь показушник! Поучаствовав в таком выступлении, я смог бы раз и навсегда удалиться из Цирка, что, кстати, вполне соответствует более утонченному стилю правления, который я собираюсь ввести. Но для этого последнего боя, для того, чтобы уверенно чувствовать себя среди вооруженных воинов на арене, мне нужен кто-то, кто все время прикрывал бы мне спину. Это должен быть очень опытный боец, способный защитить меня и от несчастного случая, и от предательского удара. В то же время он не должен стремиться выглядеть самым главным и затмевать мою славу своей...

— И ты, — кивнул Конан, продолжая его мысль, — решил, что я, должно быть, и есть тот человек.

Коммодорус улыбнулся:

— Вот именно, Конан, вот именно. Этим я ни в коем случае не желаю тебя оскорбить. Однако ты — чужеземец, еще не очень знакомый нашим горожанам. Ты непричастен к их междоусобным трениям и неучаствуешь в борьбе интересов.

Твое искусство и доблесть еще не успели по достоинству оценить. На твоем счету поражение, причем избранное по собственной воле, и рана. Стало быть, ты мог бы сыграть для меня некую роль, оставаясь в тени. Естественно, не бесплатно. Очень даже не бесплатно!

— Значит, ты хочешь, чтобы я был твоим телохранителем на арене, и притом не слишком лез на глаза, — повторил Конан.

Некоторое время он задумчиво хмурился, потом передернул плечами.

— Честно сказать, не вижу в твоем плане ничего невыполнимого. Не вижу и причины отказываться... — И киммериец дружелюбно посмотрел на Коммодоруса. — Тебя хоть и называют Тираном, но правитель ты, по-моему, не такой уж и свирепый. Ты даешь своему народу то, что он хочет, и люди под твоей рукой процветают. И при этом тебя никак не назовешь слепой марионеткой в руках жрецов Сета... Так почему бы и нет?.. И вроде ты что-то там такое говорил

насчет вознаграждения...

Вскоре было достигнуто предварительное согласие, и стороны перешли к обсуждению условий. Последовала небольшая торговля, была названа взаимоприемлемая цена, и Коммодорус передал Конану полновесный объемистый кошелек — часть оплаты вперед.

— Когда я приготовлюсь к сражению, я тебе скажу, что делать, — сказал луксурский Тиран. — Быть может, это произойдет во время следующего выступления, а может, через одно. Пока же побереги себя и дай зажить своей ране! — Коммодорус вновь крепко стиснул руку Конана в пожатии, принятом у легионеров, потом отпустил. — А теперь, если вы трое будете так любезны и извините меня, — он взял руку Сатильды и поднес к губам твердую мозолистую ладошку гимнастки, — я, увы, должен вернуться к ежедневным вопросам правления, которыми слишком долго пренебрегал ради этого разговора. Мой человек выпустит вас через другую дверь...

* * *

Прошло несколько дней, и однажды вечером Конан вновь сидел в «Прогулочной барже», потягивая дешевый аппрак. Его рана затянулась в достаточной степени, чтобы он снова мог носиться по мощеным улицам на колеснице, посещая злачные места и забегаловки в грязных трущобах. В «Прогулочной барже» было почти пусто до самого захода солнца. Потом ввалилась порядочная толпа уличных хулиганов вперемежку с Конановыми собратьями-гладиаторами. Все они принялись нетерпеливо стучать кулаками по стойке, а потом заглатывать напитки с жадностью людей, изголодавшихся на тяжелой работе.

Кое у кого были шишкы и синяки, выглядевшие вполне свежими. У других одежда была разорвана и даже порезана. Спустя некоторое время вошел Дат и громогласно провозгласил тост:

— Слыши, Намфет! Налей-ка всем по глотку самой лучшей отравы, какая у тебя есть! Пейте, ребята, и начинайте прощаться с друзьями! Чего доброго, скоро переберемся в сам город!

Подсев к Конану и Сатильде, он кивнул им и пригубил из своей кружки.

— Так себе драка была, ничего особенного, — проговорил он извиняющимся тоном. — Я даже не стал приглашать тебя, Конан, ведь ты еще выздоравливаешь...

— С кем хоть дрались? — поинтересовалась Сатильда. — У вас вид победителей!

— Мы объединились с Привратными и вместе надрали задницы балбесам Восточникам, — пояснил Дат. — Можно даже сказать, устроили им засаду. Чтобы отплатить за ту вылазку против нас, помните? И, похоже, мы отвоевали себе здоровый кусок территории внутри городских стен, аж до самого Храмового холма... — Дат пригладил рукой всклокоченную шевелюру. — Если только не случится какого-нибудь подлого предательства, отныне будем проводить время в «Серебряном трезубце»!

— Значит, — спросил Конан, — твои парни переселятся вместе с тобой? Не очень-то они, как я понимаю, привязаны к своему родному кварталу!

— Да кто может быть привязан к такому гадюшнику? — Дат оглядел грязные, облезлые стены. — Тем не менее, власти над Внутренним Причалом никто у нас не отнимет. Выпускать из рук торговлю приговоренными рабами и контрабандными товарами было бы слишком накладно! Но внутри самого города, конечно, можно будет снимать сливки куда более жирные. Мы станем предлагать защиту и заступничество уличным торговцам. К тому же в той части города, которой я завладел, во многих местах происходит строительство, и за ним тоже требуется присмотр. Уж верно, там будет, чем поживиться!

— Ты имеешь в виду, вы станете участвовать в строительстве храмов и акведуков? — спросила Сатильда.

— Конечно. У нас ребята отборные! — Дат пожал плечами, явно чего-то недоговаривая.— Да и деньги все равно храмовые, так что, не все ли равно, кто их потратит?

— Ты, наверное, прав, — кивнул Конан и переменил тему: — Дат, я у тебя хотел кое-что спросить. Хальбард, перед тем как наскочить на перо, жаловался, что ему предлагали нарочно проиграть бой. Он еще ответил отказом... Как, по-твоему, кто бы мог за этим стоять?

Дат пожал плечами:

— Те, кто ведает ставками, изо всех сил охотятся за сведениями... Бывает, что время от времени они даже исход поединка заранее оговаривают. Так что да помогут Небеса гладиатору, слишком влезшему к ним в долги...

Конан нахмурился:

— На Хальбарда пытался давить Заггар, прекрасно знакомый нам всем «собиратель талантов». Заггара, кстати, со времени убийства не видела ни одна живая душа. Я бы хотел знать, с кем подлец водил свои делишки вне Цирка. Мемтеп клянется, мол, ни один из его евнухов в этом деле не замешан!

Дат кивнул, что-то обдумывая.

— Я тоже еще не видел Заггара, — сказал он затем. — Но я вам обещаю, что ребята засекут его сразу, как только он высунет нос. Что бы он ни знал, это всяко окажется полезно!

— И Мадазайю опоили какой-то дрянью перед самым поединком со мной, — проворчал Конан. — Похоже, парня выставили вместо Хальбарда в самый последний момент... — Он сунул руку под неплотно затянутую повязку и почесал тело. — Рабов, подсыпавших дурман, уже успели продать и увезти вон из города. Так что никаких зацепок у меня нет!

— Насколько мне известно, ничего уж такого необычного для Цирка в этой истории нет,— сказал Дат, прихлебывая из кружки. — Ко всему прочему, Мадазайя и сам мог по нечаянности чего-то хлебнуть. А Хальбарда — прирезать ревнивый муж какой-нибудь из его последних подружек... — Юноша улыбнулся. — Но, во имя старых добрых времен в труппе Ладдхью, я посмотрю, что можно сделать... — И он повернулся к Сатильде: — Я так понимаю, все наши как сыр в масле катаются?

Акробатка так и засияла:

— Ладдхью говорит, наше последнее выступление принесло столько, сколько мы вряд ли бы накопили на шести деревенских ярмарках в Шеме. Особенно здорово идут предсказания судеб и Бардольфов «чудесный напиток из корня лотоса». Ну, и мои выкрутасы на трапециях: зрители только и делают, что бьются об заклад, сорвусь я или не сорвусь. Все им подавай риск, как можно больше риска! Вот, к примеру, следующий раз я буду выступать над парусиновой загородкой, полной ядовитых гадюк...

Конан так и подскочил от изумления и недовольства:

— Неужели это действительно необходимо, Сатильда? Ты ведь артистка не хуже любой храмовой танцовщицы, просто это городское отребье не может оценить тебя по достоинству! Я-то уж знаю этих цивилизованных — им только и подавай смерть и страдания! Помяни мое слово: как бы кто-нибудь из них канаты тебе не подрезал...

— Я каждый раз сама все проверяю,— строптиво отозвалась женщина. — И потом, я же не пилю тебя по поводу твоих подвигов на арене! — И она тряхнула туго заплетенными волосами. — Да в любом случае, если упаду, то мне мало не будет и без гадюк. Двор Империум-Цирка, он, знаешь ли, мощеный. Камушки там. Сорвусь — и насмерть! Или, еще хуже, калекой останусь! Там ведь никакой страховочной сетки. По мне, уж лучше загородка со змеями, чем всю жизнь передвигаться ползком и выпрашивать милостыню... — Посмотрев на безутешную физиономию возлюбленного и несколько смягчившись, она наклонилась к нему и продолжала уже тише: — Не бойся за меня, Конан. Эти городские остоловы понятия не имеют, какая змея ядовитая, какая

нет. Ну и загородка будет устроена особенным образом. Я решила воспользоваться случаем и пристроить между собой и камнями растянутую холстину. Да и клубок змей — чем не подушка для смягчения удара?..

Дат расхохотался, потом мотнул головой:

— Не бойтесь, я ни пол слова никому не скажу. И запомните вот еще что: если кому надо будет помочь, я теперь, в самом деле, кое-что могу...

Поднявшись, он покинул их и присоединился к своим приятелям. Гладиаторы допоздна засиделись в «Прогулочной барже», благо до празднества Баст оставалось еще полных два дня. Когда возвращались домой, с ними на колеснице ехало лишних три седока — цирковые бойцы, все еще не отошедшие от возбуждения после уличной потасовки.

Конан рад был таким попутчикам, ведь никто не мог поручиться, что они снова не попадут в какую-нибудь засаду; Когда начался подъем в гору, гладиаторам пришлось сойти наземь с перегруженной колесницы и трусить сзади пешком.

На улицах было удивительно тихо. Так тихо, как если бы известие о победе Дата принесло долгожданный мир на мощеное «поле брани».

Никто не побеспокоил припозднившихся гуляк, пока они не добрались почти до самого дома.

Только тут они натолкнулись на препятствие, но это препятствие было тихим и мирным, и, ни на кого нападать не собиралось. Поперек дороги валялся труп Заггара, «искателя талантов», кем-то зарезанного и подброшенного к задним воротам Империум-Цирка...

Глава одиннадцатая

ПРАЗДНИК БАСТ

— Значит, Заггар все-таки не угодил своим хозяевам, — прокомментировал жуткую находку Мадазайя, Мастер Меча. — Сперва Хальбард послал его весьма далеко, а потом и ты отказался от победы, которую он на блюдечке тебе подавал...

— Насколько мне удалось выяснить, — сказал Конан, — одного из добытчиков сведений, который вовсю ставил против тебя, зовут Сезостр. Вот с кем, по-моему, надо бы переговорить!

— Он, наверное, потерял целое состояние, — проворчал Мадазайя. — Вряд ли его так уж распирает от любви к Заггару...

Киммериец и кушит беседовали в сужающейся полоске тени под стеной арены, ожидая, пока начнется дневное представление. Как раз когда происходил их разговор, по арене в золоченой тележке торжественно возили черную красавицу Квамбу. Тележку везли юноши, украшенные гирляндами цветов, а позади следовали девушки, едва прикрытые прозрачными одеяниями. Девушки вертелись и прыгали. Шествие было частью религиозной церемонии в честь большого храмового праздника — дня Баст. В глазах зрителей ночная тигрица служила как бы зрымым воплощением Баст: стигийцы представляли себе свою Богиню радости и веселья в виде женщины с головой кошки. Кошка же была ее священным животным. А более великолепного и выдающегося образца кошачьей породы, чем Квамба, во всем Луксуре было не найти.

— Эта маленькая вонючка, «добытчик талантов», и мертвый смердит не хуже живого, — пожаловался Мадазайя. — Все, кто с ним знался, как воды в рот набрали после его смерти. Боятся! И это здорово мешает мне должным образом отомстить!

— А, по-моему, ты со своей местью не очень и торопился, — заметил Конан. — Ты, мне кажется, последнее время о чем-то другом думаешь.

— По-твоему, мне не надо было сперва оправиться от отравления? — горячо возразил Мадазайя. — И потом, есть еще Вивит... Ее целительные ванны и массаж необыкновенно мне помогли, но и на нее приходится тратить время... и немалые силы. Теперь я, кажется, понимаю, почему ты так охотно спихнул ее мне. Но, несмотря, ни на что... — добавил он нехотя, — спасибо тебе.

Когда процессия с кошкой удалилась с арены, Коммодорус вышел к ограждению своего балкона и объявил первое состязание дня. Никаких предварительных знаков Конану не сделали, да и золоченой лестницы Тирана нигде не было видно. Поэтому киммериец решил, что Коммодорус нынче на арену не собирался. Самого Конана в списке поединщиков также не упоминали, хотя длинный порез, оставленный мечом Мадазайи, почти совершенно затянулся. А посему, согласно прикидкам варвара, ему «грозило» только участие в общем сражении.

Вот над громадным овалом арены громко прокричала труба, и Конан повернулся в сторону Врат Героев и балкона над ними.

— Приветствую вас, горожане Луксура. — разнесся голос Коммодоруса. — Приветствую всех вас в Империум-Цирке. Мы с вами собрались здесь, чтобы отметить праздник, который священная традиция нашего Храма по справедливости именует величайшим. Да восславится Отец Сет и те, кто оглашает на земле его волю!

Голос Тирана прямо-таки дышал искренностью.

— Прошу вас также обратить внимание на изменения и улучшения, которые мы произвели в нашем Цирке, — продолжал Коммодорус. — Как вы можете видеть, восточная и западная

стороны теперь расширены и защищены от солнца нарочно выстроеными балконами. А к следующему представлению мы рассчитываем получить еще немало новых мест для зрителей! — Он указал налево и направо, где грациозно вздымались недостроенные пилоны. — Теперь же пусть говорит тот, кого по праву называют земными устами благословенного Отца Сета. Я передаю слово святейшему Первосвященнику Некродиасу!

И Коммодорус уступил место лысому священнику с лицом черепа, тому самому, которого так часто видели с ним рядом на игрищах. Некродиас, маленький и жилистый, говорил хорошо поставленным голосом опытного оратора. Как ни велик был Империум-Цирк, глашатаям почти не приходилось за ним повторять.

— О, вы, любящие Сета и готовые с радостью служить ему! Возрадуйтесь: сегодняшний день начинается событием, которое, милостью Богов, должно еще более укрепить в сердцах нашу бесхитростную и светлую веру. В сегодняшней игре совершится неподкупная справедливость Богов, вынесших свой приговор. Исполнение этого приговора, без сомнения, окажется для вас и поучительным, и интересным...

Конан еще раньше обратил внимание, что ради сегодняшнего дня арену в очередной раз перестроили. Теперь в ней зияло не менее десятка четырехугольных провалов; шествие, вывозившее Квамбу, осторожно петляло между ними, избегая приближаться к отвесным краям. И вот теперь, пока Некродиас проповедовал с трибуны справедливость Богов, из Врат Победителей выкатилась быстрая колесница. Позади возничего в ней находился раб и при нем — пылающая жаровня. Вот колесница развернулась в опасной близости от одной из ям... Раб поджег факел и швырнул его внутрь. На дне ямы тотчас вспыхнула горючая смесь. Взвилось пламя, повалил густой жирный дым.

Как только загорелась первая яма, зрительные ряды отозвались гулом. По мере того как колесница огибала арену и вспыхивали все новые огни, возбуждение толпы росло, точно тесто на хороших дрожжах.

— О, верные почитатели Сета! — скрипучим голосом продолжал Некродиас. — Вы лицезреете священную силу сжигающего, облагораживающего огня! Спрашиваю вас, что может вернее очистить гречную душу, нежели прижизненная пытка? А что лучше ее может утвердить маловерных?.. И потому-то сегодня, ради испытания и очищения, мы привели сюда, на арену, наиболее злобных и презираемых отступников, порожденных, к великому горю, нашей державой. Это демонопоклонники, о, верные горожане! Это двоедущные еретики с восточных пустошей! Вместо того чтобы преклонять колена в храмах и славить нашего Небесного Отца у святых мест, они предпочли поклоняться мертвым камням и утесам своей пустыни. Они падают ниц и возносят языческие молитвы при виде пыльных столбов, которые, как всем известно, суть видимые знаки присутствия злых духов и джиннов. Они отреклись от простой и искренней религии, естественной для доброго человека и потому принятой в нашей империи, они отвратили лицо свое от святых истин. Они не признают ни одного из Богов, которым мы поклоняемся, предпочитая цепляться за свое злобное, давно отжившее суеверие!

Слова жреца были прямо-таки наэлектризованы фанатизмом, но тон его речи оставался все так же неумолимо ровен и холоден. Некродиасу, как видно, не было равных в умении вызывать в людских толпах нужные ему чувства. Трибуны уже излучали осязаемые волны ненависти, и эти волны били вниз, на арену, как лучи беспощадного светила с раскаленных небес. А потом из Врат Приговоренных стали выгонять отступников веры. С виду это были вполне обычные стигийцы, быть может, лишь чуточку более темнокожие из-за пустынного солнца. На них были бесформенные лохмотья, придававшие еретикам жалкий и смешной вид. Там были мужчины и женщины, старые и молодые, числом не менее полусотни. Насколько Конан мог разглядеть за колеблющимся пламенем и столбами дыма, при них не было видно ни одного маленького

ребенка. И на том спасибо...

— Вот каковы условия испытания, — продолжал с балкона Некродиас. — Этим заблудшим будут вручены деревянные дубинки. Такое же оружие получат и гладиаторы — верные заступники и охранители нашего Храма. Всем, кто прорвется сквозь строй гладиаторов и минует огненные ямы, будет позволено живыми удалиться через Врата Героев. Пощада ожидает также и тех, кто пожелает раскаяться и отречься от своих заблуждений!

Пока Некродиас говорил, вдоль строя гладиаторов прошел Мемтеп. Он тащил с собой целый мешок длинных круглых палок и раздавал их на ходу. Вручая палку Конану, он сказал киммерийцу то же, что и остальным:

— Стали не обнажать. Если кто падет на колени и сотворит знак змея, — щадить.

Прозвучал сигнал труб, и гладиаторы двинулись вперед. Конан поспешил к центру арены, ибо заметил, что огонь и жирный дым клубились там гуще всего, временами скрывая происходящее от трибун. Участвовать в затее Некродиаса киммерийцу совсем не хотелось. У него уже созревал свой собственный план.

Еретиков между тем гнала вперед городская стража, вооруженная копьями. Какова на самом деле была вера этих несчастных, неведомо. Но, по-видимому, каждый из них успел как-то наступить на любимую мозоль либо служителям храма, либо их приспешникам. Кое-кто из молодых отступников побежал вперед, размахивая палками и намереваясь сражаться за свою веру и жизнь. Женщины и большинство стариков либо совсем побросали оружие, либо бездельно волокли его за собой по песку...

Гладиаторы устремились навстречу. Цирковые бойцы всегда стремились поскорее закончить бой и при этом произвести выгодное впечатление.

Конан, в кои веки раз, отстал от товарищей, упорно направляясь в ту часть арены, которая была всего хуже видна зрителям, сходившим с ума на скамьях. Там плавал вонючий дым и зонтом собирался над головой, укрывая от взглядов.

Повсюду вокруг уже кипел бой. Конан слышал крики отчаяния, звонкие удары дерева о дерево и временами приглушенные звуки ударов дерева о живую плоть. Справа и слева от него еретиков оглушали палками и скидывали в ямы.

Не пострадал еще ни один гладиатор, хотя их было куда меньше, чем осужденных. Некоторых из числа самых воинственных отступников валили на четвереньки, а потом сбрасывали в огонь, чтобы неповадно было лезть в драку.

Гладиаторам, делавшим это, приходилось поспешно отскакивать прочь от обжигающего пламени.

Конан рассмотрел сквозь дым приближавшегося человека. Это был седобородый старик в изорванном рубище. Он не сжал палку в руке, а спокойно нес ее под мышкой. Вот он заметил перед собой гладиатора, но продолжал так же бестрепетно шагать навстречу своей участи. Он не оглядывался по сторонам, туда, где в муках погибали его единоверцы. Казалось, он вовсе не слышал криков боли и ярости, от которых звенело в ушах.

Воздух так и дрожал от жара огня, дым превратил день в желтоватые сумерки. Конан и старик встретились взглядами.

— Стукни меня, дед! — сказал ему Конан на простонародном стигийском. — Давай, стукни по черепушке! Я упаду, а ты топай себе, спасайся...

Если старец и слышал его, он ничем этого не показал. Он не схватился за палку и не занес ее для удара. Он шел так, словно собирался небрежно оттолкнуть киммерийца с дороги.

Решив, что житель пустыни его просто не понял, Конан перешел на жаргон торговцев юга, служивший в тех местах едва ли не общим языком.

— Тресни меня, дед! — повторил он. — Можешь, как следует, если хочешь! Я упаду и

останусь лежать, честное слово, и ты выведешь свой народ... — Он слегка передвинулся, заступая путь старику и держа палку наготове. — Я притворюсь, что сражаюсь с тобой! Никто ничего не поймет!

Седовласый мужчина остановился прямо напротив Конана. У него было темно-оливковое лицо, иссеченное временем и непогодами. Какое-то мгновение они смотрели друг другу в глаза, и, возможно, старик даже улыбнулся в пышную бороду. Потом он шагнул в сторону. Конан ничего не сказал.

Решительным жестом патриарх отшвырнул палку... А потом, прежде чем Конан успел сообразить, что к чему и остановить его, — подошел к краю ближайшей огненной ямы и прыжком бросился в пламя...

Киммериец так и остался с ужасом и изумлением смотреть ему вслед. Кругом него уже завершалось так называемое сражение. Никто не пробился к Вратам Героев, и ни у кого из еще живых еретиков больше не было дубинок. Уцелевшие стояли на коленях и отрекались от своей веры. Кто-то из них, наверное, еще надеялся воссоединиться со своими детьми...

Конан чувствовал себя, как после сильного удара по голове. Он начал выписывать бесцельные круги по песку. Жара стояла невыносимая, в воздухе висела густая вонь земляного масла и паленного мяса. Рабы торопливо гасили огни, закидывая ямы песком. Новообращенных между тем выводили вон сквозь Врата Зверей.

— Грязная работенка! — недовольно ворчал Мадазайя, когда они возвращались к скамейкам для отдыха. — Я не стал убивать никого из этих бедолаг, — добавил он, швыряя палку в кучу таких же возле стены, — Одному я вмазал по уху и оглушил, так что он упал на колени и сошел за раскаявшегося. Другие увидели это и решили последовать примеру...

— Откуда их взяли? — тупо спросил Конан. — Они хоть понимали, в чем дело?

Мадазайя передернул плечами:

— Это были альтакванцы, они живут на юго-востоке империи. Здесь, на арене, и раньше погибали какие-то языческие племена.

Киммериец пробормотал себе под нос нечто невразумительное... Если седобородый был, в самом деле, из Альтаквы, то есть из ближней пустыни, он всяко должен был понять, что говорил ему Конан! Если, конечно, он не был глух, как пень. Иначе, зачем бы ему отворачиваться от обещанного спасения и вот так отказываться от жизни?!..

Предаваясь мрачным размышлениям, киммериец опустился на скамью. Он едва обращал внимание на слуг, смывавших с него сажу и пот полными кувшинами благовонной воды. Занятый невеселыми мыслями, он почти не видел всего остального, чем радовали зрителей в этот праздничный день. Кажется, там были колесницы... артисты в костюмах... потом ради забавы убивали какого-то огромного зверя...

Перед глазами у Конана стояла короткая схватка, выполненное достоинства лицо старика и его прыжок в пламя. Поведение патриарха потрясло киммерийца куда больше, чем любой удар палки, нанесенный немощной старой рукой.

Закон, впитанный им за годы сражений и странствий, непреложно гласил: пока жив — что есть мочи цепляйся за эту самую жизнь. Конан свято верил, что, покуда у мужчины было в руках оружие, а перед глазами — враги, дерущиеся в открытую, у него была и надежда. Так с какой бы стати смелому и сильному человеку, по всем приметам — достойному вождю своего клана, вот так решительно отворачиваться от жизни?.. Ведь Конан предложил ему дорогу к свободе, и он, несомненно, все увидел и все понял. Каким же образом следовало истолковать его добровольную гибель?

Как мужество — или как трусость? Что это было? Подвиг веры — или уступка безнадежному отчаянию? Может быть, он полностью отринул себя и понадеялся если не

отстоять свою религию, то, по крайней мере, пресечь избиение единоверцев? Или, наоборот, рассчитывал, что его Боги щедро вознаградят мученика на том свете?..

Конан долго размышлял и молча гадал об увиденном.

Тем временем начались послеобеденные поединки. Трибуны ходили ходуном, выкрикивая имя Саула Крепкорукого. Саул сошелся с кем-то (кажется, это был Сист?) и уокошил его. А потом, совершенно неожиданно, мимо шеренги гладиаторов, напряженно улыбаясь, прошагал Рогант. Крепко стиснул плечо киммерийца — и отправился на середину арены. Конан слышал, как Мадазайя поспешно выкрикивал ему вслед последние наставления:

— Оружием, Рогант! Действуй только оружием! Не допускай ближнего боя!..

Цирковой силач бойко воздел мускулистые руки над головой, отвечая на шумные приветствия публики, и вышел на середину песчаного овала... чтобы оказаться лицом к лицу с Ксotаром, по прозвищу Душитель.

Вот Рогант занял место напротив соперника и принял боевую стойку. Он выглядел совершенно уверенным в себе. И в своей силе. Он вычертил мечом замысловатый крендель над головой, а потом... бросил оружие на песок.

Двое борцов слегка пригнулись и бочком двинулись по кругу. Рогант сделал обманный выпад, стремясь ухватить Ксotара за шею, но тотчас сам угодил в захват: руки Душителя оплели его грудь.

Сперва Ксotар заставил циркового силача припасть на колени. Потом поставил на корточки.

Больше Рогант не поднялся...

Радостное безумие публики смутно докатилось до Конана. Киммериец чувствовал себя наполовину оглохшим. А еще в голове царила странная легкость, и при этом все тело пробирала дрожь, как будто поверхность арены была перепонкой гигантского барабана, вибрировавшей под неумолимыми палочками...

Вот Ксotар покинул арену, провожаемый громом рукоплесканий. Конан сидел неподвижно, точно приклеившись к скамейке. Но потом он увидел нечто такое, что заставило его вскочить на ноги и схватиться за меч.

Появились жрецы в красном и потащили тело Роганта ко Вратам Мертвцов!..

Плохо соображая, что делает, Конан во всю прыть помчался к ним по песку, занося меч. Он смутно слышал, как Мадазайя и остальные окликали его по имени, но их голоса вскоре затихли где-то сзади.

Конан бежал прямо к жрецам. Он перепрыгнул через угол одной из огненных ям (снизу по-прежнему полыхало жаром), потом еще через одну. Зрители заметили его, послышались крики.

Жрецы уже утаскивали свой безжизненный груз под низкую арку, готовясь пропасть в темноте. Конан почти настиг их и подлетел к деревянной двери как раз в тот момент, когда захлопывалась тяжелая створка. Запереть ее, однако, не успели. Конан с налета шарахнулся в нее плечом и вломился внутрь.

Дверь грохнула, закрываясь, у него за спиной, стало темно, и он на какое-то время перестал видеть. Может, здесь и тлел какой-то свет, но после яростного солнца, отражавшегося в белом песке арены, это было все равно, что влететь в могильную темень. Он услышал крики, шорох шагов, потом врезался в кого-то, явно одетого в жреческие облачения. Он попытался занести меч, но ударился костяшками кулака в низкий потолок и почувствовал, как рукоять меча выкручиваются у него из ладони.

Конан тут же ухватил тщедушного соперника и оторвал его от пола. В это время сзади о его голову расколошматили какой-то сосуд. По лицу хлынула теплая вода, а может быть, и кровь.

— Держи его!.. Вали!.. Врежьте ему еще!.. — причудливо отдавались в стенах помещения

испуганные голоса. — Он свихнулся от убийств на арене!..

— Нечистые демоны!.. Вонючие набиватели мумий!.. — ревел Конан в кромешную темноту, принимая и щедро раздавая удары. — Отдайте мне Роганта!.. Это гордый боссонит, а они любят лежать в земле открытых лугов, где цветы и трава!.. А не торчать выпотрошенными и замурованными в стенах!..

Ярость умножила его силы, и Конан разбросал несколько повисших на нем человек. А потом ринулся вперед... но только для того, чтобы врезаться головой в каменный столб. Вот тут он наконец-то увидел свет: перед глазами заплясали разноцветные звездочки.

— Хватит!.. — прозвучал голос. — Держите его крепче, чтобы не шевелился!

К звездочкам и вертящимся солнцам перед глазами прибавилось обычное живое пламя. Кто-то поднес светильник к самому лицу варвара. Жесткие пальцы стали ощупывать болезненно пульсировавший череп.

— Необыкновенно! — продолжал голос. — И кости целы, и даже сознания не потерял. Эй, малый! Ну-ка отвечай, как тебя звать?

Конану понадобилось головокружительное усилие, чтобы вспомнить собственное имя и кое-как выдавать его вслух.

— Отлично, — сказал голос. — А теперь лежи смирно и слушай. Я — Манетос, главный жрец при мертвецкой Империум-Цирка. Прошу тебя, успокойся. Мы не причиним зла твоему другу и вообще не станем делать ничего такого, чего ты не захочешь.

По мере того как в голове прояснялось, Конан начал различать смутные очертания окружающего. Комнату освещали высокие, тонкие свечи, установленные в настенных подставках довольно близко одна от другой. Над киммерийцем склонился жрец с провалившимися глазами и короткой бородкой. Он тоже держал в руке свечу.

Алые одеяния с капюшонами казались черными, как застывшая кровь.

— Роганту вы уже никакого зла не причините, — сказал Конан Манетосу. — Но что там насчет меня? Твои дружки разок уже пытались меня сюда заволочь, а тогда я был еще дальше от смерти, чем сейчас! Может, вы и меня заодно выпотрошить собрались?

— Не беспокойся попусту, — утешил его Манетос. — Мы не станем тебя убивать и вообще пальцем не тронем. Нам с учениками не позволено иметь дела с живыми... по крайней мере, на нынешней стадии наших исследований... — Конану почудилась в его голосе некая горечь. — Мы заботимся лишь о мертвых.

— Хочешь сказать, что меня отпустят? — хрипло поинтересовался киммериец. — Среди гладиаторов, знаешь ли, говорят, что ни один вошедший в эти Врата еще не возвращался, будь он живым или мертвым...

— В жизни не слышал подобной чепухи! — заверил его Манетос. — И, между прочим, не видел ни одной банды негодяев, более суеверной, чем твои дружки-гладиаторы. Лучше попробуй подняться. Встать сможешь?

Конан оперся на руки пленивших его жрецов и кое-как выпрямился. Все-таки он качнулся вперед, чуть не налетев на Манетоса, и тут его глазам предстало жуткое зрелище. На каменном столе лежал Сист, молодой гладиатор, попавший в Цирк из компании Дата. Мертвый Сист лежал на спине, и распластанное тело было буквально вывернуто наизнанку. Распяленная плоть удерживалась крючками, латунными прищепками и деревянными распорками...

— Гнусные вызыватели умерших!.. — взвыл киммериец.

Он оттолкнул Манетоса, но со всех сторон его сграбастали десятки рук. Это, впрочем, было даже и к лучшему, ибо иначе он бы просто свалился.

— Что вы сделали с несчастным парнишкой!.. — прохрипел Конан. — Раскромсали, как ветчину!..

— Раскромсали его не мы, а один из твоих товарищ, — ответил Манетос. — Кажется, его зовут Крепкоруким. И сделал он это, между прочим, безобразно плохо, так что я скорее прозвал бы его Тупой Меч. Это ему больше подходит. Так вот, это он убил мальчика, а не мы. Мы всего лишь изучаем его раны и стараемся побольше узнать о человеческом теле и его различных частях. Ибо человеческое тело есть великое чудо Богов, которое ты и твои тупоголовые друзья так любят всячески осквернять и уродовать...

— Все равно! — мрачно возразил Конан.— То, что вы тут творите над мертвыми, — недостойно! Все, что внутри у человека, это его личная собственность. Рыться в кишках — все равно, что грабить имущество!

Манетос рассмеялся:

— По-твоему, лучше, если это сделают стервятники, крысы и насекомые?

— Да, потому что таков природный порядок, — упорствовал Конан.— Слишком большой интерес к мертвым — нечист и непотребен. Тут, по-моему, попахивает преступным вызыванием мертвых! Те знания, которые вы пытаетесь приобрести, вне человеческого разумения. Они должны быть доступны только Богам!

— Вот уж чушь, — сказал Манетос. — Ты судишь слишком прямолинейно. Скажи-ка лучше, ты когда-нибудь приглядывался как следует к тем самым телам, которые разрубаешь мечом?

Отступив немного в сторонку, жрец указал Конану внутрь разверстого тела:

— Смотри, вот этот шар внутри — не что иное, как сердце, то самое, которое бьется в твоей груди, пока ты живешь. Мы открыли, что оно работает подобно насосу, — да-да, в точности как водяные насосы в полях. Сила его сокращений распространяет течение крови по всему телу до самых дальних пределов. А вот этот мешочек — желудок. Он производит кислоту, и она сжигает проглоченную пищу. Так вырабатывается внутренняя теплота, дающая жар телу. Все работает вместе, причем одинаково у каждого человека. Мы вскрывали животных, и обнаружилось, что они устроены очень похоже...

— Вот как?.. — Конан заметил, что из тела юного Систа была выпущена вся кровь и собрана в сосуды, стоявшие под столом, и с отвращением отвернулся. — Ну и на кой вам, интересно, удивительные знания, за которыми вы так жадно охотитесь? Собрались мертвыми повелевать? Или хотите совершить какой-нибудь мерзкий жреческий ритуал и подчинить своей воле живых?..

Манетос хмуро передернул плечами.

— Во-первых, — сказал он, — это нужно нам для того, чтобы зашивать и лечить раны, которые ты и тебе подобные с такимupoением наносите. Во-вторых, знания, полученные при изучении праха, помогают постигать и лечить всяческие болезни, лихорадки и моровые поветрия, с древнейших времен одолевающие человечество... — Он покачал головой, укрытой капюшоном. — Увы, наши храмовые старейшины покамест строго возбраняют нам применять вновь полученные сведения и делать опыты по исцелению и утешению страждущих. Вот и приходится нам ограничивать свои изыскания возвней в мрачных подземельях арены. По счастью, здесь у нас в избытке свежеизрубленных тел. Управившись со своим делом, мы должным образом их бальзамируем и совершаем священные таинства. Так что для внешнего мира мы, как ты выразился, просто набиватели мумий...

— Все равно, — упрямо пробурчал Конан.— По мне, это в высшей степени мерзко и противно природе... — Он осторожно потрогал шишку на голове и добавил: — На всякий случай предупреждаю тебя, жрец: если то, чем вы тут балуетесь, и нельзя впрямую назвать колдовством, так оно в любом случае недалеко от него ушло.

— Есть и третья возможная цель наших исследований, — невозмутимо проговорил Манетос. — Не удивлюсь, если она заинтересует тебя больше двух первых. — Он двинулся со

своей свечой мимо Конана, приглашая незваного гостя и младших жрецов последовать за собой. — Я имею в виду, — пояснил он на ходу, — изобретение новых и более действенных способов изувечить или убить человеческое существо. Усилия нашей науки порою находят зримое воплощение в приемах борьбы...

Конан заинтересованно пошел следом за Манетосом. Алый жрец опустился на колени рядом с телом Роганта, уложенным на соломенную подстилку рядом с одной из каменных стен.

— Этот человек, — сказал жрец, — только что принял скорую и вполне безболезненную смерть от рук некоего Ксотара, храмового убийцы из наших восточных провинций. До сих пор мне пришлось видеть лишь две его жертвы, но способ причинения смерти был один и тот же. Обрати внимание: на теле не видно ни ран, ни кровоподтеков. Губы не посинели, глаза и язык остались на своем месте. Эти детали очень, очень красноречивы.

Конан вглядывался в мертвое лицо друга, озаренное мерцающим светом. Тело Роганта в самом деле никоим образом не было повреждено, но именно поэтому киммериец не смог подавить невольного содрогания.

— Ну и как он это сделал?.. — спросил он, наконец.

— Весьма просто, — ответил Манетос. — Его называют Душителем, но он не душит, а скорее прекращает дыхание. — Длинный палец жреца завис над горлом погибшего. — Ты видишь, он не сворачивает шею, не сдавливает дыхательное горло, не раздавливает кадык. Он даже не зажимает жертве рот и нос, удерживая остатки воздуха в легких. Нет, его приемы подсмотрены у храмовых питонов и достигаются тщательной отработкой...

Бледные, удивительно выразительные руки Манетоса сдвинулись ниже, к торсу Роганта.

— Ксотар научился достигать нечеловеческого сосредоточения силы, и это позволяет ему выжимать воздух из легких своей жертвы. Вероятно, он еще помогает себе внешне безобидным тычком в солнечное сплетение — вот сюда... — Два пальца уперлись в твердую плоть мертвеца. — Сбив жертве дыхание, потом он только удерживает давление, не позволяя умирающему вдохнуть. В легких не остается воздуха, который можно было бы еще некоторое время использовать, нет и возможности вздохнуть, а потому не происходит отчаянной борьбы, как при удушении. Гибнущий не успевает даже как следует испугаться. Его жизнь попросту прекращается, и все. Это богоугодный способ убийства, освященный законом Храма и принятый в качестве торжественного жертвоприношения Сету Всемогущему... — И Манетос аккуратно сложил руки. — Вот за этот, только ему присущий прием Ксотар и получил свое прозвище.

Конан, сидевший на корточках подле жреца, вновь содрогнулся.

— То, что ты только что обрисовал, Манетос, столь же безбожно и отвратительно, как и то, что вы вытворяете в этом подвале! Лучше уж принимать смерть так, как это пристало мужчине, через удары и пролитие крови, сколь бы старомодными они кое-кому ни казались! — Он выпрямился. — Так вот, если вы вправду хотите почтить бедные останки Роганта...

Алый жрец тоже поднялся на ноги:

— Я уже дал тебе обещание. Да и храмовый закон воспрещает нам делать что-либо, кроме самого простого бальзамирования, с благовониями и добрыми травами...

— В качестве лакомого кусочка для отца Сета, — угрюмо кивнул Конан. — Что ж... Верно, Рогант и сам не стал бы особенно возражать, разве что предпочел бы умереть попозже и не таким способом. Но коли вы поклялись обойтись с его телом по-людски... — Он оглядел комнату. — Ты, кажется, говорил, будто мне будет позволено выйти? Хватит уже с меня всяких пакостных подземелий... Кром! — вырвалось у него вдруг. — Эт-то еще что за херня?..

Уже некоторое время снаружи, сквозь каменные перекрытия, доносился приглушенный гул. Потом подземное помещение внезапно сотряс громовой удар, от которого поколебались самые камни под ногами и над головой, а с потолка посыпалась мелкая крошка.

— Зрители прыгают и топают на скамьях, — с безразличным видом пояснил Манетос. — Особенно неприятно, когда они орут и подскакивают в унисон...

Один из учеников приоткрыл тяжелую дверь и выглянул на арену.

— Святейший, — обратился он к Манетосу. — Там опять нужна наша помощь.

— Что ж, ступай и привези тело, — ответил жрец и перешел к другому каменному столу, пока еще не занятому.

В дверь ворвались лучи слепящего солнца, и Манетос, пользуясь светом, принял сдвигать в сторону сосуды и инструменты, освобождая место для трупа.

— Если хочешь уйти, — через плечо сказал он Конану. — лучше воспользуйся внутренней дверью и, ступай через тоннели. Незачем, чтобы зрители обращали слишком много внимания на моего помощника, да и на тебя тоже.

Яркий свет снаружи слепил глаза, успевшие освоиться с полумраком, но Конан все-таки постоял в дверях, глядя, как двое обитателей подземелья волокут по песку в свое логово еще одно красивое сильное тело. Можно было отчетливо распознать имя победителя, постепенно затихавшее на устах распаленной толпы.

— Ба-фо-мет!.. Ба-фо-мет!..

Для юного гладиатора, бывшего уличного хулигана, это была уже третья победа в единоборстве. Киммерийцу хотелось посмотреть, кого он сразил на сей раз.

Вот тело с лязгом и царапаньем пересекло порог, покачиваясь на холщовых носилках... Заляпанные кровью доспехи придавали ему особенно тяжеловесный и бесформенный вид. Конан видел, как расстегнули подбородочный ремень и сняли с головы мертвого неуклюжий гладиаторский шлем. Обросшее щетиной, безжизненно-бледное лицо принадлежало давнему товарищу Конана по тренировкам в учебном зале и ночным кутежам в «Прогулочной барже». Это был Игнобольд.

Киммериец с горечью выругался.

— Святейший! — подал голос младший жрец. — Смотри, Учитель, он еще жив!

Он уже снял с тела расположенный нагрудник и указывал пальцем внутрь глубокой, сочащейся кровью раны. Там, возле основания шеи, почти незаметная среди кровавого месива, в самом деле, пульсировала жилка!

— Во имя Митры!.. — выдохнул Конан, разыскивая взглядом свой меч. — Посмейте только добить его, и я такое над вами учиню!..

— Хватит болтовни! Лучше подойди-ка сюда и помоги взгромоздить его на стол! — деловито распорядился Манетос.

Жрецы с готовностью окружили раненого, но Конану помощи не понадобилось. Нагнувшись, он подхватил на руки тяжелое тело и переправил его на стол. Когда доспехи лязгнули о камень, Игнобольд сдавленно застонал. Главный жрец досадливо отпихнул Конана и наклонился пониже, рассматривая повреждения.

— Вы двое,несите иглы и нитки! Да не забудьте свежие повязки для мумий — перевязать раны! — начал он распоряжаться. — Ты! Будешь держать ему голову. Ты, Зиво, бегом за миской чистой воды. А ты, гладиатор, как тебя там, придави нижний край раны, вот тут. Положи руки сюда и сюда... нет, не так, а вот так... теперь надави! Сильнее!.. Хорошо... а теперь не отпускай...

Конан, отнюдь не привыкший, чтобы им вот так распоряжались и чуть ли не кричали, тем не менее, повиновался беспрекословно. Между его пальцами сочилась кровь, приходилось стараться изо всех сил, чтобы ладони не соскользнули с похолодевшей, влажной кожи Игнобольда.

— Что толку заталкивать кровь обратно внутрь тела? — все-таки спросил он сквозь сжатые от усердия зубы. — Она и так почти вся уже вытекла на песок...

— Мы пытаемся удержать в теле то немногое, что в нем еще задержалось, — тоже сквозь зубы пояснил Манетос.

Дождавшись воды и тряпок, он трудился над раной, промывая и очищая. Время от времени он растягивал в стороны рваные края и заглядывал вовнутрь.

— Рана глубокая, — сказал он, наконец, — но все же можно постараться что-то сделать... Кость, правда, рассечена, но это не беда: срастется. Держи крепко, пока я буду лить... вот так... А теперь отпусти и дай мне взглянуть, что получилось. Хорошо... Теперь нажми здесь...

Кровотечение почти прекратилось: то ли благодаря прижатию, то ли оттого, что просто нечemu стало вытекать. Конан молча смотрел, как Манетос отбросил кровавые тряпки, выбрал иголку и продел нитку в ушко. И принялся за ювелирную работу при неверном свете свечей...

— Что за странный ритуал вы совершаете? — исполнившись внезапного подозрения, осведомился Конан. — Шьете ему саваны, чтобы было в чем встретить Богов?..

Жрец ничего не ответил. Тонкая игла быстро замелькала между пальцами Конана, все еще прижимавшими тело: Манетос сшивал живую плоть, словно края продырявленной ткани. Игла входила и выходила, стягивая разноцветные слои разодранной раны. Наконец Манетос с величайшими предосторожностями затянул нить, так что образовался выпуклый шов. Конан следил за действиями жреца со смесью ужаса, изумления и любопытства. Проворная игла совершила стежок за стежком, и вот, наконец, Манетос окончательно свел края раны. Тут Конан почувствовал, как внезапно ослабели у него руки, могучего киммерийца затрясло, в глазах потемнело, он понял, что теряет сознание, и завалился на пол...

Глава двенадцатая

«С МЕНЯ ХВАТИТ!»

Рогант был всего лишь начинающим гладиатором, но народу на похороны собралось неожиданно много. Пришли не только собираители сведений, завзятые болельщики и профессиональные плакальщицы — собралась в полном составе и вся труппа Ладдхью. Не явился один только Дат, да и тот в качестве извинения прислал большой венок из лилий и лавровых ветвей. Было в толпе и немало сторонников Игнобольда; они пришли отдать последний долг своему любимому гладиатору, будучи в полной уверенности, что он погиб. Каково же было их изумление, когда выяснилось, что кумир выздоравливал от ран в лечебнице при храме! Чего больше было в изумлении болельщиков, радости или разочарования, оставалось неясным. Тем не менее, они добросовестно торчали у стены до самого конца церемонии, хоть и справляли ее лишь по Роганту да по совсем уж мало кому известному Систу.

Пришел проводить друга и Конан. Полотняные бинты на его груди сменились толстой повязкой на голове. Если не считать этой полоски материи, он выглядел свежим и готовым в бой, как всегда. Другое дело, киммериец казался необычно тихим и задумчивым. Его погоня за алыми жрецами и то, как он вломился во Врата Мертвых, было всеми замечено и всеми обсуждалось. Однако ни слова о том, что произошло за Вратами, из него выжать, не удалось. Вот и теперь на него было обращено немало пристальных взглядов. Болельщики и держатели ставок пытались делать выводы, насколько хорош он будет в последующих боях.

Пока замуровывали нишу, полагалось соблюдать приличествующую случаю скорбную тишину. Однако на сей раз ничего не получилось, несмотря даже на свирепые взгляды приятелей новопреставленных. Как же, ведь у цирковых завсегдатаев было столько животрепещущих тем для обсуждения!

Небывало быстрый взлет борца Ксотара. Беспрецедентное возвращение Игнобольда из-за самых Врат Смерти. И — наиважнейшее! — скорое утверждение Коммодоруса на новый срок в качестве Тирана Луксуря. Ибо, хотя формально срок его правления истек еще в день праздника Баст, Первосвященник Некродиас продлил пребывание Коммодоруса у власти до Большого Представления, которое должно было воспоследовать через несколько дней. Следовало ждать, что тогда-то и произойдет его утверждение.

Большинство народа полагало: старый жрец просто склонялся перед неизбежным. Мало кто сомневался, что, когда Коммодоруса вновь провозгласят правителем, то назовут не просто Тираном, но Тираном Непреходящим и сделают его должность пожизненной.

Во всяком случае, таково было мнение большинства простонародья и разных группировок, державших сторону Коммодоруса. Никаких иных возможных вариантов эти люди не признавали.

... Тем временем жрец кончил заупокойные молитвы, и стали слышны перешептывания в толпе. Тогда-то сбившаяся в тесную кучку цирковая труппа стала вслух вспоминать о своем прежнем товарище, столь внезапно и трагически оставившем сей мир.

— Незачем было Роганту вообще вступать в гладиаторы! — жаловалась Сатильда. — Какой из него убийца? Вы видели, как он отбросил в сторону меч, идя навстречу тому... животному из храма?

Иокаста была одной из немногих среди собравшихся, кто проливал искренние, неподдельные слезы.

— Я предостерегала его против этого боя... — с горечью проговорила она. — Накануне я составила его гороскоп, и он оказался таким зловещим, какого я уже много месяцев не видела!

Рогант даже слушать меня не захотел. Разве он мог разочаровать зрителей?..

— Он был храбрецом и прекрасным артистом, — мрачно подтвердил Конан. — Что же касается его достоинств как борца... Тут мне трудно что-то сказать наверняка. Мы с ним схватились всего один раз, но поединок завершился вничью из-за пустой случайности, так что...

— Все эти месяцы, пока он не мог выступать в полную силу, Рогант страдал не столько от раны, сколько от утраты зрительской любви,— подал голос Бардольф. — Потому-то он иной раз и напивался, а совсем не из-за боли!

— Это верно, он жаждал признания,— сквозь слезы промолвила Иокаста. — Он радовался, как ребенок, когда здесь, в Луксуре, совсем незнакомые люди узнавали его на улицах, а богатые вельможи приглашали на праздники и пиры. Можно сказать, Империум-Цирк стал воплощением мечты его жизни...

— Так-то оно так, — сказал Конан, — только под конец всех дел эта же мечта его и убила, а счастье и слава длились очень недолго. Теперь, когда его больше нет с нами, надо бы нам подумать о нашем собственном будущем здесь, в Луксуре. Нужны нам здешние деньги и слава, если из-за них приходится совать голову под топор? Если останемся здесь, кабы не понести нам новые потери, да такие, без которых трудно станет прожить... — И киммериец обнял за плечи Сатильду. — Лично мне нешибко по нраву тот выбор, перед которым нас тут ставят...

— Я вижу, Конан, ты к самому сердцу принял гибель нашего дорогого товарища,— отечески проговорил Ладдхью.

Подойдя к Конану, цирковой мастер крепко стиснул его плечо и обнял киммерийца.

— Однако, прошу тебя, не предавайся столь скорбным раздумьям! В конце концов, большинство из нас ведь не подвергается таким страшным опасностям, как те, в которые Рогант дал себя вовлечь. Зато наши выступления более чем успешны, да и выручка от них весьма, весьма ощутима. Новые потери в составе труппы отнюдь не кажутся мне неизбежными. Не забывай, что все мы — умелые и опытные артисты...

— Опасность налицо, только вы ее не осознаете. — Конан хмуро отвернулся от циркового мастера и обвел задумчивым взглядом своих товарищей по арене. — Я-то, в отличие от вас, близко знаком со всем, что происходит в Цирке и на улицах. Так что смогу ли я продолжать дальше в прежнем духе...

— Ну, ну, Конан, как же так, наши выступления больше не могут без тебя обходиться!— Ладдхью хотел снова обнять новоиспеченную «звезду», но киммериец отстранился, избегая отеческого объятия. — Если ты находишь, что тебе платят недостаточно, — продолжал Ладдхью, — я уверен, с этим вполне можно что-то придумать. Но, как ты сам понимаешь, о таких материях мы лучше переговорим как-нибудь попозже, когда уймется боль и горечь утраты...

Тут заговорил молчавший до этого времени Фатуфар, метатель ножей:

— Слышишь, Конан... Если нужен новый гладиатор, который станет сражаться вместо тебя... или займет место бедняги Роганта... В общем, я бы попробовал. Я неплохо бросаю ножи и думаю, что это умение сослужит мне службу на арене. Мы с Яной... — и он кивнул на молодую жену, любовно обнимавшую его за пояс, — мы с Яной скоро ждем прибавления в семействе. Так что немного деньжат и хорошая репутация нам совсем бы не помешали.

— Как предусмотрительно, Фатуфар!— восхитился Ладдхью и, отойдя от Конана, завел разговор с молодым циркачом.

Киммериец остался угрюмо стоять в одиночестве. Народ начал мало-помалу расходиться, настроение у всех было подавленное. Некоторое время Сатильда озабоченно поглядывала на своего возлюбленного, потом обратилась к нему:

— Конан, я знаю, как это печально и горько — хоронить друга. Но я-то вижу, что ты сам не свой с тех пор, как вбежал во Врата Мертвых следом за жрецами. Скажи, неужели они

заколдовали тебя? Что за вредоносное заклятие они на тебя наложили?..

Киммериец только хмуро посмотрел на девушку — и ничего не ответил. Сатильда, со своей стороны, не стала настаивать.

Когда все разошлись, Конана отыскал гонец, назвавшийся посланцем Адольфа. Он провел его задами Цирка, потом по одному из восходящих пандусов, туда, где в северном конце амфитеатра совершалось строительство: возводили новый балкон. Рабочие сновали по лесам как муравьи, заливая серый, бугрящийся галькой раствор в деревянные формы, венчавшие собой верхушки колонн.

Коммодорус стоял наверху, присматривая за работой. Когда Конан, оставив посланца внизу, взошел к нему по ступеням, Тиран улыбнулся и приветливо помахал рукой.

— Последняя придумка зодчих исполнена настоящего вдохновения, — сказал он киммерийцу и указал рукой туда, где копошились рабы:

— Вид отсюда будет что надо, а нижние места окажутся в тени. Да и число платных мест в этой секции Цирка вырастет сразу наполовину. Самое же лучшее, что мы теперь пользуемся улучшенным раствором. Он приготовляется по древнестигийским рецептам: когда-то его использовали для запечатывания могил. Он позволяет возводить надстройки в течение считанных дней: больше не приходится ждать, пока на каменоломне вырубят нужные глыбы, доставят сюда и подгонят друг к дружке. Я сам слежу за скоростью строительства, чтобы все закончить ко дню следующего празднества... — И Тиран ослепительно улыбнулся Конану: — Я хочу, чтобы как можно больше горожан наблюдало мое утверждение. Киммериец промолчал. — Следует наилучшим образом подобрать время, — продолжал Коммодорус, — ибо я хочу еще один последний раз появиться на арене и как следует впечатлить толпу, прежде чем занять новую, более высокую и утонченную должность. Во время следующих игр мы собираемся устроить нечто совершенно невиданное, а посему рабочим придется трудиться не покладая рук, дабы все завершить вовремя... — Он указал вниз, на плоский овал арены, где множество народа сгребало и отвозило песок и поднимало деревянные панели, совершая какие-то перестановки. — Вряд ли следует напоминать, что я по-прежнему рассчитываю на тебя, Конан, и на то, что в случае чего ты прикроешь мне спину. Так что давай поскорей выздоравливай от этой раны на голове — где ты только умудрился вчера ее заработать? — и будь готов как следует мне послужить. Конан с самым серьезным видом выслушал его до конца.

— Простая царапина, — он коснулся повязки, пересекавшей лоб. — Побаливает, конечно, но это пустяк. Да и на груди почти все зажило. — Конан погладил нежную, еще как следует не окрепшую кожу пониже подмышки. — Дело совсем в другом, Тиран. Я стал как-то не так уверен в том, что я делаю на арене. Не знаю, смогу ли я за тебя биться и убивать...

Коммодорус широко улыбнулся.

— Я смотрю, — сказал он, — жрецы Сета успели над тобой потрудиться. — И хлопнул Конана по плечу. — Я предвидел что-то в этом духе еще вчера, когда ты с разбегу влетел прямо в их логово. Они народ ушлый, издавна привыкший улавливать души простых честных людей без помощи оружия и денег. Увы, они отвернулись от достойных мужчины свойств и искусств, с помощью которых в этом мире делаются все дела. Так что навряд ли им удастся выстоять против настоящих мужчин, таких, как я, например... — Он рассмеялся с веселым соболезнованием. — Отдохни еще несколько дней, приди, как следует в чувство, и скоро то малодушие, которым они успели тебя отравить, выветрится само по себе.

Конан прямо посмотрел Тирану в глаза и сказал:

— Может быть, и так, Коммодорус. Но то, что мне показали жрецы, действительно меня потрясло. И я должен еще раз предупредить тебя: я могу оказаться не готов убивать по твоему слову.

Тиран снова расхохотался.

— Чепуха, Конан, пустые страхи! Я же нанял тебя для защиты, а не для убийства. И потом, не забывай, что я намерен сам пожать всю славу, а ты должен остаться в тени. Мне нужен всего лишь телохранитель, и притом как можно более незаметный... Я вот что еще тебе скажу. После тех игр, о которых мы говорим, в Луксуре многое переменится. Я смогу вести себя более решительно по отношению к Храму. А если они попробуют меня сместь — устрою открытое восстание против священства. В народе у меня для этого поддержка достаточно мощная. Некродиас дал мне набрать слишком большую силу и уже не сможет ничего изменить. Они привыкли держать луксурских горожан в кулаке, но скоро этому настанет конец! — Он взмахнул рукой.— Но чтобы претворить в жизнь столь грандиозные планы, мне нужно для начала остаться в живых. А это до некоторой степени будет зависеть и от тебя, киммериец... — Он весело и дружелюбно вглядывался в лицо варвара. — И помни, ведь мы уже обо всем договорились!

Конан кивнул и сказал:

— Я взял твое золото. Значит, я выполню то, что тебе обещал.

— Ну, вот и отлично, — улыбнулся Коммодорус. — А когда я покончу с ареной, никто не мешает и тебе сделать то же, если захочешь. Только это, конечно, не означает, что после этого ты перестанешь мне служить. При моем новом правлении для людей умных и сильных откроется масса новых возможностей. Я надеюсь, скоро ты переживешь свое нынешнее душевное смущение. И вот тогда-то твоя телесная мощь и всем известные подвиги на арене сослужат тебе добрую службу!

... Расставшись с Коммодорусом, Конан провел остаток дня в молчаливых размышлениях и домашних делах, — в частности, бегал с Квамбой, гоняя тигрицу по лужайке для упражнений. Вечером он повез Сатильду на колеснице в пивнушку к Намфету. Но там ему показалось слишком уныло (команда Дата перебралась в город), да и вино что-то не так горячило кровь, как бывало. Проскучав в «Прогулочной барже» часа два, они вернулись домой, и завалились в постель.

На следующее утро Конан первым делом отправился к Игнобольду в храмовую лечебницу. Раненый гладиатор был еще слаб от потери крови, но в полном сознании и даже пил бульон и разведенное вино. Так, по крайней мере, сказали Конану лекари. Подойдя к ложу товарища, Конан с изумлением увидел, что у Игнобольда были повязки не только на груди, но и на глазах. Он спросил о причине и в ответ услышал:

— Да все этот говнюк Бафомет... Сыпанул, понимаешь, в глаза песком! — Игнобольд беспомощно поерзал, лежа на спине. — Без этакой подлости ему бы нипочем меня не достать...

— Значит, ничего не видишь пока?.. На-ка, выпей бульончику...— И Конан принялся кормить друга с ложечки отваром, который дал ему лекарь. — А что жрецы говорят? Вернется к тебе зрение?

— Конечно, вернется! Как же иначе? — ответил больной, проглотив первую ложечку.— Боги ведь не дали мне помереть, так? Ну, и с какой бы стати им лишать меня своей помощи, пока я еще не отомстил?

— Значит, — сказал Конан, — ты опять будешь в добром здравии и полон сил. Давай пей.

— Я обязательно выздоровею, Конан, и попомни мои слова: к середине лета я вернусь на арену и стану еще более непобедимым и страшным для врагов, чем раньше был!..

— Съешь-ка еще ложечку, — ласково посоветовал Конан. — Ты не находишь, что это великое чудо — получить такую рану и после этого лежать тут и вовсю разговаривать?

— А то, как же!.. Знаешь, мне очень больно... Но пути Богов воистину неизвестны. Я сейчас жив в основном потому, что свято надеюсь когда-нибудь поймать этого уличного щенка

Бафомета и по рукоять всадить в него добрый меч... А заодно подправить и свою репутацию... вроде того, как ученые жрецы заштопали мои потроха. Я слышал, ты помогал им, Конан. Спасибо тебе... Слушай... А можно еще об одном благодеянии тебя попросить?

— Конечно, дружище. Ты себе глотай — и проси, чего душа пожелает.

— Ты вот что... Не убивай его, Конан. Бафомета, я имею в виду. Пускай пока поживет. Оставь его мне. Я, конечно, понимаю, это очень трудная просьба... Как ты думаешь, сможешь ее исполнить ради меня?

— Ты суп доедай. Вот так... Даю тебе слово насчет Бафомета. Я смотрю, ты устал, так что я лучше пойду. — И киммериец дружески погладил раненого по голове. — Отдыхай приятель, набирайся сил и ни о чем не беспокойся. Гаденши Бафомета я пальцем не трону, раз обещал.

Покинув лечебницу, Конан честно постарался развеяться и выкинуть из головы лихорадочные бредни Игнобольда, но его настроения это посещение, понятно, не улучшило. Встреча со старым еретиком на арене (при воспоминании о старице Конану упрямо лезло на ум слово «святой»), потом совершенно шальные впечатления от посещения мертвецкой... все это оставило неизгладимый след в душе киммерийца. Ему стало казаться, будто простыми смертными в их повседневной жизни двигало не что иное, как безумная жажда убийств...

Он ходил сам не свой и в этот день, и в последующий. От него было мало толку и в учебном зале, и в шумной компании развлекавшихся гладиаторов. Даже когда явился гонец и передал ему персональное приглашение от Некродиаса, Первосвященника храма Сета, Конан и это воспринял с каким-то тупым безразличием.

Евнух, доставивший приглашение, провел варвара непосредственно в Большой храм, хмуро громоздившийся у подножия того самого холма, чью вершину оседлал Империум-Цирк.

Сперва они шли уже неплохо знакомыми Конану территориями Цирка, потом — через какие-то заплетенные виноградом садики и дворики, в которых буквально на каждом шагу из-под ног ускальзывали в густую траву неведомые существа. Далее опять начались признаки человеческого присутствия: богослужебные сооружения и домики жрецов, выстроенные в роскошной зелени склона.

Они подошли к храму сзади, но евнух вывел Конана на городской бульвар, препроводил вверх по широким ступеням и, наконец, внутрь через великолепный портал.

Массивные колонны были вырублены из мерцающего прожилками камня змеевика и украшены чуть заметной резьбой, изображавшей чешую: колонны, таким образом, являли собой подобия чудовищных змей. Галерея, сработанная из полированного камня, порождала гулкое эхо. Сегодня в храме не было торжественной службы, а в обычные дни народ сюда заглядывать избегал. Где-то в глубине, смутно озаренное змеящимся пламенем масляных светильников, вздыпалось золотое туловище статуи Сета. Священное изображение представляло гигантского змея, свившегося чешуйчатыми кольцами и словно бы готового ударить клыками всякою, кто осмелится войти без разрешения. Глазами Богу-Змею служили два гигантских самоцвета. Они переливались багрово-красными гранями и были такой величины, что один человек вряд ли смог бы поднять.

Конан, однако, почти не заметил мрачноватого великолепия храма. Он хмуро проследовал за своим проводником мимо двойного алтаря, мимо пьедестала огромной статуи, потом за сверкающий блестками занавес, закрывавший часть дальней стены. Там обнаружилась небольшая комната с низким сводчатым потолком. Конан подумал, что это, верно, была святая святых, место уединенных раздумий Первосвященника храма.

— Подойди, чужеземец, и встань передо мной, — послышался голос.— Мои глаза не так остры и всевидящи, как у Отца Сета в переднем зале...

Повинуясь этому голосу и молчаливому жесту евнуха, Конан пошел туда, откуда, явившись

из-за высокой спинки черного кресла, манил его костлявый высохший палец. Он обошел кресло, сработанное из эбенового дерева, и увидел Некродиаса. Жрец сидел за широким столом и при свете двух зеленых свечей царапал что-то на пергаментном свитке. Наконечник его пера был сделан из змеиного зуба. Он низко сгибался над работой; худые плечи горбились под желтой епитрахилью из змеиной кожи. Вычертив последний иероглиф стигийского письма, Первосвященник поднял голову и посмотрел Конану в глаза.

Киммериец первый раз видел верховного жреца так близко от себя и сразу поймал себя на том, что нипочем не взялся бы определить его возраст. Казалось, этот самый возраст измерялся столетиями... А почему бы, собственно, и нет, подумал он вдруг. Особенно если учесть тайные знания, которыми располагает старик, да еще близкое знакомство с бессмертными Богами, которым он служит...

Лысый череп жреца, скрытый под капюшоном, его лицо, иссеченное густой сетью морщин, бесплотное тело, взгляд, лишенный блеска и выражения...

А что! подумал вдруг Конан. Кабы не оказалось, что эти костлявые пальцы недавно выпутились из саванов и повязок для мумий...

— Конан Сокрушитель! Так, кажется, тебя именуют, — сказал Первосвященник. — Ты новичок на арене, но за тобой присматривают и пристально берегут. Даже несмотря на раны, которые последнее время мешают тебе выступать в полную силу... — Испачканный чернилами палец указал на повязку, еще украшавшую лоб киммерийца. — Твоя доблесть и воинское мастерство снискали тебе внимание сильных мира сего. Я не первый, кто приглашает тебя побеседовать и развлечься. Я знаю, что ты бывал в домах других знатных вельмож.

— В этом доме насчет развлечений пока не густо, — проворчал Конан.

Словесный поединок со жрецом вернул ему толику былого боевого задора.

— Зачем ты меня пригласил?

Улыбка, как трещина, расколола лицо Некродиаса пополам, но жрец не засмеялся. Он отложил перо в сторону.

— Кое-кто слышал, как ты разговаривал с нашим вездесущим Тираном, Коммодорусом. А также и с его второй ипостасью, Удольфом. И он попросил тебя сослужить ему некоторую службу. Вот и наш Храм хочет, чтобы ты для него кое-что сделал. Я готов предложить стократное вознаграждение против того, что назначил тебе наш великодушный и всемилостивый Тиран.

Конан передернул плечами:

— Я приехал сюда, в Луксур, честным скитальцем, понятия не имея о ваших тут междуусобных интригах. Я и дальше старался вести дела справедливо, насколько это зависело от меня, моего хозяина Ладдхью и от других членов труппы. Замечу, кстати, мы часто оказывались порядочней, чем здешний народ — по отношению к нам. Я не слепой и вижу, сколько невинной крови проливается из-за никчемной вражды. И у меня нет ни малейшего желания впутываться в ваши дела глубже, чем мне уже довелось на сегодняшний день!

Некродиас поднял кустистые брови — то ли от удивления, то ли притворяясь удивленным. Такое выражение лица ничуть не шло ему, делая его похожим на сову.

— Неужели, — проговорил он затем, — мне сообщили ложные сведения? Неужели передо мной, в самом деле, стоит Конан, прозванный Сокрушителем? Человек, наделенный неутолимой жаждой сражений и состязаний, чей меч редко когда покоится в ножнах целую ночь? Неужели это и есть знаменитый вор и разбойник, рывшийся в руинах сотни замков и десятка городов, но так и не насытившийся золотом и прекрасными женщинами? Неужели прославленный наемник стоит передо мной, не находя в себе достаточно мужества, чтобы убить Коммодоруса по моему слову и, очень возможно, самому стать вместо него Тираном Луксура?..

Конан взирал на верховного жреца безо всякого выражения.

— Я не знаю, Некродиас, чего ты наслушался о моем прошлом, а что увидел сквозь волшебный шар колдовства, — сказал он со вздохом. — Но я не наемный убийца и никогда им не был. Я не стану убивать одного человека по приказу другого.

— Вот что, Конан. Я знаю, что ты не в духе, но и я не из тех, на ком можно срывать дурное настроение. Мне, между прочим, известно, что тебе заморочил голову Манетос, мой главный бальзамировщик. Ему не откажешь ни в уме, ни в искусстве убеждения. Увы, он придерживается взглядов, которые никогда не позволяют ему достичь высокого положения в храмовой иерархии. Верно, он мог малость сбить тебя с толку. Тяжело потерять друга, да и расправу над несчастными, сбившимися с дороги безумцами, которых мы называем еретиками, нелегко пережить человеку с твоими нравственными принципами. И все-таки я тебя призываю: не дай минутному настроению помутить твой разум и заставить упустить блистательный шанс. Настал час ответственности и решительных действий! Ибо Коммодорус падет, несмотря ни на что. Я даже не заставляю тебя его убивать: пусть на арене, где ты, как я понял, будешь его телохранителем, произойдет просто несчастный случай. А ты окажешься поблизости, чтобы сразу воспринять его имперский венок. Герой, отважный искатель приключений — это именно та фигура, которая нам подходит лучше всего...

Сесть Конану так и не предложили, но он о том и не жалел, несокрушимо и гордо стоя перед столом.

— Это, — сказал он, — было бы самой гнусной изменой. Я не заключаю сделок с нанимателем только ради того, чтобы тут же с потрохами продать его кому-то другому. И потом, что это за сплетни насчет того, что Коммодорус, мол, обречен пасть? Собрались произвести на меня впечатление своим древним храмом, позолоченными идолами и немыми, искалеченными слугами? А то я будто не знаю, какова на самом деле власть Тирана над городом и его влияние на горожан! Я же видел, как ваши подданные сходят с ума при его появлении на арене, а когда начинаешь говорить ты, они чуть только не засыпают. Я видел акведуки и широкие городские ворота, которые он выстроил. Ну, а если его так и так скинут, почему просто не отказаться утвердить его на новый срок? Кто в этом городе закон, если не ты?.. — И киммериец взмахнул рукой, заводясь, как это с ним иногда бывало. — Но даже если бы ему предстояло погибнуть, а меня собирались назначить новым правителем города, я все равно поддерживал бы Коммодоруса! У него, по крайней мере, есть хоть какое-то видение будущего этого города, он заботится о том, чтобы облегчить жизнь горожанам. Он хочет вести их к просвещению и развитию, а не назад, в темный век Сета!

— Так-так! — с неожиданным торжеством прокаркал Некродиас. — Вот оно! Стало быть, и ты подпал под волшебную власть его проповедей. Как и остальные глупцы, ты поверил в якобы высокие цели его будущего правления. На самом деле он потакает жажде вещественных благ, обуявшей народ, и без конца расширяет свой Цирк, дабы уголять растущую кровожадность людей! Знаешь ли ты, что он задумал для своего грядущего выступления? Он хочет затопить арену от края до края! Туда подведут воду из его ценнейших акведуков и пустят по волнам целый флот гребных судов, устраивая «потешную» битву, только вот оружие будет настоящее, и мертвцы — тоже. Он хочет послать на смерть сотни людей, и все это только ради того, чтобы покрасоваться в качестве предводителя победоносного флота!

Конан вновь почувствовал себя опустошенным... Он лишь едва заметно пожал плечами:

— Только не говори, Некродиас, будто тебя ничуть не затронули безумства арены. Все мы вкусили этот плод, я в том числе. Цирк стал истинным сердцем города, живым, бьющимся сердцем. Мне и сам Коммодорус про это говорил. Только он собирается оставить все это в прошлом...

Некродиас, наконец, расхохотался в открытую. Звук его смеха был булькающим,

неприятным.

— Оставить арену? Очень, очень похвальное устремление. Посмотрим только, сможет ли наш благородный Тиран себе это позволить. А известно ли тебе, наивному, что среди всех, кто делает, держит и устанавливает ставки, больше всех выигрывает именно Коммодорус? Известно тебе, что все добыватели сведений — у него на довольствии? Это ведь он отдал приказ скормить диким зверям тебя и твоих приятелей, сельских циркачей, столь же лопоухих, как и ты сам. Это он время от времени велит подсыпать дурмана то одному, то другому непобедимому гладиатору и каждый раз выигрывает страшные деньги! А говорил он тебе, какие сливки он снимает со всех своих, хм, общественно-полезных строительных работ? Он пускает городские денежки в оборот, а частью на взятки, чтобы подорвать влияние Храма и знатных семейств! А как он использует уличное хулиганье для выколачивания денег по проигранным ставкам и для установления выгодных ему цен на рынке контрабандных товаров? Ну как?.. Хорошо все это согласуется с твоим мнением о нашем богоподобном правителе?..

Конану показалось, что ему взгромоздили на плечи весь Луксур, а сам он стал основанием рычага, способного сдвинуть город в ту или другую сторону. Он повернулся и пошел к дверям, ибо чувствовал, что непомерная ноша вот-вот раздавит его.

— Некродиас, — сказал он уже через плечо. — Меня не волнует, даже если ваш Тиран — сущее чудовище, выползок из преисподней еще хуже самого Сета. Какие бы гнусные планы вы оба ни строили, я не намерен помогать ни тебе, ни ему. Говорю же, с меня хватит убийств! Я утратил вкус к отнятию жизни...

* * *

Как ни памятна была для Конана встреча с Первосвященником, все же не она стала для него самым ярким впечатлением этого дня. Возвращаясь домой по широкой улице, пролегавшей мимо храмового портика, Конан услышал, как на рыночной площади нахваливал товары торговец.

Голос показался ему знакомым, а потом он приметил и лицо, несмотря даже на то, что его обладатель был мал ростом и попросту терялся в толпе. В конце концов, он нашел глазами маленького торговца и узнал в нем... Джемайна, когда-то водившего их с Рогантом по городу.

— Побрякушки и безделушки!.. — выкрикал Джемайн. — Украшения для ваших прекрасных... Госпожа моя, не заинтересует ли тебя этот подвесок из чистейшего аргосского гагата? Черная слезка на белоснежной груди, а?.. А ты, господин мой... Ой! Прости, тысяча извинений...

— Стой, стой, Джемайн, незачем бежать от меня, — Конан ухватил мальчишку за полу длинного одеяния, одновременно служившего переносным лотком.

Одеяние представляло собой не какие-нибудь лохмотья, — оно было скроено из довольно-таки новой ткани, крепкой парусины с пропущенной там и сям цветной шелковой ниткой. Конан развернул мальчугана к себе, и все, что было приколото и привешено к просторным внутренним полам, весело зазвенело.

— Погоди малость, парень, — продолжал киммериец. — Расскажи лучше, что ты поделывал столько времени. Я смотрю, дела у тебя нынче совсем неплохо идут?

— Да, неплохо... — Джемайн стоял потупившись и в то же время косился на Конана снизу вверх, стараясь определить настроение и намерения великана. — Последнее время я был очень занят...

— Похоже на то! Развернулся ты, я вижу, вовсю.

— Вот это точно! — Джемайн слегка осмелел и приоткрыл полы одеяния. — Смотри, какие

у меня тут побрякушки! Камни чистейшей воды, привезенные с берегов океана и оправленные лучшими мастерами в драгоценный...

— Верно, верно, — остановил Конан поток его красноречия. — Я и так вижу: все как есть высшего качества. — И торжественно добавил: — У тебя, похоже, острый глаз на подделки. Ты небось сразу узнал нашего друга Удольфа...

Тут киммериец заметил, как мальчуган стрельнул глазами в сторону, и понял, что он снова готов был дать тягу.

— Ни о чем не беспокойся, Джемайн, — сказал он и взял маленького торговца за плечо. — Разве я не понимаю, почему ты боялся хоть что-то сказать!

Джемайн поднял глаза, явно еще чувствуя себя не в своей тарелке.

— Вот это истинная правда, Конан. Я бы рад был первым тебя предупредить. Но вывести на чистую воду такого могущественного человека, как наш Тиран... слишком опасно! — И он помотал головой, словно извиняясь, что не предостерег.

— Я смотрю, ты должностным образом применил денежки из того кошелька, — заметил киммериец. — Молодец! Не удивлюсь, если ты далеко пойдешь в купеческом деле.

Джемайн кивнул, еще чувствуя себя виноватым.

— А ты до сих пор умудрился не погибнуть на арене... несмотря даже на раны... — Он снова поднял глаза на украшенного повязками героя, и на него едва не напало заикание: — Знаешь, Конан, ты все-таки того... будь поосторожнее! Гибнет столько народу, что...

— Я знаю, — перебил Конан, нарочно затем, чтобы мальчику не пришлось выговорить нечто такое, о чем он впоследствии будет горько жалеть. — Арена стала опаснее прежнего, как внутри, так и снаружи. А я впутался в тамошние дела уже так глубоко, что даже и не знаю, чем все кончится. — Он похлопал юного лоточника по плечу и убрал руку. — А знаешь, ты молодец, вовремя свалил.

Джемайн пожал плечами

— Я был слишком мелким игроком. Когда делаются огромные ставки, таким, как я, приходится плохо.

— Все мы мелкие игроки, — утешил его Конан.

Он купил ту аргосскую слезку в подарок Сатильде. По немыслимо выгодной цене, как заверил его Джемайн. Потом киммериец рас прощался с мальчишкой и направился обратно к Цирку.

* * *

На следующий вечер Конан вряд ли двинул бы куда-нибудь из «Прогулочной баржи», если бы не Мадазайя. Конан уныло сидел в углу и медленно, неохотно потягивал арак, не чувствуя особого вкуса. Сатильда по какой-то причине отказалась составить ему компанию, и киммериец сидел один. Тут-то подошел чернокожий воитель и опустил тяжелую руку ему на плечо.

— Конан, я, кажется, выследил Сезостра! — проговорил он возбужденно. — Как я понимаю, этот малый что-то знает и про убийство Хальбарда, и про мое отравление, так что хорошо бы ты пошел со мной вместе! Я собираюсь встретиться с ним прямо сейчас, у северной оконечности Цирка. Я так полагаю, он выбрал это местечко за то, что там полным-полно всяких входов и выходов!

— Мадазайя, — очень серьезно ответствовал Конан. — Ты точно уверен, что тебе жизненно необходимо знать об этом деле все до конца? Может, лучше похоронить его в прошлом?.. Хальбард, в конце концов, мертв, и ничто этого не изменит, а к тебе вернулась прежняя сила. И

потом, — добавил он совсем уж угрюмо,— как-то я сомневаюсь, чтобы тебе понравилось то, что он тебе, вероятно, расскажет...

— Ну, ты даешь, Конан! — опешил Мастер Меча. — Никак ты мне советуешь отложить месть? Или вовсе от нее отказаться?.. Засранец Сезостр столько времени прятался! Я его еле выманил, да и то — только предложив взятку через его слугу, которого припер к стенке на базаре! То есть, чего он на самом деле заслуживает, унции золота или локтя доброй стали... — тут Мадазайя красноречиво похлопал рукой по эфесу меча,— ... я решу на месте, когда увижу его!

— Что ж, — сказал Конан, неохотно слезая с бочонка, на котором сидел, — пойду-ка я лучше с тобой, не то без меня ты еще во что-нибудь влипнешь. Да мне и самому любопытно, что он такого станет плести...

С этими словами он вышел из пивнушки следом за другом. Зарокотали колеса, и колесница понесла наших героев к городским воротам. Ехали они быстро и, прибыв заранее, оставили повозку под холмом, на колесничном дворе. А сами отправились пешком через цирковые дворы, не желая привлекать к себе ненужного внимания. Вокруг цирка, что называется, дым стоял коромыслом. Целые команды рабов появлялись и исчезали во входных тоннелях, трудясь при факельном свете: завершались последние приготовления к доселе невиданному представлению.

Вольнонаемные артели копали траншеи и возводили леса, чтобы в нужный момент отвести воду с акведуков на арену. Строительство шло вовсю с обеих сторон циркового овала. С южной готовились подводить воду, с северной торопливо обтесывали еще влажный, только-только застывший раствор, залитый в деревянные формы: там сооружался широкий балкон, обещанный Коммодорусом.

Пройдя в ту сторону и поднявшись по ступеням, Конан и Мадазайя вскоре заметили, что поблизости трудились отнюдь не рабы, а оборванные уличные хулиганы. И факелом им светил не кто иной, как сам Дат. Кто-то лил в форму раствор, и ребята заравнивали его, желая... спрятать мертвое тело. Тело это принадлежало не кому иному, как Сезостру, держателю ставок,

Конан едва успел узнать лицо, уже скрывавшееся под толщей «жидкого камня».

— Значит, вы нашли его раньше, чем это сделали мы,— расстроился Мадазайя, спускаясь между рядами скамеек туда, где стоял с факелом Дат. — Весьма бес tactно с вашей стороны. Мы собирались кое о чем его порасспросить!

— А ты спрашивай, мы не возражаем, — передернул плечами Дат. — Если тебе нужно еще более авторитетное мнение, можешь расспросить хоть Заггара: он лежит во-он там... — И Дат указал на основание одного из контрфорсов.— Только я сомневаюсь, чтобы они знали нечто такое, чего не ведал бы я!

В свете факела было видно, как нахмурился Мадазайя. Мастер Меча начал кое-что понимать.

— Значит, ты тоже связан с подстраиванием исходов поединков и другими грязными делишками вокруг арены? И откуда ты только взялся, молодой человек? Ты же здесь совсем новичок!

Юный метатель топоров держал факел над головой, и его свободная рука спокойно висела рядом с двумя рукоятями, торчавшими из-за пояса.

— Может, — сказал он, — я и новичок, но я привел к послушанию вот этих причальных крыс и тем завоевал себе место... — Дат кивнул на молодых головорезов, стоявших кучкой поблизости. — Не будет, наверное, преувеличением, если я скажу, что проявил в этом деле некоторое искусство! Последнее время нам везет, и, соответственно, увеличилась доля в добыче. А территория наша теперь простирается вот до сих пор!

И Дат обвел рукой Империум-Цирк.

Конан подошел к Мадазайе сзади и отрешенно проговорил:

— Хальбарда тоже, по-видимому, прирезали его парни. Или какая-то другая шайка сделала это в качестве услуги. Иногда они дерутся между собой, но все собирают деньги по ставкам, все ломают ноги и убивают кого надо в любом конце города...

— Истинная правда, — с мрачной улыбкой подтвердил Дат. — Все мы жернова одной и той же кровавой мельницы... — И пояснил: — Вы, гладиаторы, на арене, а я и мои парни — на улице, где и заработка получше, и прожить удается подольше. И все это служит, что интересно, общественному благу. Так предначертал наш вождь, Коммодорус... Тебе, как никому иному, следовало бы это знать. — Дат вперил в киммерийца пристальный взгляд. — Ты ведь и сам у него на службе, разве не так?..

Глава тринадцатая

СРАЖЕНИЕ НА ВОДЕ

К тому времени, когда приблизился день корабельного сражения на арене, город снедала лихорадка нетерпения. Весь Луксур так или иначе участвовал в работах, связанных с грандиозным представлением. Равно как и бесчисленные купцы, чиновники и управители во всех концах Стигийской империи и сопредельных держав...

Не считая рабочих команд, по-новому оснащавших арену и отводивших воду с акведуков, к делу были привлечены десятки лодочников с Внутреннего Причала. Их суда переправили по улицам города на особых повозках и спустили в голубые воды затопленной арены Империум-Цирка. Сюда же приехали многочисленные корабельные мастера и оружейники с обоих берегов Стикса и даже с дальнего побережья моря: им предстояло выстроить большое судно, которое из-за его размеров не получалось ни перевезти по улицам, ни втиснуть в ворота арены. Этот корабль должен был стать флагманским судном Коммодоруса. Он выглядел как самая настоящая боевая галера, с двумя ярусами весел, с башенками для стрелков и тяжелым бронзовым тараном.

Грести на корабле предстояло рабам, которых для этой цели партиями закупали в портовых городах выше и ниже по течению Стикса. Рабы для весел требовались особые. Домашние слуги или полевые работники тут не годились. Гребцы должны были умело и слаженно работать на веслах, чтобы в нужный момент производить быстрый и точный маневр для тарана и абордажа в стесненном пространстве арены. В экипаж по мере возможности набирались матросы и офицеры с настоящих боевых кораблей, чтобы и на флагманской галере, и на остальных кораблях небольшого флота Тирана были опытные команды.

Ну а о том, что воинству Коммодоруса предстояло должным образом выглядеть, не стоит и говорить. Будут и знамена, и трубы, и барабаны...

С не меньшей заботой готовился и «неприятельский» флот, только забота эта была особого свойства. По всем берегам Стикса и Моря Запада не осталось ни одной каторги, ни одного корабельного чулана для арестантов, откуда не были бы извлечены самые что ни есть отъявленные пираты, контрабандисты и пленные бунтовщики.

Всех их свозили опять же в Луксур, чтобы гладиаторам и наемникам Коммодоруса было кого рубить во время сражения. Плавать пиратам предстояло на маленьких быстрых судах, заполненных худшим сбродом из местных тюрем. Среди морских разбойников было немало отличнейших судоводителей и самых свирепых бойцов, которых когда-либо носила палуба корабля. Поэтому сражение обещало оказаться очень даже настоящим. Превратиться в простое избиение ему отнюдь не грозило.

Но и этого устроителям было мало. Чтобы придать зрелищу остроты, к делу приставили звероловов. В мелких внутренних рукавах устья Стикса начали ловить редкостных пресноводных акул и живыми перевозить их в особых баржах вверх по реке. Это были здоровенные, очень проворные рыбины, никогда не отказывавшиеся закусить человечиной, мертвой или живой. Их выпускали в воды арены, чтобы подчеркнуть опасности морских битв. Не останутся без пищи и крокодилы с морскими змеями, давно и заслуженно любимые завсегдатаями Цирка...

Естественно, жаждущих прорваться на необычайное представление было гораздо больше, чем мест на трибунах. Соответственно, народ начал скапливаться под стенами и повисать на воротах еще с вечера предыдущего дня. Выстроилась огромная очередь. Люди предавались хмельному веселью: пили вино, танцевали, пели разудальные песни. Каким-то образом при этом никто не отходил далеко от заветного места в очереди.

Видя, что происходит, артисты из труппы Ладдхью с рассвета начали давать утренние представления. Они ездили вдоль очереди на повозках, показывая животных, совершая акробатические трюки, затевая азартные игры, предсказывая судьбы и вовсю торгуя комочками смолы, придающей бодрость. Такая предусмотрительность принесла им немалую выручку еще до официального открытия Цирка.

Надо ли говорить, что городская стража в полном составе вышла на улицы и не знала покоя. Как ни удивительно, немалую помощь в обуздании толп стражникам оказали уличные хулиганы. Командовали этими последними Дат и его подручные. Крутые ребята нацепили яркие головные повязки, разделились по-военному на небольшие отряды, и порядок в их присутствии лучше было не нарушать.

Так что если бы кто-то взялся и пересчитал всех: зрителей, артистов, атлетов, уличных торговцев, стражей порядка, распорядителей и заключенных — наверняка получилось бы, что рано утром в День Назначения перед воротами Империум-Цирка на Храмовом холме волновался и гомонил весь Луксур.

... А под ногами по канавам и углублениям близ Цирка, создавая ожидающим определенные неудобства, вовсю журчала вода, Дело в том, что акведуки, подведенные туда для наполнения арены и поддержания уровня воды, оказалось не так-то просто перекрыть. Что-то перелилось через верх усиленных и тщательно законопаченных ворот арены, что-то вытекло сквозь трещины в каменной кладке и разбежалось по сторонам ручейками и целыми речками. Вода разбудила бродяг, спавших на улицах, и, как говорили, вызвала где-то небольшие потопы. Но это была мелочь, которую определенно не стоило принимать всерьез.

К середине утра Цирк наконец открыли, и вот тут-то удержать толпы в повиновении сделалось почти невозможно. Тяжелые железные ворота даже не стали открывать настежь: толстые цепи удерживали створки в полураспахнутом состоянии, чтобы хоть как-то уменьшить давку.

Стражникам пришлось приложить немало труда, расчищая коридор для носилок и портшезов запоздавших вельмож. Беспокойство простых горожан увеличивалось по мере того, как трибуны заполнялись зажиточными зрителями, держателями постоянных мест. Все знали, что со временем последних игр было выстроено еще сколько-то дополнительных мест. Но вот сколько?.. Этого никто в точности не знал...

Так или иначе, в самое краткое время даже и вновь построенные площадки были забиты до отказа, а ворота Цирка — закрыты и заперты. Под стенами осталась бушевать тысячная толпа. Не попав на представление, люди стремились хотя бы оказаться как можно ближе к нему, хотя бы услышать восторженный рев и аплодисменты счастливчиков, прорвавшихся внутрь. И, конечно, как всегда на подобных мероприятиях, нашлись люди, которые встали в устьях тоннелей или под арками и приготовились пересказывать жаждущим все, что происходило внутри. Новости, передаваемые через вторые-третья уста, неизбежно обрастили красочными подробностями, зависевшими только от фантазии рассказчика...

Впрочем, трудно было еще как-то приукрасить то блестательное великолепие, которым встречала зрителей арена. Там, от кромки до кромки заполняя огромный овал, колыхалось целое рукотворное море со скалами, рифами и песчаными отмелями. Виднелись даже один или два островка, украшенных пальмами. По берегам грелись на солнышке крокодилы, а водную гладь рассекали треугольные плавники акул. Вода была почти неподвижна: пока что ее тревожили только движения ленивых рыб и рептилий да колебания, исходившие от стен быстро заполнившегося амфитеатра. Скоро, очень скоро ее собьют в пену мощные удары весел двух соперничающих флотов...

Две шеренги кораблей выстроились по разные стороны маленького моря, одна против

другой.

По палубам расхаживали команды, солнце играло на ярких знаменах и пестро раскрашенных парусах...

Даже Конан, пробирающийся вместе с другими гладиаторами по входному тоннелю, сморгнул от невольного удивления при виде сверкающих голубых волн, выстроенных флотов, многоцветных нарядов матросов, поднимавшихся по сходням... и от вида небывалой толпы, суетливо выплескивавшейся из тоннелей и тотчас растекавшейся по рядам. Повертел головой, киммериец едва узнал знакомый амфитеатр — так изменили его широченные, только что выстроенные балконы. Зрители бежали бегом, стремясь занять самые выгодные места.

Конан протолкался сквозь толпу разодетых, вооруженных, облаченных в доспехи воинов и матросов. Блестящие латы, конечно, здорово смотрелись со стороны, но в данном случае они могли стоить жизни. Тяжелый нагрудник или пара поножей быстренько утянут на дно человека, выпавшего за борт. И если он успеет утонуть прежде, чем до него доберутся крокодилы с акулами, это будет не иначе как милосердием богов.

Сам Конан решил обойтись не только без лат, но по возможности и без одежды, оставив на себе набедренную повязку, да сандалии, которые легко было скинуть в воде. Примерно так он одевался, когда пиратствовал в море под именем Амры. Только на сей раз он не взял с собой даже меча. Он высмотрел впереди человека, которого разыскивал: Коммодоруса.

Луксурский Тиран шествовал по тоннелю, а перед ним клином шли его телохранители. Последние дни киммерийцу никак не удавалось встретиться со своим нанимателем. Наверное, тот не хотел, чтобы его видели. А может, строил планы дальнейшей борьбы с Некродиасом и раздумывал, как бы покрепче прибрать город к рукам. Нужен же он был Конану для того, чтобы вернуть ему задаток и отказаться от опостылевшей службы. Ничего не получилось: Тиран оставался недоступен.

— Коммодорус! — окликнул Конан и, подойдя сзади, попробовал прорваться к правителю.

Стража мигом сомкнула ряды, но потом увидела, что варвар был безоружен и к тому же хозяин узнал его. Конана пропустили.

— Конан! Ты вовремя, как всегда! — обрадовался Тиран. — И, я вижу, голова у тебя зажила!

Он казался олицетворением решимости и силы. Морская тога подчеркивала совершенство фигуры, отработанная улыбка открывала великолепные зубы, на выующихся золотых волосах покоился лавровый венок.

— Не правда ли, — снова заговорил Коммодорус, — наш праздник обещает удасться на славу? Как же я предвкушаю этот бой на качающихся палубах и то, что ты неотступно будешь рядом со мной!

— Честно говоря, — сказал Конан, — я вообще не хотел сюда приходить. Я несколько дней тебя повсюду разыскивал, чтобы вернуть золото и уехать... — Он потянулся к кошельку, заткнутому за пояс. — Коли уж ты нанял меня в охранники, есть кое-что, о чем тебе следует знать. Жрец Некродиас пытался меня перекупить и уговорить прикончить тебя... Он хотел, чтобы я сделал это здесь, сегодня, во время игр на арене.

— Некродиас? Собрался меня убить?.. — Коммодорус от души расхохотался. — Ну, Конан, это сюрприз с порядочной бородой. Да еще во время игр, когда я окажусь наиболее уязвим... Вот потому-то, мой дорогой, я тебя тут и держу. Не вижу никаких причин менять наши планы!

— Мне уже блевать охота и от арены, и от бесконечных убийств, — сказал Конан. — Я хочу бросить Цирк и сгинуть из Луксура.

— Чепуха, парень! Вы, артисты, я знаю, народ темпераментный, но не до такой же степени! Вот т что, подожди меня немножко, хорошо? Я должен завершить кое-какие дела, и мы с тобой переговорим. Я уверен, что смогу тебя убедить.

И, покинув Конана, Коммодорус ушел вместе со стражниками на край своей персональной террасы туда, куда не падала тень от нависающего козырька. Подождав, пока стихнут приветствия и вопли еще не до конца рассевшейся толпы, Тиран стал говорить:

— Приветствую вас, жители славного Луксура, великого морского порта Империи...

Ему опять пришлось повременить, чтобы прекратился общий хохот и радостные выкрики. Потом он продолжил свою речь. Конан тем временем повернулся и направился прочь, собираясь покинуть Цирк без дальнейшего выяснения отношений. Однако протолкаться сквозь монолитную толпу оказалось не так-то просто даже ему. Пришлось постоять на месте, выжидая и размышляя...

Он подумал о Манетосе. Все последние дни ему очень хотелось разыскать жреца, к которому его подспудно тянуло. Но разыскивать его киммериец не решался, ибо не хотел, чтобы Манетоса убили, как тех других, с кем его в Луксуре хоть что-нибудь связывало. Потом он посмотрел вниз, на затопленную арену. Сегодня на нее не выйдут с тележками и носилками жрецы в алых одеждах. Врата Мертвых крепко заперты и законопачены. Герои, павшие в «морском» сражении, достанутся не бальзамировщикам, а акулам и крокодилам. Наверное, Отец Сет и от таких жертв не отказывается...

«Где же все-таки Манетос? — задумался киммериец. Уж верно, вряд ли торчит в толпе зевак, жаждущих зрелища!»

Он перевел взгляд на корабли, собранные в разных концах овала. Галера Тирана была похожа на безвкусную игрушку. Плоскодонная, с тяжелыми конструкциями наверху, вся в ленточках и цветах, с высокими парусами, от которых все равно не будет толку на закрытой от ветра арене, одна помеха гребцам... Такое корыто недолго продержалось бы перед лицом штормов и шквалов моря Вилайет, не говоря уж об океане.

Однако здесь, в тесном пруду, со своим тараном, башенками для стрелков и свитой из пяти суденышек помельче, она, пожалуй, вправду сотрет противников в порошок...

Пиратский флот, дожидавшийся своего часа по ту сторону арены, выглядел куда более настоящим, но рассчитывать на победу ему приходилось навряд ли. Конан уже слышал, что рабы и преступники, сидевшие там на веслах, были прикованы, А значит, не смогут хлынуть на вражескую палубу, сразиться с командой и захватить судно.

Сами корабли, небольшие и верткие, идеально подходили для пиратского дела. И в открытом море, и на мелководьях речных устий они были практически неуловимы. Но теперь, загнанные в овал арены, из которого некуда было деться, они показались Конану скотом на бойне. Скоро, совсем скоро их борта затрешат под тараном галеры, а команды падут под мечами, или угодят на обед крокодилам...

На кораблях Коммодоруса готовились к бою гладиаторы и опытные морские воители. С другой стороны, отборные гребцы не были прикованы к банкам, но оружия не имели и по своей воле никогда не бросаются в бой. Так что вряд ли сражение завершится уж слишком быстро.

Все было отлично продумано, все было направлено на то, чтобы наилучшим образом оттенить славу Коммодоруса, командовавшего флагманским кораблем.

Зажатый в толпе, Конан без большого интереса прислушивался к раздававшимся над ареной речам. Говорил сначала Тиран, потом его сменил Некродиас.

«Какая жалость, — думалось киммерийцу, что разбойничий флот стоял далековато — на той стороне цирка. Там, говорили, было немало весьма известных пиратов. Чего доброго, Конан узнал бы кое-кого из них по воспоминаниям прежних времен, когда они с незабвенной Бэлит на корабле «Тигрица» грабили Черное Побережье...»

На кораблях Коммодоруса у него тоже было много знакомых, в особенности из числа гладиаторов. Скользнув взглядом по лицам гребцов флагманской галеры (благо те сидели, как

полагается, лицом к корме), он вдруг узнал, или ему показалось, что узнал? — одну из физиономий. Этого малого он определенно где-то видел, причем, совсем недавно. Вот только растрепанные черные космы, мешавшие сообразить...

И тут Конан мрачно сцепил зубы. Это был Ксотар!.. Ни малейшего сомнения. Но вот с какой стати бритоголовый борец нацепил на себя лохматый черный парик? Уж явно не в дополнение к костюму, состоявшему из одной набедренной повязки!

Разгадка пришла мгновенно. Ну, конечно же, Ксотар не хотел быть узнанным. Он решил сойти за гребца, безобидного и безоружного. Ненадолго: только пока не удастся подобраться поближе к командиру судна, — Коммодорусу.

Из всех мастеров убийства, собравшихся здесь на арене, Ксотар был самым опасным. В этом у Конана тоже не было никакого сомнения. Если он мог в считанные мгновения задушить человека насмерть, то уж шею свернуть — и того быстрее. Надо предупредить Коммодоруса!..

Киммериец поискал глазами Тирана. И убедился, что правитель то ли вовсе про него позабыл, то ли счел его присутствие на галере за данность: он спускался со своего балкона через толпу прямо к сходням галеры. При нем была стражка, но на борт судна эти воины, в своих латах и шлемах, вряд ли за ним последуют.

Конан тоже принялся проталкиваться сквозь толпу. Высокий рост и могучая сила, в который раз сослужили ему добрую службу. Людей, попадавшихся ему на пути, просто хватала сзади и отметала в сторону какая-то сила. Мало кто успевал даже выкрикнуть вслед ругательство. Или, наоборот, узнать в нем любимого героя и попытаться поймать его за руку.

Спустившись между рядами, он, наконец, добрался до сходен. Коммодорус уже занимал свое место на высокой корме корабля. Евнух Мемтеп узнал Конана и церемонно поклонился ему, сделав знак стражникам — пропустить.

Едва киммериец оказался на борту, как мостки подняли, выдернув их чуть не у него из-под ног. Конан только выругался про себя. Теперь, хочешь, не хочешь, он все-таки впутался в битву как тайный телохранитель Тирана. А Коммодорус, покрасовавшись на юте, уже спустился оттуда и шел с кучкой офицеров на нос, чего ни один стоящий морской капитан никогда бы не сделал. Тиран расточал улыбки и махал рукой, обращаясь то к команде, то к зрителям. Вот он миновал скамью, на которой, сгорбившись, сидел Ксотар...

Храмовый убийца даже не повернул укрытой париком головы. Зачем?.. Он сделает свой ход попозже, во время всеобщего смятения битвы. Но когда по тем же мосткам прошагал Конан, собираясь занять место позади Коммодоруса, киммериец уставился на борца пристальным, немигающим взглядом. И Ксотар Душитель не отвел глаз, наоборот, его блестящее от масла лицо даже дрогнуло в подобии улыбки. Когда дойдет до дела, никакого недопонимания Между ними не будет.

Тем временем прозвучала команда «Весла на воду!», и барабан начал размеренно ухать. Заскрипели уключины, палуба под ногами качнулась: корабль начал движение. Одновременно с другой стороны арены долетел лязг тяжелой цепи, — ее убирали, чтобы дать дорогу пиратским судам.

Тут, перед лицом скорого сражения, Конан вдруг подумал о Сатильде и начал гадать, пришли ли она посмотреть. Эти последние дни он мало с ней говорил и даже не пробовал объяснить гимнастке свое душевное состояние. Он понимал, что она во многих отношениях была ближе к своим братьям по цирку, по труппе Ладдхью, чем к нему. С ними она наслаждалась успехом и славой нынешних выступлений, с ними вместе скорбела по Роганту. Да, они с Конаном по-прежнему делили постель и домашние заботы, вроде кормления тигрицы и ухода за ней. Но в эти дни она уделяла все больше внимания тренировкам и вечерним пирами, что задавали артистам богатые почитатели, а Конан предпочитал размышлять в одиночестве...

И все же он был далеко не безразличен ей, он это знал. И ему показалось, будто он даже увидел ее, сидевшую высоко над ареной, на одном из укрытых от солнца мест, что принадлежали ее знатному другу Альцестию. Да, это, в самом деле, была она! Ибо рядом с женской фигуркой виднелся некий густок темноты, свернувшаяся тень — Квамба, ночная кошка.

Но если Сатильда даже и успела заметить его раньше, то теперь Конана стало трудно различить на заполненной людьми носовой палубе корабля. Здесь было полным-полно раззолоченных офицеров, между которыми красовался и позировал перед зрителями Коммодорус. Чуть позади них, по обе стороны, выселились боевые башни, и на каждой сидело по дюжине пращников и стрелков из лука. Башни представляли собой высокие деревянные скелеты, обтянутые плотными, ярко раскрашенными кожами. Чтобы очистить их, врагам потребуется немалое количество стрел. Пространство между башнями показалось Конану этаким бутылочным горлышком, минуя которое со шканцев на нос корабля пробраться было невозможно. Он счел это удобным для своей цели и устроился посередине прохода, в нескольких шагах позади Коммодоруса, готовый перехватить Ксотара, когда настанет решительный миг.

Обернувшись посмотреть на неприятельский флот, Конан увидел, что пираты двинулись вперед со всей решимостью. В особенности это относилось к одному снабженному тараном галиоту, далеко обогнавшему остальные суда и шедшему на порядочной скорости: весла так и мелькали. Этот галиот держался посередине, прямо напротив флагмана Коммодоруса, и, кажется, примеривался таранить его.

Отвечая на явную смелость противника, Коммодорус повернулся и коротко отдал команду своему помощнику. Свисток боцмана издал несколько резких трелей, и сразу же участился ритм барабана, задававшего гребцам темп. Корабль так и прыгнул вперед, под форштевнем вскипела белая пена.

Конан вновь посмотрел на Ксотара, желая убедиться, что Душитель еще не покинул своего места и греб вместе со всеми... И, к своему некоторому удивлению, заметил, что большинство кораблей флота Тирана заметно отстало от флагмана. Некоторые и вовсе только-только брали разгон. Видимо, Коммодорус не слишком перетрудился, наставляя своих капитанов по части боевого строя. Флагман, с его тройным рядом весел и отборными рабами при них, был явно быстроходнее остальных кораблей, несмотря даже на то, что неизвестно зачем поднятые паруса не только не помогали, но и мешали движению. А может быть, Коммодорус, чувствуя за собой многочисленную и хорошо вооруженную команду, не испытывал особых сомнений, готовясь врезаться в самую середину пиратской флотилии...

«Кабы не кончилось все это бедой, — вдруг подумалось Конану».

Исполнившись внезапных предчувствий, он вновь посмотрел вперед, на приближавшийся корабль. Тот бесстрашно летел навстречу, и теперь, когда расстояние, разделявшее два корабля, значительно сократилось, Конан заметил одну странную вещь. Галиот был забит до отказа приговоренными рабами и проходимцами: все это были отчаянные гребцы, усердно трудившиеся на веслах. Однако посередине, на узкой палубе, почти не было видно воинов. Всего двое плохо одетых негодяев прохаживались туда-сюда. Они размахивали длинными бичами, заставляя, весла бешено вспенивать воду под размеренное буханье деревянного била.

Где же абордажная команда, да вообще хоть какие-то защитники корабля?.. Наверное, их распределили по другим судам пиратского флота. Но для чего?.. Или этот одинокий корабль собирался просто протаранить флагман Тирана, либо сбить сколько-то передних весел?..

Верно, это до некоторой степени ослабит галеру, но одну-единственную пробоину недолго и залатать, да и численно превосходящая команда большого корабля тотчас схватится с пиратами и легко перебьет их. Это даст воинам Коммодоруса преимущество, а пираты окажутся обречены...

И тут Конана осенила догадка, гораздо более простая... и более страшная. Буркнув невнятное ругательство, он набрал воздуху в грудь, чтобы предупредить Коммодоруса...

Слишком поздно! Тот уже отдал новую команду, снова заверещал свисток боцмана, и ритм барабана вышел уже на полную скорость для таранного удара. За скрипом весел и сиплой руганью гребцов можно было расслышать только крики зрителей, предвкушавших начало сражения.

Две галеры, большая и поменьше, с бешеною скоростью неслись одна на другую. Вот когда опытному капитану следовало в полной мере проявить свое искусство, отдавая точные приказы рулевому и барабанщику на корме. А то и самолично командовать гребцами голосом и жестами, известными всякому мореходу.

«Адмирал» же Коммодорус по-прежнему красовался на носу, а управление кораблем было поручено младшему офицеру. Две галеры готовились сшибиться лоб в лоб.

Конан отчетливо видел, что близкая вроде бы победа грозила обернуться поражением. Пиратский корабль был тяжел и выстроен на совесть.

Нарвавшись на таран флагмана, он заставит его совершенно потерять ход. А гребцы, пусть даже сильные и опытные, успели уже подустать и непременно замешкаются, подавая назад большую галеру и стягивая с тарана пронзенное вражеское судно. Вот тут-то вслед за «приманкой» подоспят остальные пиратские галеры и обойдут застрявшую бирему с боков. Тогда-то и полезут со всех сторон абордажные команды, вооруженные до зубов. Одному большому кораблю, притом потерявшему ход, трудно отбиться от пяти маленьких и юрких. Пираты, закаленные морские разбойники, дравшиеся за свою жизнь, набросятся на офицеров и цирковых бойцов, не обращая внимания на безоружных гребцов. А с боевых башен не смогут даже толком прикрыть корму: помешают обвисшие паруса, никем не принятые в расчет..

В общем, драка предстояла свирепая. И притом решительная и быстротечная. Остатки флота Тирана, подтягивавшиеся сзади, подоспят слишком поздно и не сумеют помочь. А то и вовсе побоятся вступать в битву с пиратами и вызволять своего флагмана...

Конан отвел взгляд от плотного, быстро приближавшегося клина противников и вновь посмотрел на отставшие корабли Тирана. Пожалуй, подумалось ему, Коммодоруса вряд ли придется спасать от смертоносных объятий Душителя. Люди, которых он сам себе выбрал в противники, унизили и убьют его гораздо раньше и вернее Ксотара. Киммериец приготовился защищать Тирана, несмотря ни на что...

И в этот момент корабли сшиблись. Раздался ужасающий лязг и треск рвущегося дерева. Всех стоявших на палубе бросило вперед, раздались крики. Таран большого корабля пробил корпус пиратской галеры. Бронзовый бивень вошел совсем рядом с ее собственным тараном. Угол удара оказался таков, что вместо небольшой аккуратной пробоины в скуле галиота разверзлась чудовищная дыра, длина которой в несколько раз превосходила человеческий рост.

Внутрь корпуса тотчас хлынула вода. Судно сразу начало погружаться, повисая на таране биремы и заставляя ее носовую часть оседать вместе с собой. Силой удара воинов и офицеров на флагмане кого бросило на колени, кого вовсе сбило с ног, гребцы полетели со скамей. Стрелкам, сидевшим на боевых башнях, не удалось, как следует прицелиться, и рой стрел, выпущенных по неприятелю, убил сколько-то гребцов, но двоим надсмотрщикам не нанес никакого вреда.

Конан видел выражение небритых, дочерна загорелых рож: вскочив на ноги и убегая на корму прятаться, пираты не выказывали страха, скорее затаенное торжество.

Толпа, заполонившая стадион, встретила миг удара в завороженном молчании. Зрители увидели, как врезался в скулу галеры таран флагманского корабля, как он разворотил несколько рядов скамей; давя и доски, и прикованных к ним беззащитных людей. Волна, взметнувшаяся перед носом флагмана, окрасилась розовой пеной, а из пробоины потянулись в светлую воду

арены Империум-Цирка багровые струи...

При виде этого зрелища на трибунах поднялся рев, быстро перешедший в громоподобный многотысячный вопль вперемежку с топотом и овациями. Толпа заходилась в первобытном безумстве при виде свежепролитой крови. Этот звук мог лишить самообладания кого угодно, даже такого закаленного ветерана арены, как Конан. Когда киммериец поднялся на ноги, выпутавшись из клубка тел и оружия, образовавшегося на носу корабля, ему сделалось очень не по себе. Хуже всего было то, что грохочущий рев, достигнув кошмарного апогея, и не подумал стихать. Наоборот, он как бы разрастался вглубь, вызывая содрогания земли и воды. Конан схватился за стенку одной из боевых башен, встал на кренившейся палубе, осмотрелся кругом и сразу понял, в чем дело.

Новые конструкции, недавно добавленные к гигантскому амфитеатру, не выдержали безумия множества зрителей, топавших и прыгавших на своих местах. В западной части Цирка, с той стороны, что выходила на улицу, раздавался рокот и треск, достойный зарождающегося обвала в горах: самый большой из каменных балконов клонился вперед, готовясь обрушиться. Пока сидевшие на нем в ужасе вопили и метались, размахивая руками и отталкивая друг друга от края трещины, через которую еще можно было перeskочить, — все сооружение окончательно просело у них под ногами и с чудовищным грохотом обрушилось вниз.

Треск падающего камня мешался с кошмарными воплями, доносившимися со всех концов стадиона, в особенности оттуда, куда рухнулся балкон. Невероятный шум, как бы слился в один противоестественный голос, который забился в каменной чаше, отражаясь от вод рукотворного моря, а потом взметнулся прямо в небеса...

От этого звука ушные перепонки готовы были полопаться. Балкон рухнул на нижние трибуны, и все вместе поползло вниз, точно лавина. Когда эта лавина низвергнулась в искусственное озеро, взвилась гигантская водяная волна и понеслась к середине арены, к сцепившимся кораблям...

Глава четырнадцатая

ПОПЫТКА ВЫЖИТЬ

В это время вне стен Империум-Цирка людские толпы, не сумевшие прорваться вовнутрь, устроили себе на прилегающих улицах пусты скромный, но праздник. Луксурцы собирались компаниями, болтая между собой, слушая новости изнутри Цирка и строя разные догадки насчет исхода сражения. Жуя фрукты и пирожки, купленные у уличных торговцев, неудачники следили за малейшими перепадами в шуме трибун, доносившемся изнутри высоченного овала стен. В каждом до предела обострился инстинкт собственника, поставившего свои кровные на кон. Люди внимательно слушали голоса глашатаев, возвещавших с кромки стен и из переполненных тоннелей:

- Вот Коммодорус восходит на борт своего флагмана...
- Вот наш флот отошел от причала...
- А вот пиратский корабль атакует галеру Тирана...

Вскоре после этого последнего объявления послышалось жутковатое эхо аплодисментов, вскоре перешедшее в громовой рев, несколько приглушенный каменной скорлупой здания. Рев этот почему-то не утихал, и, наконец, зевакам показалось, будто под ногами начали содрогаться самые камни мостовой.

— Флагман таранил пиратский корабль! — голоса глашатаев было едва слыхать за шумом аплодисментов. — Победа! Прекрасная, замечательная победа!..

И таково была возбуждение топтавшихся снаружи людей, что они тоже разразились приветственными криками, восторженно ликуя по поводу событий, которых даже видеть-то, не могли. Все жадно смотрели на Цирк, нетерпеливо ожидая новых потрясающих сообщений...

Но тут, ко всеобщему изумлению, само гигантское здание содрогнулось и заходило ходуном на фоне небес, как если бы камень и известка внезапно превратились в трепещущую смертную плоть. Потом все услышали жуткий гром лопающегося и падающего камня, порождавший глухие отзвуки из земной глубины. А в многотысячных вздохах арены остервенение восторга сменилось животным ужасом гибнущих.

И, наконец, толпившиеся на улицах люди увидели, как Империум-Цирк... начал разваливаться. Высокие арки фасада расшатывались и падали вниз, на забитый толпой внутренний двор. Из входных тоннелей полетели густые клубы пыли, не позволявшие разглядеть каменный дождь, валившийся на головы тесно сгрудившимся людям. Продолжавшиеся сотрясения раскололи одну из внешних стен амфитеатра, и она обрушилась наружу, подняв тучу известковой пыли. Пораженные ужасом зеваки приросли к мостовой, не в силах пошевелиться. Но тут их глазам предстало нечто еще более страшное. Ибо внутри развалин, в которые быстро превращался Империум-Цирк, наметилось некое шевеление, как если бы там пробуждался чудовищный зверь. Из трещин, дымившихся пылью, протянулись темные щупальца... а потом, ширясь и клокоча брызгами, наружу рванулся поток воды. Он сметал и камни, и людей. Грандиозный обвал, случившийся внутри, взметнул воду искусственного озера и к тому же проломил стену. Вода устремилась наружу, с яростной силой прокладывая себе путь...

Толпа осознала нависшую над нею чудовищную опасность. Люди с криками бросались бежать, спотыкаясь и оскальзываясь на мокрых камнях мостовой, а за ними гнался гневный поток. Ворвавшись в огороженный внутренний двор, вода подхватила плавучий мусор и людские тела, швырнула их в стороны и вперед, на кованые ворота, затем повалила ворота и поволокла свой груз дальше. Удержать бушующий поток не могло ничто. Водяная стена ринулась на улицы,

нагоняя бегущих и подминая их под себя, расшвыривая, топя...

Те, кто умудрился пережить удар первой волны, как-то повиснув на оконных решетках и деревьях либо по милости Богов угодив в наиболее мелкие струи, — эти люди насмотрелись ужасов на всю дальнейшую жизнь. Ибо взбаламученная серая вода волокла с собой не только громыхающие камни и мертвые тела, но и кое-что похуже.

Мумии павших гладиаторов, вывалившиеся из развороченных ниш в стене Цирка, в большинстве своем отменно высохли и не тонули в воде.

Мертвым пришлось лучше живых — потоп не мог причинить им вреда. Рядом с мумиями плыли раздавленные, изуродованные тела, казавшиеся совершенно бескостными. А также неузнаваемые, полусгнившие останки мелких воришек и иных преступников, тайно похороненных в стенах Империум-Цирка...

Вырвавшись из пролома арены, поток распространился по улицам на склоне Храмового холма. Утопив тысячи людей, он смыл другие тысячи прямо к порогу их бедных полу затопленных домишек возле подножия. Вода врывалась в погреба и огороженные садики богатых вилл и порою оставляла там страшных гостей: хищных рыбин и свирепых рептилий. Нарядные улицы превратились в сточные каналы, усеянные мусором и трупами...

При этом многие понимали, что смертоносный «источник» на вершине холма продолжал бить вовсю. Городские акведуки, воду из которых подвели туда ради великого празднества, знай себе, подавали воду, словно бы пытаясь вновь наполнить арену, опустошенную катаклизмом...

... Волна, поднятая в озере обрушившимся балконом, взметнула ничтожные корабли, словно мелкий сор, гонимый ветром. Большая часть тяжелых галер из флота Тирана тотчас же перевернулась, легкие пиратские суда черпнули воды.

Флагман разъединило с пронзенным галиотом и швырнуло на правый борт. Несколько мгновений он мчался на оскаленном гребне волны, потом с ужасающим треском врезался в дальнюю кромку арены. Корабль упал, словно изломанная игрушка, и остался висеть бесформенным месивом раздавленного дерева и перепутавшегося такелажа.

Участь, постигшую гребцов, трудно описать словами. Напор водяного вала сперва вывернул весла левого борта, и они ударили людей, словно дубины, занесенные руками титанов. А когда корабль свалился на камни, весла правого борта вошли внутрь, давя и калеча гребцов. Кого-то пронзило насекомое, кому-то расщепившимися рукоятями сломало хребет. Большинство воинов бушующий поток унес за борт. Других оглушило ударом, и многие, потеряв сознание, свалились в затопленный трюм, чтобы там захлебнуться.

Конана, вымокшего и помятого, все-таки предохранили от смерти развалины боевых башен.

Похоже, было, что на баке корабля он один только и уцелел. Когда он, наконец, высвободился и сумел оглядеться, то увидел: вокруг царил такой неописуемый хаос, что о каких-то осмысленных спасательных работах и речи быть не могло. Теперь каждый был поистине сам за себя.

Глядя на всеобщую погибель, Конан мимолетно и не к месту подумал: интересно, что стал бы делать жрец Манетос?..

Он потащился в сторону кормы, к гроб-мачте. На каждом шагу приходилось переступать через неподвижные тела. Схватившись за спутанный такелаж и перебирая руками, Конан полез вверх, на кромку барьера.

Оказывается, там, наверху, еще не прекратился кошмар. Оба балкона, примыкавшие к уже обрученному, тоже начали подаваться из-за сотрясения и беспорядочной беготни перепуганных людей. Прямо на глазах у тупо смотревшего Конана северный балкон мучительно медленно пошел вниз...

Как бы нарочно издеваясь, каменное сооружение лениво клонилось на мечущихся, лезущих,

падающих зрителей. Большая часть развалившегося балкона, к счастью или к несчастью, грохнулась прямо вниз, и рокочущая лавина остановилась у ограждающего бортика арены.

Только отдельные камни плюхнулись в воду, окрасив ее кровью и разводами грязи.

Таким образом, этот обвал не породил повторной волны. Однако стало ясно, что стена рукотворного моря проходила. Уровень взбаламученной, колышущейся воды еще не успел заметно упасть, но муть, плавучий мусор, барахтавшиеся тела и вцепившиеся в них подводные хищники — все это начало смещаться в одну сторону. Даже целые корабли с видневшимися на них живыми прикованными гребцами мало-помалу устремлялись к ворчащему пролому в стене арены, чтобы пропасть в бушующем водовороте.

А совсем рядом с Конаном, буквально на расстоянии вытянутой руки, бушевал другой водоворот — человеческий. Зрители дрались, отталкивали, сбивали с ног и затаптывали друг друга в отчаянной попытке вырваться из-под проседавших верхних конструкций и найти путь к спасению. Привыкшие наслаждаться зрелищем чужой борьбы со смертью, они совершенно неожиданно сами оказались участниками такого же представления, только еще похуже тех, что разворачивались, бывало, на песчаной арене. В толпе размахивали окровавленными ножами, выдавливали глаза, расшибали о камень черепа в схватке за несуществующее пространство. Балкон над Вратами Героев содрогался, но еще стоял; охваченная паникой толпа десятками сметала через кромку важных чиновников и простых горожан, и они с воплями падали в бурлящую воду. Совсем недавно зрелище этой воды, населенной акулами и крокодилами, внушало им радостное предвкушение чужих мук. Теперь они сами в ней оказались — и, барахтаясь, вопили от невыносимого ужаса...

Пожалуй, самая худшая давка царила в еще не обрушенных входных тоннелях. Люди буквально лезли по головам, любыми способами прокладывая себе путь: еще ни разу таким количеством людей не удавалось столь быстро покинуть пределы Цирка. Дно тоннелей вскоре плотным слоем устлали затоптанные мертвецы...

Между тем Конан, выбравшись, наконец, на край арены, устроился наверху каменного ограждения, чтобы не оказаться сброшенным обратно. Он полагал за счастье, что никто среди обезумевшей толпы не вздумал спасаться по мачте вниз на разбитое судно. С другой стороны, и Конану было далеко не уйти: в чудовищную давку не стоило даже соваться. Так он и стоял, прижимаясь спиной к искореженной мачте и соображая, что делать.

Оглядев с бьющимся сердцем зрительские ряды у себя над головой, Конан наконец увидел то, что искал: хрупкую женскую фигурку, сопровожданную большой бесформенной кляксой чернильного мрака. Женщина и тигрица вместе прорывались сквозь полуумную мечущуюся толпу.

Великолепный атлетизм Сатильды и, конечно, присутствие грозной ночной кошки сослужили девушке отличную службу. Конан видел, что атласные мышцы и ощеренная пасть Квамбы были именно тем, наверное, единственным зрелищем, которое останавливало и вынуждало расступиться толпу.

Пока киммериец смотрел, две подруги-циркачки, акробатка и кошка, благополучно выбрались из-под смертоносной тени просевшего балкона и направились... не вниз, в поисках выхода, а вверх, к последним рядам.

«Мудрое решение, — рассудил варвар».

— Конан, друг мой! — долетел снизу знакомый голос. — Не затруднит ли тебя подать мне руку?..

— Коммодорус! — удивился киммериец. — А я думал, тебя смыло за борт!

Посмотрев вниз, он увидел, что коринфиец лез следом за ним по той же путанице снастей, которую сам Конан столь недавно преодолел.

Тиран, конечно, вымок до нитки, его короткая легкая туника была порвана, но сам он, по-видимому, не пострадал. И вот теперь он просил Конана подвинуться на стене, давая ему место, и помочь выбраться.

— Когда корабль понесло, меня действительно выбросило наружу, — сказал Коммодорус.
— Но, верно, морские Боги мне очень благоволят, ибо следующая волна закинула меня обратно!

Конан понимающе кивнул. А про себя усомнился: стало бы это злополучное озеро выбрасывать Коммодоруса назад в людской мир, если какой-нибудь из морских Богов вправду ему благоволил?..

И тут, посмотрев вниз мимо Тирана, он заметил какое-то движение среди поверженных тел в средней части корабля. Вот высунулась знакомая бритая голова и посмотрела на обоих наверху, потом начало высвобождаться массивное мускулистое тело. Ксотар Душитель потерял свой парик, но из игры явно не вышел.

— Вылезай, Коммодорус, этот корабль вот-вот развалится окончательно, — сказал Конан.

Теперь, когда массы воды устремились в пролом и еще больше размыли его, уровень воды внутри арены стал быстро понижаться, а с ним проседал и полузатопленный бывший флагман.

Перегнувшись вниз, Конан дотянулся до своего нанимателя и вытащил его наверх, потом подхватил его, не давая свалиться в человеческую круговерть, которая воистину была еще хуже бушующих вод.

— Сюда, — сказал он. — Следуй за мной.

Взобравшись на сломанную рею, киммериец перескоцил на какие-то сиденья с высокими каменными спинками, образовавшие нечто вроде острова в море толпы. При этом он пролетел над головами людей и, развернувшись, успел подхватить последовавшего за ним Коммодоруса. Крепкому и сильному коринфийцу легко удалось прыжок. Почти сразу же мачта разбитого корабля к большому облегчению Конана — застонала, растрескалась и скрылась из виду.

— Ну, Тиран, — сказал киммериец, — давай, повелевай подданными. Сделай хоть что-нибудь, чтобы прекратить эту панику!

— А что я могу? — ответил тот с искренним недоумением, переводя взгляд с Конана на мелькавшие в толпе лица, а с них — на разваливающиеся конструкции амфитеатра. — Что ты предлагаешь? Чтобы я эти подпорки выпрямил? Удержал балкон на плечах? Да он, того и гляди, нам прямо на головы завалится...

— Ты все хвастался, до чего тебя любит и уважает народ! — зарычал в ответ Конан. — Вот и пришел твой черед всех успокоить и возвратить к той самой верности... Валяй, парень! — добавил он нетерпеливо. — Что, неужели не осталось никого, кого ты мог бы заставить повиноваться? Каких-нибудь стражников? Офицеров?..

Тирану явно стало очень не по себе. Он посмотрел вниз, в толпу, чей бесцельный бешеный бег начал понемногу сменяться тихим отчаянием,

Потом, нагнувшись со своего насеста, Коммодорус нерешительно взял за плечо какого-то зажиточного горожанина. Тот, стоя с отвисшей челюстью, коротко глянул вверх, потом безмолвно начал пропихиваться дальше.

— Бесполезно! — сказал Коммодорус и равнодушно покачал головой, вновь оборачиваясь к Конану. — Ты, похоже, единственный, кто еще готов меня слушать. Ну и что ты собираешься предложить?..

Конан с отвращением фыркнул. Верхние ряды над ними были теперь покинуты зрителями. Если забраться туда, минуя смертоносные ловушки тоннелей и не менее смертоносную опасность ненадежно нависающего балкона, — глядишь, можно будет и выбраться.

— Сюда! — сказал он Коммодорусу и запрыгал с ряда на ряд.

— А куда мы, собственно, направляемся? — осведомился Тиран, безо всякого

воодушевления следуя за киммерийцем. — Сет бы слопал стигийских халтурщиков, выстроивших Цирк! Он же, того и гляди, вовсе рассыплется...

— Если уж что и ослабило кладку, так это бесчисленные тела, которые запрятали в ней по твоему приказу! — огрызнулся Конан.— Но в любом случае, если мы спасемся отсюда, так только по крышам.

На самом деле он понятия не имел, насколько это было вообще возможно. Ему хотелось одного: добраться до Сатильды, которая, как он понимал, находилась где-то там, наверху, у самого края амфитеатра.

— Ясно, — сказал Коммодорус, — Рисковать, так рисковать... Однако, во имя Митры!— пожаловался он некоторое время спустя.— Ничего себе пробежка...

Они карабкались с одного уровня на другой, и Тиран все больше отставал, так что Конан волей-неволей перестал лезть так круто вверх, как вначале. Каждая «ступенька» буквально высасывала силы из бедренных мышц, заставляя дрожать и подгибаться колени. Чтобы дать ногам хоть какую-то передышку, Конан вел своего подопечного галсами — то вправо, то влево. Ему не хотелось даже близко подходить к запруженному тоннелю, из устья которого доносились вой, проклятия и крики.

Чем дальше они с Тираном забирались в зловещую сень готового рухнуть балкона, тем более очевидно становилось плачевное состояние всего Цирка. Им то и дело приходилось переступать через обломки камня, свалившиеся сверху, уворачиваться от потоков мусора, катившихся вниз по рядам. Потом начали ощущаться сотрясения под ногами, происходившие от каких-то невидимых подвижек глубоко внизу.

— Вода проникла в основание Цирка,— пропыхтел Коммодорус, когда Конан остановился, давая ему передышку. — Арена должна была выдержать, там все сработано на совесть... Но от обвалов, должно быть, появились трещины в кладке. Теперь, пока мы тут рассуждаем, вода размягчает землю и подмывает фундаменты...

Конан что-то буркнул в ответ и снова устремился вперед. Он всей кожей чувствовал тяжесть нависшей над ними покосившейся громады, и неприятное ощущение усиливалось с каждым мгновением. Но вот, наконец, они достигли края зловещей тени и выскочили наружу, на ослепительное солнце, преодолев две трети пути до верхней кромки трибун. Здесь беглецов было гораздо меньше, ибо почти весь народ устремился вниз, видя там наиболее легкий путь к спасению. Конан разглядел Сатильду и Квамбу, двигавшихся вдоль края стены. Вот девушка обернулась, заметила его и легкими прыжками устремилась навстречу. Конан замахал руками, призывая ее оставаться на месте.

— Итак, мой смелый телохранитель, наш путь к спасению нечаянным образом воссоединил любящие сердца, — заметил Тиран. И добавил с хитрой усмешкой: — Не обижайся, пожалуйста. Как ты ни хороши, мой киммериец, этот зверь — защитник еще лучше тебя.

Почти лишившись сил, они выбрались на северное закругление овала трибун. Внизу распростерлись бесформенные остатки рухнувшего балкона. Повсюду валялись мертвые тела, корчились раненые и искалеченные, безмозгло болтались разрозненные кучки людей. Кто-то лез вверх, чтобы оставаться подальше от ужаса, происходившего в нижних рядах. Груды упавшего камня еще крошились и оползали, из-под них во все стороны разбегались кровавые ручейки. Внизу виднелись мертвецы, затоптанные в продолжавшейся давке и драке за несбыточное спасение.

А еще ниже виднелось жуткое зрелище опустошенной арены, заваленной утопленниками, обломками разбитых кораблей и морскими чудищами, бьющимися на сушу. Вся вода утекла куда-то вниз сквозь незримые трещины. Этот кошмар, невыразимый никакими словами, ясно отражался на лицах людей, смотревших сверху на водоворот смерти, в который волею судеб

превратился Империум-Цирк.

И вот, наконец, двое мужчин, гладиатор и Тиран, добрались до самого верхнего яруса, где их поджидала взволнованная женщина и невозмутимая тигрица при ней. Сатильда тотчас бросилась Конану на шею, но киммерийцу, усталому и не успевшему отдохнуться, было не до нее. Он смотрел через плечо девушки на улицы вне стен Империум-Цирка, — улицы, захлестнутые безумием.

Некогда нарядные бульвары близ Цирка были полны воды, в которой плавал мусор и мертвые тела вперемешку с живыми. Улицы превратились в бурные грязные реки, течение которых постоянно менялось по мере того, как рушилось очередное подмытое здание. Дворики и сады богачей были залиты и изгажены, а кое-где уже пробирались полуоголые счастливчики, вырвавшиеся из смертоносных объятий потока. Они нащупывали путь к спасению, стараясь обходить затаившихся крокодилов и хищных рыб, скатившихся в глубокие лужи. Собственно, Конан примерно этого и ожидал.

Гораздо хуже была картина, представшая ему в отдалении. Оттуда раздавались крики дерущихся, треск дерева и звон стекла. Кое-где уже поднимались столбы дыма и пламени. Киммериец без труда понял причину. Общественный порядок в городе отошел в область воспоминаний. Толпы, разбежавшиеся из Цирка, сделались невменяемыми и принялись кушать все на своем пути.

Повсюду происходили грабежи и погромы. Знать и чиновники Луксура, большая часть которых погибла или попала в ловушку внутри обреченного Цирка, уже не были властны над беднотой, жителями городского дна, не сумевшими раздобыть билетов на погибельное представление.

Глядя вниз, Конан хорошо видел мародеров, деловито сновавших по террасам одной из роскошных вилл на склоне холма. Они мешками таскали награбленное. Киммерийцу даже показалось, будто он узнал одного из воров: этот здоровенный, заросший волосами малый явно был из числа пленников, выгнанных сегодня на арену.

«Что ж, — подумалось Конану, — морским и речным пиратам, унесенным водой с арены, не составило особого труда разбить кандалы. И заняться привычным ремеслом. Что касалось гладиаторов, сумевших пережить катаклизм, — из них, наверное, тоже получились весьма охочие воры... Да, у немногих стражников, если таковые еще оставались на своих местах за стенами Цирка, навряд ли был шанс хоть как-то укротить орды грабителей, заполонившие улицы!»

— Пропало... Все пропало... — бесцветный голос, раздавшийся у Конана за плечом, принадлежал Коммодорусу. — Я, помнится, как-то говорил тебе, киммериец, что Империум-Цирк есть сердце моего правления. И вот в это сердце нанесен смертельный удар....— Тиран обвел жестом рухнувшую часть амфитеатра, сквозь которую наружу изливался поток.

Кое-кто из отчаявшихся зрителей добровольно бросался в него, надеясь, что вода поможет выбраться с обреченной арены...

Конан осторожно отстранил от себя Сатильду и сказал Тирану:

— Ты еще можешь все поправить, если прямо сейчас возьмешь управление на себя. Тем более, что многие твои завистники, я полагаю, погибли.

— Если так, то, может, им, наоборот, повезло, — мрачно проговорил Коммодорус. — Даже если мне удастся спастись... как, по-твоему, я смогу пережить столь чудовищное унижение? Все... это? — И он вновь обвел рукой останки некогда величественного сооружения.

— Это правда, — сказал Конан. — Только, по-моему, в любом случае надо первым делом убираться отсюда!

Он прошел вперед по внешней стене Цирка и остановился напротив самой высокой из крыш

ближних вилл. Вилла, по замечательному совпадению, принадлежала самому Коммодорусу.

Улица, разделявшая два здания, была не слишком широка, к тому же верхние этажи и виллы, и Цирка несколько нависали над нижними. Тем не менее, чтобы достичь мозаичного пола террасы с висячим садом — той самой, где они когда-то наслаждались угощением, — нужно было пролететь вперед и вниз довольно значительное расстояние. Судя по всему, кое-кто уже попробовал перемахнуть туда. И не смог. Об этом молчаливо свидетельствовали тела, распростертые вниз лицами на камнях мостовой. Или их попросту оставил здесь отхлынувший потоп?.. Растоптали бегущие толпы?..

Ответа не было. А если кому-то и удалось совершить невероятный прыжок, то спасшиеся, не мешкая попусту, уже скрылись: в глубине здания. Конан с большим сомнением оглядел пропасть, отделявшую их от увитой лозами беседки...

Тут же стало ясно, что времени на раздумья им отпущено не было. Каменная кладка вновь сотряслась под ногами, слева послышались испуганные крики и почти сразу — грохот обвала, жутко отдавшийся в чаше амфитеатра. Пролом, сквозь который утекала вода, сделался шире.

Рухнула еще часть подмытой арены и унесла с собой жизни сотен людей. Опасность подбиралась все ближе...

— Если будем пробовать перепрыгнуть, лучше с этим не мешкать, — сказал киммериец и встал там, где красовался длинный горизонтальный флагшток, увенчанный ярким знаменем. Знамя лениво полоскалось над улицей. — Что скажешь, Сатильда?

Акробатка подошла к нему, ведя за ошейник озирающуюся тигрицу.

— Если бы мы трое могли, как следует разбежаться, то...

Тут позади них вновь зазвучал страшный хор голосов обреченных людей, увидевших близкую смерть, и Цирк в очередной раз сотрясла чудовищная судорога. Восточный участок балкона, из-под которого они только что выбрались, наконец, подался и просел. Тех, кто находился внизу, — мертвых или вконец спятивших от ужаса — мгновенно стер в порошок тяжелый обвал, который еще и проломил нижние перекрытия, превратив целую секцию Цирка в бесформенную груду обломков.

Конан и трое его спутников — мужчина, девочка и зверь, оказались на гребне утлого и быстро сужавшегося островка.

— Квамба, лежать! Ляг, маленькая, успокойся!..

Ночная кошка, чьи звериные чувства были гораздо острей человеческих, ощущала подкрадывающуюся погибель. Она беспокойно натягивала поводок, вставая тяжелыми передними лапами на верхний бортик стены и заглядывая вниз. Сатильда, вцепившись в ошейник, как могла, успокаивала и уговаривала подругу. Ей это удавалось с трудом.

— Не цепляйся, — предупредил Конан гимнастку. — Вдруг она прыгнет? Свалившись с ней — обеим верный конец...

Поняла ли тигрица его слова, так и осталось неизвестным. Сатильда же, если и поняла, прислушаться к совету не пожелала. Скорее наоборот. Ибо, едва он договорил, громадная кошка невесомым движением взлетела на самый верх ограждения. И с нею вместе — Сатильда. Крепко ухватившись за украшенный самоцветами ошейник, она перекинула ногу и оказалась на атласной, играющей литыми мышцами спине. Ночная кошка бесстрашно выбежала на узкий флагшток... Сила тигрицы и ловкость тренированной акробатки позволили совершить невозможное. Раскачавшись на конце прогнувшегося флагштока, огромный зверь взвился в воздух вместе с гибкой женщиной, прильнувшей к чернильно-черной спине...

Не зря две подруги вместе играли, выступали, репетировали и даже спали в обнимку. Настал решительный миг, и все это увенчалось грацией и согласием великолепного полета к спасению. Огромные бархатные лапы беззвучно соприкоснулись с мозаичным полом террасы. Сатильда

отпустила руки, мягко перекатилась по мозаичным плиткам — и вскочила на ноги невредимая.

— Эй!.. — окликнул ее Конан. — Возьми вот это, мало ли, вдруг мы не выберемся!

Сунув руку к поясу, он отцепил завязки бережно хранимого кошелька и перекинул ей на ту сторону. Сатильда попыталась поймать, но кошелек оказался для нее слишком тяжел: упав на пестрые плитки, он зазвенел золотом.

— Конан! Не вздумай прыгать!.. — прокричала гимнастка, нагибаясь за кошельком. — Попробуй как-нибудь по-другому, здесь слишком далеко! Мы с Квамбой пойдем искать наших из труппы... Если кто-нибудь еще жив... Ты тоже нас потом разыщи...

— Хорошо, — сказал Конан и поднял руку: — Прощай.

— Ах, до чего трогательно, — заметил стоявший рядом с ним Коммодорус. — А то она не могла бы на моей вилле набрать куда больше золота, чем ей под силу унести...

— Не удивлюсь, если ее уже дочиста разграбили воры, а то и занимаются этим прямо сейчас, — сказал Конан, глядя вслед удаляющейся женщине. — Как бы то ни было, готов спорить, что с такой спутницей ей ничто не грозит! — И вновь повернулся к Коммодорусу: — Ладно, давай выбираться. Не попробовать ли через завалы? Если вода вытечет, можно будет перейти вброд на...

Он не договорил. Оглянувшись обозреть разрушенный цирк, он замер как вкопанный. Он заметил человеческую фигуру, что приближалась к нему снизу, перебираясь с ряда на ряд легкими, гибкими движениями атлета.

Коммодорус тоже узнал этого человека.

— Ксотар, храмовый гладиатор, — произнес он не без некоторого удивления. — Значит, и ты пережил эту величайшую из всех игр на арене! А теперь, вероятно, идешь к нам сюда за положенным тебе лавровым венком?..

Пытаясь шутить, он поднес руку к собственным мокрым и грязным кудрям, но красовавшийся на них венок давным-давно смыло.

— Коммодорус, берегись, — тихо сказал Конан, заслоняя Тирана.

— Погоди... Ага, так вот, значит, в чем дело! — Коммодорус посмотрел на Конана, потом на могучего борца (тот переводил дух, находясь ярусом ниже, встав в удобную стойку) и улыбнулся, поняв все до конца. — Ты — храмовый боец, — сказал он. — Значит, ты человек Некродиаса. А Конан, которого Некродиас пытался перекупить и перекупил бы, если бы не его понятия о чести... Конан, значит, считает, что Некродиас, упустив его, возложил почетную миссию на тебя... — И он от души расхохотался: — Ну, Ксотар, что скажешь? Это правда?

Судя по самоуверенной ухмылке Душителя, смысл вопроса он уловил. Конан ни разу еще не слышал, чтобы этот восточный уроженец произнес хоть слово по-стигийски или на любом другом языке. И было не похоже, чтобы ему захотелось вдруг начать говорить.

— Коммодорус, спустись вниз по обломкам и скажи нам, есть ли где-нибудь выход, — сказал киммериец.

И ткнул рукой назад, где в десятке шагов зиял рваный провал и временами раздавалось сдержанное громыхание.

— Я останусь здесь с Ксотаром и прослежу, чтобы он до тебя не добрался...

Не сводя глаз с борца, он обратился к нему, стараясь говорить спокойно и просто:

— Лучше не делай этого, Ксотар. Неохота мне никого убивать, тебя в том числе...

— Не придется, — сказал Коммодорус, обходя своего телохранителя и становясь лицом к лицу с Душителем. — Что, парень, циркового поединка захотел? Давай! Я вполне готов намять тебе холку!

— Погоди, Коммодорус! — Конан взял Тирана за плечо, пытаясь его удержать. — Я еще не видал никого быстрей и опасней этого человека! Я с ним, может, и справлюсь, но я предпочел

бы не пробовать...

— А я? — самонадеянно спросил Коммодорус, оглядываясь на телохранителя. — Я что, не солдат, не борец, не опытный гладиатор, в конце концов? Ты полагаешь, со мной так легко справиться любому фанатику, обученному в храме? Ты вообразил, что, если у него толстая шея, я так уж и не сумею ее переломить? А ну прочь, пока я сам не надумал тебя проучить!..

Гневное движение мускулистого торса сбросило руку Конана с его плеча.

— Коммодорус, ты — правитель! Ты был им, и еще можешь снова им стать! — не сдавался киммериец. — Твое дело — править, а драться предоставь мне! Я — воин! Ты сам мне заплатил, чтобы я тебя защищал...

— Правильно, заплатил. А теперь, варвар, я заплачу тебе за то, чтобы ты постоял в сторонке и не путался под ногами. Оставь меня и дай мне справиться самому! Это приказ! — Он уперся ладонью Конану в грудь и грубо отпихнул его прочь. — Неужели ты не можешь понять, что победа над храмовым чемпионом — мой единственный шанс спасти свое имя? Неужели не ясно, что все случившееся... — тут он в который раз обвел трагическим жестом кошмарные развалины Цирка, — ... есть не что иное, как плоды заговора, организованного храмом Сета, дабы подорвать мое правление! Но все-таки я разрушил их планы, одержав победу над их ставленником! — И он подмигнул Конану. — Когда я опять взойду на трон, я заново отстрою арену. Я сделаю ее еще больше и краше, чем она когда-то была!..

Отвернувшись от киммерийца, он сошел на ступеньку вниз и встал против Ксотара. Судя по улыбке храмового бойца, тот вполне понимал, что происходило. Он ждал, чтобы Тиран начал бой первым.

Тот, как успел уже убедиться Конан, предводителем был никудышним. Но то, чего ему недоставало как вождю, с лихвой покрывалось личной отвагой. Сорвав с себя подсохшую, заскорузлую тогу, Коммодорус остался в одной промокшей набедренной повязке. И без промедления встал в борцовскую стойку, перенеся вес на переднюю часть обутих в сандалии стоп. А потом метнулся вперед и, обхватив сбоку рукой намасленную шею Ксотара, вознамерился бросить Душителя через бедро...

Ксотар был меньше ростом, но гораздо шире в плечах. И он, казалось, никуда особо не торопился. Он застыл в низкой стойке, точно укоренившись на поверхности камня. Броска у Тирана не получилось: Ксотар если и сдвинулся, то едва ли на полшага. И тут же сделал какое-то неуловимое, невидимое движение, от которого его соперник вновь оказался впереди него и вынужден был оторвать от земли одну ногу. Этот маневр ему немало облегчила и инстинктивная боязнь Коммодоруса свалиться вниз на ступеньку; пока Тиран силился вновь обрести равновесие, Ксотар приник к нему вплотную и... перевернул его вверх ногами.

Потеряв опору и оказавшись вниз головой, Коммодорус начал медленно валиться. Ксотар без видимого усилия опускался на колени, поддерживая свою жертву. Толстые, поблескивающие от масла, руки храмового борца обвились, как два питона, вокруг торса Тирана. Тот отчаянно лупил его кулаками по массивным ляжкам, но без особого результата. Объятие Душителя становилось все туже. Запрокинутое лицо Тирана смертельно побледнело, глаза дико вращались...

— Коммодорус! — окликнул Конан.

Вынужденный следить за неравной схваткой со стороны, он ждал если не внятного сигнала, то хоть какого-то намека на то, что хозяин передумал и все-таки просит его вмешаться. Но Тиран так и не махнул ему рукой, не бросил призывающего взгляда, продолжая вместо этого тщетно хватать и царапать ноги Душителя. С таким же успехом можно было стучать кулаками по железным колоннам.

Гранитные камни у них под ногами содрогались и все заметнее проседали, но Ксотар ни на

что не обращал внимания. Коммодорус широко открыл рот, пытаясь то ли говорить, то ли кричать. Но в легких не было воздуха, и не раздалось ни единого звука. Потом недолгие мучения завершились, и Коммодорус, Тиран Луксура, обрел отдых. Его лицо и тело обмякли, в остекленевших глазах отразился глубокий покой.

Выждав еще мгновение, Ксотар ослабил хватку и выпустил безжизненное тело. Перевернув труп на спину, он выпрямил ему ноги и уложил руки, скрестив их на груди. Так поступали с теми, кого приносили в жертву Сету.

— Ну что ж! — сказал ему Конан. — Твоя работа завершена. Моя — тоже. Я пойду своим путем, ты — своим. Я уже сказал, что никого не хочу убивать.

Ксотар по обыкновению промолчал, но самодовольная ухмылка выразила полное согласие. Конан повернулся и пошел к иззубренному краю обвала.

«Если случится новый оползень, — думалось ему, почему бы не оседлать глыбу побольше и не съехать вниз вместе с ней?..»

Гул и рокот, доносившиеся из-под ног, помешали ему расслышать быстрые, по-кошачьи бесшумные шаги за спиной. Он осознал неладное, только когда его шею обхватила сзади тяжелая, скользкая от масла рука.

— Ах, ты пес!.. — вырвалось у киммерийца. — Немой, а лжешь, точно шлюха с провалившимся носом!.. — Разорвав захват, он наградил борца чувствительным ударом в плечо. — Сказано же, лучше не лезь! Не хочу я иметь никакого дела ни с тобой, ни с твоими хозяевами, ни с их противниками, чтоб им всем утонуть и сгореть!..

Душитель почти не обратил внимания на удар. Его рука метнулась вперед с быстротой прыгающей кобры. Вцепившись в волосы киммерийцу, он попытался заставить более высокого противника согнуться.

— Храмовая жаба, у тебя что, уши заложило? — свирепея, прорычал Конан.

Он нацелился Ксотару в лицо кулаком, но удар не достиг цели: тот отдернул голову, и кулак лишь скользнул по литым мускулам шеи. Однако Конан, не растерявшись, возвратным движением вогнал локоть в чувствительное место его руки, так что онемевшие пальцы Ксотара разжались и выпустили его грифу.

— Догадываюсь, что случилось! — продолжал Конан, отскакивая назад, встряхиваясь и готовясь сражаться уже всерьез. — Этот облезлый череп, Некродиас, вообразил — коли он однажды, предложил мне стать Тираном вместо Коммодоруса, так я всю жизнь теперь положу в драке за это место! Да оно мне даром не нужно! Я вообще отсюда уйду, как только смогу...

Борец взирал на Конана с прежней ухмылкой, выжиная, пока рассосется судорога в руке. Потом неожиданно нырнул вперед и попытался обхватить киммерийца поперек тела. Конан стремительно отлетел назад, не даваясь ему в руки, и одновременно наказал Душителя серией мощных ударов в скулу, в ухо, в висок, по губам и по шее. У Ксотара начали кровоточить рассеченные губы, но их все так же кривила ухмылка. Он продолжал наступать. Конан вмазал ему кулаком чуть повыше глаза. Ощущение было такое, словно он расшиб себе кисть о каменную статую. Бить Ксотара в брюхо оказалось все равно, что по переполненной бочке. Кулаки Конана врезались ему то в челюсть, то в подбородок, то в ребра, то в плоский бесформенный нос, но не могли даже стереть с физиономии мерзкой улыбочки трупоеда. Когда же Конан всадил колено ему в пах и опять не дождался видимого впечатления — он усомнился, был ли его противник вообще человеком. Мужчиной, по крайней мере!..

Ксотар надвигался неотвратимо... Конан покрепче уперся ногами, намереваясь раздробить ему ударом жилистое горло... и тут ощутил, как задрожал и подался под ногами гранит. Сандалия соскользнула с края и сорвалась, он сильно ударился лодыжкой и коленом, так что перед глазами брызнули звезды. Он качнулся назад и тотчас ощутил, как охватывают его торс мускулистые

руки.

— Ах, ты, отродье крокодила!.. — выругался Конан.

Но сразу замолк, почувствовав, как крепнет удушающая хватка, воистину достойная питона.

Ксotар сжимал не столько его грудь, сколько живот, стремясь выдавить весь воздух из легких.

Конан весил больше Коммодоруса, и храмовый борец не мог поднять и вертеть его с такой же легкостью, как Тирана. Зато он придавил его к камню всем весом своей туши и уперся в горло коленом. Некоторое время Конан пытался лягнуть или наподдать в то место, где, по его расчетам, у Ксotара должна была быть голова.

Ксotар ловко уворачивался. Конан стал задыхаться. Он почувствовал, как в легких кончается воздух, и не было почти никакой возможности заново их наполнить. Перед глазами все поплыло...

Так вот, значит, каково было то объятие, которое довелось испытать Роганту. А скольким еще до него?..

Понял Конан и то, что Душитель намеренно загнал его на самый край полуразрушенной трибуны, где он неизбежно споткнулся. Потому-то он и терпел болезненные удары, заставляя Конана пятиться и отступать...

В груди невыносимо жгло. Киммериец еще раз попытался судорожно вздохнуть, но на сей раз не смог сделать, ни единого глотка воздуха. А чудовищная хватка все сжималась, постепенно превращая день в ночь, гася над головой солнце...

И в это время твердые камни под ним сотряслись — и провалились в пустоту. Конан ударился обо что-то головой. Потом полетел по воздуху вниз. Ксotар разжал руки...

Еще мгновение — и Конан покатился кувырком, оглушенный, среди сплошных клубов густой пыли. Он всей грудью вбирал эту пыль, и ему казалось, что с таким наслаждением он никогда еще не дышал. Ксotар подевался неизвестно куда, и больше ничто не мешало киммерийцу отмахиваться от летящих осколков, хвататься за какие-то края и обдираться о камни.

На некоторое время он с головой погрузился в поток сыпавшегося мусора, отчаянным усилием вырвался на поверхность и покатился вместе с каменными обломками и песком...

... Потом лавина остановилась, только где-то еще продолжали пересыпаться мелкие крошки. Конан высвободил засыпанные руки и ноги и пополз на четвереньках, сам не очень понимая, куда. Где-то поблизости послышался вздох... Вернее, трудный, стонущий выдох. Конан повернулся в ту сторону и увидел Ксotара. Тот лежал лицом вверх, безнадежно придавленный. Ему в грудь упирался здоровенный гранитный блок, припертый другими неподъемными глыбами. Лицо Душителя было покрыто пылью и кровью, глаза и рот широко раскрыты.

Конан смотрел на него совершенно бесстрастно. Так, наверное, Манетос созерцал очередного кандидата в мумии. Изломанный камень, вне всякого сомнения, был слишком тяжел, чтобы пытаться его приподнять. И вообще, если его нечаянно стронуть, он, пожалуй, соскользнет и раздробит Ксotару голову...

Душитель смотрел на Конана с животным ужасом в глазах. Он пытался заново наполнить легкие воздухом, но это было не в человеческих силах.

С камня стек ручеек пыли, окутав белым облачком лицо храмового борца. Потом пыль улеглась, и Конан увидел перед собой неподвижную посмертную маску Ксotара Душителя. Он повернулся к ней спиной и стал пробираться по развалинам вниз...

Глава пятнадцатая

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ ТИРАН!»

После недолгих блужданий киммериец наткнулся на Мадазайю: кушит, оказывается, сумел ухватиться за обломок галерного весла и, оседлав поток, выплыть с ним за пределы арены. Чернокожий воитель спасся благодаря привычке сражаться почти обнаженным и еще благодаря необычному умению, привезенному с родины: Мадазайя был необыкновенно ловок, когда доходило до переламывания крокодильих челюстей. На городских улицах царил полный беспредел, к тому же луксурцы с понятным подозрением относились теперь ко всему, что как-либо напоминало о Коммодорусе и его злосчастном Цирке. Однако двоим гладиаторам было не привыкать бороться за жизнь. Тем более что еды и питья в Луксуре хватало, уж во всяком случае, в течение первых нескольких дней. Были и всяческие источники благосостояния — иди и бери, если есть руки да голова. Поэтому нужды испытывать не приходилось.

Конан вскоре просльышал, что большинство артистов из труппы Ладдхью благополучно пережило катаклизм и устроилось на храмовых землях, взявшиесь присматривать за священным зверинцем. Их домики, где они раньше обитали около Цирка, даже после перекрытия акведуков оказались непригодными из-за наводнения и огромного количества трупов поблизости. Так что прежняя жизнь, сытая и не очень обременительная, кончилась безвозвратно. Конан, впрочем, не сомневался, что труппа вскоре отыщет благодарных ценителей своих разнообразных талантов.

— Слушай, Мадазайя, — сказал он как-то утром, когда они полеживали в пиршественной зале богатой бесхозной виллы, временно ставшей их домом. — Знаешь, я давным-давно не бывал в Күше! Скажи мне, дружище, по-прежнему ли деревья сгибаются до земли, когда на них стаями опускаются дикие попугаи? И саванна дрожит до самого горизонта, когда по ней бегут стада антилоп?..

— Истинно, Конан, все так, как ты говоришь, — подтвердил его приятель. — Ты до того хорошо описал мою родину, что мне и самому вдруг захотелось домой!

— Я тут подумал, — сказал киммериец, — что мне определенно не повредило бы от души поохотиться. Надоели большие города, жрецы, тираны и тому подобная херня. Хочу пожить дикой жизнью, спокойно и просто. А тебе, стало быть, захотелось вернуться домой?

— Да, и я с радостью пригласил бы тебя погостить, — отозвался бывший Мастер Меча. — Но как же твоя девушка и ее ручная тигрица? Все эти ночи я спал вполуха и ждал, чтобы они появились: думаю, вот сейчас явятся, и девушка займется тобой, а со мной станет развлекаться тигрица...

— Нет, Мадазайя, они не придут, — сознался Конан. — Честно говоря, я, кажется, для цирковой жизни не очень-то подхожу. А она, я уверен, никакой другой и знать не захочет. Так что лучше уж все оставить как есть!

Приняв, таким образом, решение о своей дальнейшей судьбе, друзья не стали надолго задерживаться в Луксуре. И правильно сделали, ибо вскоре в городе начались гонения и выступления против чужеземцев, продолжавшиеся почти две недели. Ибо можно ли было сомневаться, что катастрофа, унесшая множество жизней, явилась не чем иным, как наказанием за восприятие безбожных чужеземных обычаем? А гибель гладиаторов, растерзанных рыбами и крокодилами, — символической местью и торжеством исконно стигийских звероголовых Богов?

Когда же все кончилось, когда были потушены последние пожары, а ненавистные коринфийцы изгнаны из столицы, в ней придел к власти и начал насяживать законность новый Тиран — молодой, суровый правитель. Звали его Дат. Он сумел объединить уличные шайки,

заставил их следить за порядком вместо разбежавшейся городской стражи и таким образом прекратил безобразия. Потому-то и облек его столь высоким доверием старый Некродиас, Первосвященник храма Сета.

Едва лишь начался семилетний срок правления, Дат первым же указом велел сровнять с землей безобразные руины Империум-Цирка. На месте арены решено было выстроить усыпальницу, где благочестиво захороненные жертвы печальных событий смогут обрести вечный покой.

Так уцелел древний город Луксур, а жители его вернулись к праотеческим традициям, в лono мудрых и справедливых Богов.